

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ДНИ И ГОДЫ

СТЕПАН ГЛИГОР

ВЗГЛЯД
СКВОЗЬ ДНИ
И ГОДЫ

Степан ГЛИГОР

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ДНИ И ГОДЫ

Издание третье, дополненное

Черновцы
Издательство «Друк Арт»
2021

После выхода в свет этой книги в 2008 году в жизни как автора, так и всей страны произошло немало перемен, разных событий, о которых и захотелось поделиться с читателем в этом дополненном издании, высказывая свое мнение и предлагая свой взгляд на наболевшие, насущные вопросы нашей действительности.

Глигор Степан

Г54 Взгляд сквозь дни и годы / Степан Глигор. — 3-е изд., доп. — Черновцы : Друк Арт, 2021. — 216 с. : ил.

ISBN 978-617-7172-61-0

В своей книге известный на Буковине и во всей Украине, а также за ее пределами крупный хозяйственник с 65-летним опытом производственной работы, ныне руководитель агропроизводственного предприятия Степан Глигор рассказывает о собственной жизни, о трудовых буднях страны, об этапах социалистического строительства, о взлетах и падениях, о небезызвестной перестройке и первых шагах независимого Украинского государства, его достижениях и прочетах. Он дает объективную оценку прошлому и настоящему нашей страны, размышляет о том, как, извлекая уроки из недавней истории, не допускать больше ошибок в будущем, дает ценные советы по улучшению работы всех слагаемых национальной экономической, политической, социальной и духовной сферы Украины во имя ее укрепления и процветания.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 94(477.85)

ISBN 978-617-7172-61-0

© Глигор С. С., 2008

© Глигор С. С., с доп., 2016

© Глигор С. С., с доп., 2021

*Од землі починається мій родовід,
І діди, і батьки мої – рядові.
Я і сам рядовий, в сонцесяйному німбі,
Од спекоти рудий, захмелілий од хліба.
Я слуга і владика своєї землі,
І на пальцях моїх – рядові мозолі.
Та я знаю – найвища посада – моя!
Наймирніша професія – в мене!
І зростила мене хліборобська сім'я,
Щоб вирощував хліб священний.*

Георгій Шевченко. Хлібороб

С ПРИЩУРОМ НА ПРОШЕДШЕЕ

Желание написать книгу о собственной жизни, о трудовых буднях, об этапах социалистического строительства страны, о взлетах и падениях, о небезызвестной перестройке пришло ко мне сразу, как только ознакомился с содержанием книг Бориса Кириченко «Присмерк у полудень» и «Рани Батьківщини». Особенно потряс меня подзаголовок «Псевдореформаторів – до відповідальності».

Не хочу возвышать себя самого в этой книге, просто хочу показать в ней то, что случилось с нами за несколько десятилетий до и после Второй мировой войны; тот период, когда из подростка я постепенно превращался в мужчину и начинал понимать жизнь такой, какой она была.

Я человек незаангажированный, просто руковожу хозяйством, не собираюсь предлагать себя в районное или областное начальство, не стремлюсь выдвинуться в депутаты Верховной Рады Украины. Я хочу занимать должность простого земледельца, быть обыкновенным патриотом своей Родины.

Мне кажется, мой жизненный путь был и трудным, и очень интересным – от рядового механизатора, помощника бригадира комплексной бригады, председателя сельского совета, секретаря партийной организации, председателя самого крупного на Буковине колхоза, второго секретаря Новоселицкого райкома партии, председателя АПО и, конечно же, до депутата Верховного Совета СССР.

Для меня самое большое счастье, когда государство и общество считаются со мною. Не буду в этой книге перечислять все мои государственные награды, но то, что мне государство присвоило звание заслуженного работника сельского хозяйства Украины, ученый совет Подольского государственного аграрно-технического университета присвоил мне звание почетного профессора, это большое признание моего многолетнего труда и заслуг перед обществом.

Так исторически сложилось, что ныне я живу уже в третьей стране, даже не выезжая за пределы Новоселицкого района: родился при румынах, вырос при советской власти, продолжаю жить в Украинском государстве; был румыном, стал молдаванином, теперь, по паспорту, – не знаю кем. Учитывая то, что я, на мой взгляд, знаю истинную правду о развитии нашей страны, видя множество искажений в истории, экономике, социальных вопросах, которые встречаются сегодня, я и хочу написать об этом честно, объективно, как и надлежит делать патриоту.

Что скрывать, конечно, на Буковине было очень много трудностей во время коллективизации; неистовствовали репрессии, в тюрьмы сажались абсолютно невиновные люди, многие из них погибли только потому, что раньше имели собственное хозяйство и умело работали на земле, другие умерли от голода и холода, третьи – от изнурительного рабского труда, четвертые... Не буду говорить о политических, пусть это останется на совести других. Но и в то время, и в тех трудных условиях мы верили в лучшее буду-

щее страны. Верили потому, что желали изменений жизни к лучшему. В таких условиях росли и воспитывались миллионы и миллионы детей. На моем примере я и хочу показать, какие трудности пережило наше поколение, каких высот благодаря их труду достигло наше общество, и как без каких-либо серьезных объективных причин все рухнуло.

Тогда в нашем крае свирепствовал голод. Страшная засуха сожгла всю зелень на полях, летний зной высушил колодцы, а люди продолжали жить. И помогали им в этом, выделяли по несколько килограммов зерна или по четвертинке подсолнечного масла на семью часто присланные на запад из России «тысячники». Уже тогда буковинцы поняли, что виной трагедии был не только Сталин, не только советский строй, а и местные жители, которые выслуживались перед властью имущими, доносили на своих соседей, чернили их действия, помогали в репрессиях. Но коллективные хозяйства действовали, жили, несмотря на то, что трудящиеся получали на трудодень только по 200-300 граммов зерна, и то – после отчетно-выборного собрания.

В марте 1953 года умер Иосиф Виссарионович Сталин – хорошо помню, с каким горем, с каким ужасом встретили мои односельчане это известие. Мы не знали, как жить дальше. Кто возглавит руководство страной? Какой будет линия партии в будущем? Люди привыкли к мысли, что все достижения Советского Союза были тесно связаны с именем великого вождя, отца всех народов товарища Сталина. И вдруг его не стало!

Кто только не метил на его место: и Каганович, и Маленков, и Микоян, и Молотов. Всех их грозился сместить Лаврентий Берия. Но на арену вышел Н. С. Хрущев. В этом же году, осенью он арестовал Л. Берия, а на XX съезде КПСС Хрущев разоблачает культ личности Сталина.

На какое-то время народ растерялся, но потом вздохнул с облегчением. В стране началось какое-то потепление, при-

остановились репрессии, пришло относительное спокойствие, что дало право назвать нового Секретаря Центрального Комитета демократом, а потом и аграрием, ввиду того, что Никита Сергеевич много времени стал уделять развитию сельского хозяйства. Его главным лозунгом было: «Догнать и перегнать Америку!».

Не все так просто давалось. Соединенные Штаты Америки придерживались правил «холодной войны», вооружались. Не остался в стороне и Советский Союз – тогда страна имела самые большие темпы вооружения, развития ракетостроения, покорения космоса. При Никите Сергеевиче впервые в истории космонавтики человек вышел в космос. С именем Юрия Гагарина на устах ликовал весь мир.

С большим интересом Никита Хрущев отнесся к сельскому хозяйству, но попал под большое влияние академика Лысенко, который объявил войну травопольной системе земледелия, держа курс на расширение пропашных культур, и в первую очередь кукурузу, так называемую «королеву полей». В своих новациях достиг северных широт Союза, где кукуруза не всегда созревала. Курс на безмерное расширение посевных площадей кукурузы оказался ошибочным, но кто мог сказать об этом Первому секретарю ЦК КПСС?

Тогда впервые наше государство закупило за границей значительную партию продовольственного зерна. В торговле почти исчез белый пшеничный хлеб, вместо него продавцы предлагали хлеб наполовину с горохом или кукурузой.

Но как только Первым секретарем ЦК КПСС был избран Леонид Ильич Брежнев, все изменилось: появился и хлеб, и все необходимое к хлебу. Почему? Да потому, что все это припрятывалось руководящими чиновниками до поры до времени, когда политические баталии окончатся, когда страна пойдет проторенным путем.

Коренные изменения для села наступили после Октябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, когда вышли в свет закон и постановление ЦК КПСС «О введении в сельском хозяйстве гарантированной оплаты труда». Тогда очень резко изменилось отношение к сельскохозяйственному труду и к самим крестьянам.

В этом же году впервые были введены отпуска дояркам, механизаторам; крестьяне впервые стали получать паспорта с правом прописки в промышленных городах. Вот тогда-то и началось нормальное развитие в этой отрасли. Колхозники были заинтересованы в оплате труда, стали лучше работать, больше получать зерна и денег. Заметно побогатели.

Все это было. Собирались партийные съезды, партийные конференции, различными наградами – орденами, звездами Героев социалистического труда награждались заслуженные труженики Советского Союза, но все равно что-то не устраивало многих, во всем чувствовался какой-то застой, партийное удушье, страна ждала каких-то новых перемен, не понимая, что этот период застоя будет скоро вспоминаться как лучшие годы в жизни советских людей.

Но не всех. Множество партийных боссов правдами и неправдами накопили целые состояния, но имеющиеся деньги не могли использовать открыто, без указания на то, откуда взялись эти деньги. Правительство страны заметно постарело, на арену вышли диссиденты, которых не устраивал национальный вопрос, ущемление гражданских прав.

Вот тогда и пришла перестройка. Я хочу показать, как это было, ибо я был тогда депутатом Верховного Совета СССР, видел своими глазами, как Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев просто играл со своим народом. Играл на его чувствах. Как политик он добился своего: отношения между Востоком и Западом стали теплей, Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Германия и другие капиталистические страны стали нам

ближе, но не всегда правильно обдуманые, не взвешенные законы часто вызывали сомнения, а то и разочарование, ну хотя бы «Противоалкогольный закон». Зачем? Для чего он ввел этот закон? Тогда на свадьбу своего сына я достал 12 видов фруктовых соков, но они не смогли заменить простой бутылки водки. Свадьба была безалкогольной, не такой праздничной, как это было принято. Мнимое благополучие не стыковалось с реальной жизнью. Считаю, с этого момента, а еще со взрывом на Чернобыльской атомной станции и начался распад страны. Горбачев пустил страну на самотек; остановились действия существующих законов, народное хозяйство разваливалось на глазах, фраза: «Можно делать все, что не противоречит закону» стала призывом к разграблению государственного имущества.

Не могу умолчать и о «Союзе на троих», когда руководители России – Борис Ельцин, Белоруссии – Станислав Шушкевич и Украины – Леонид Кравчук собрались в Беловежской Пуще и, абсолютно не имея никакого на то права и полномочий выступать от имени народов, подписали договор о распаде Союза, о независимости этих и других постсоветских социалистических республик.

Я хочу сравнить достижения Советского Союза за 15 лет послевоенной жизни в строительстве новых фабрик и заводов, дорог, гидроэлектростанций и наши потери за 30 лет существования независимой, суверенной Украины. Так вот, это факт, что за 30 лет наше государство не построило ни одного завода, ни одной фабрики, только продало соседям все, что имело раньше, государственного бюджета хватало, да и то не всегда, только на зарплату служащих. Свое производство, своя экономика не развивались. Нет у нас сейчас понятия о прибыли, национальном доходе, о производстве отдельных видов товара на душу населения.

Что случилось с нами? Куда мы идем? Я не хочу защищать какую-то отдельную партию, какой-то ленинский или

сталинский режим, я, как и все мои читатели, хочу жить, жить достойно, не допускать искажений в оценке деятельности правительства. Мне кажется, я всю жизнь боролся за справедливость, и на этом буду стоять до конца.

Надеюсь, мои воспоминания помогут нам в какой-то степени определиться, куда и как двигаться. В этом и состоит суть моей книги.

Часть первая

СТАНОВЛЕНИЕ

О, мое село, моя родина – Ванчиковцы! Весной ты утопаешь в белоснежных и лиловых цветах, летом переливаешься солнечной зеленью, осенью позваниваешь золотыми плодами, а зимой, занесенная глубокими сугробами, пронзенная холодными ветрами, лежишь вдоль реки Прут и асфальтированной дороги, что ведет в два дорогие сердцу города: первый – Черновцы, второй – Кишинев.

Да, я живу в Украине, здесь тружусь, здесь покоятся мои родители, я украинский молдаванин, я – сын своего народа. Мои корни глубоко вошли в эту землю, и никто никогда не вырвет их отсюда.

Мой отец Савва Степанович Глигор родился в 1894 году, мать Софрония Сергеевна была на 10 лет моложе отца – родилась в 1904 году. Семья была большая, девять детей. Две сестры – Мария и Александра умерли в детстве. Остальные семеро воспитывались и выросли в родном родительском доме. Старшим среди нас был Владимир, правда, от другой матери. Его мама Ликерия умерла, когда ему было полтора годика. Все братья и сестры были старше меня, я был самым младшим, родился в апреле 1941 года в селе Ванчиковцы Новоселицкого района Черновицкой области.

Родители мои были людьми очень мудрыми, практичными, добросердечными и заботливыми. Я очень горжусь ими. В 1865 году появился на свет мой дедушка Степан Пантелеевич. Говорят еще, что я очень похож на него, поэтому отец и назвал меня в его честь. Дед был человеком свободолюбивым, даже пошел наперекор родителям, женившись на еврейке. Ее родители, в свою очередь, тоже противились их браку. Но дедушка украл ее и уехал в село Несвоя. Жили там два месяца, пока все не уладилось. Там же она приняла крещение и получила православное имя – Александра.

В то время такой поступок очень осуждался, считался позорным, и новожены уехали из села, никому не сказав куда. Со временем они возвратились в Ванчиковцы. Сколотили крепкое хозяйство, ходили в церковь. Дед имел четырнадцать гектаров земли, где-то десять-двенадцать коров, пару лошадей, сельхозинвентарь. Коров содержал беспривязно, на глубокой подстилке, имел большую кладовую, в которой берег корма и мог в ней свободно развернуться конной подводой.

Бабушка – мы ее звали Мамия, была высокой, худой, но самой доброй – она всегда имела в запасе какие-то конфеты или кусочки сахара для своих внуков.

Савва Глигор был коренным ванчиковцем – добрым, мудрым крестьянином. Отмерянная Богом жизнь его была настолько тяжелой, насколько и интересной. Может быть, поэтому я все время подражал ему, свои действия сопоставлял с его делами.

В 1914 году отец был призван в русскую армию. Курс молодого бойца прошел в городе Канске Красноярского края за четыре месяца. Повоевать ему так и не привелось, потому что сразу же попал в плен и был направлен в немецкий концлагерь. Не зная об этом, штабные писари послали в Ванчиковцы телеграмму, что Глигор Савва Степанович про-

пал без вести. По крестьянскому обычаю, родные сделали по нем поминки – сорок дней, год, три года, семь лет, а потом – только вспоминали о нем при случае.

А все обстояло так: немцы загнали пленных в концлагерь, словно животных, гоняли их плетками, издевались при каждом случае, кормили единственной капустой без крупы, масла, и то по кусочку капусты на большую кастрюлю. Не выдержав издевательств, пленные забастовали. Весть об этом дошла до Международного Красного Креста. В концлагерь прибыла специальная комиссия, чтобы проверить, так ли обстоят дела на самом деле, или это просто выдумка забастовщиков. Пленные ничего не скрывали об издевательствах, но переводчик переводил все наоборот. Немного зная немецкий язык, отец вышел вперед и сказал членам комиссии, что переводчик искажает факты, говорит неправду.

Руководство концлагеря не могло простить этого, решило всех забастовщиков жестоко наказать. Во время их обеда отца и других пленных подвешивали за ноги и заставляли смотреть на то, как они кушают.

Часто голодных и холодных пленников посылали в Бельгию на лесоповал. Тех, кто от изнеможения падал на землю, просто расстреливали.

Так прошло три года.

Как-то в концлагерь прибыло новое пополнение. В его числе – и офицер русской армии, у которого была карта Западной Европы с указателями дорог, названием сел и городов. Это очень заинтересовало отца.

– Знаешь, что? – обратился русский офицер к отцу. – Ты владеешь немецким языком, я имею карту. Выбери себе, кого сам знаешь, и, если возможно, объединив усилия, мы попробуем вырваться из концлагеря.

Так и сделали. Их группа состояла из четырех молдаван, пятым был русский офицер. Пять месяцев они собира-

лись, советовались, спорили, настаивали каждый на своем, но подчинялись русскому. Как-то ночью он сказал: «Пора, ребята! Пошли...»

Тревожно стучали сердца, дрожали ноги, но предвкушение свободы выбросило их за проволоку и привело к близлежащему лесу. Всю ночь они бежали в южном направлении, но неумолимо приближалось утро. Сеялся серый день. Надо было как-то переждать его, притаиться от окружающих. Но как?

– Знаете, что? – подал голос Глигор. – Давайте влезем на деревья и там, привязав себя ремнями, чтобы не упасть, пересидим до следующей ночи.

– Согласен! – воскликнул офицер. – Это самое лучшее предложение. Может быть, у кого-то есть другие мысли? – и, не услышав возражений, начал подниматься по стволу дерева.

Утром на второй день они вышли на опушку леса. Вдали показалось несколько пустых повозок, местные жители ехали за дровами. Осторожно подошли к ним, поинтересовались, где находится железнодорожный вокзал. Проезжавшие люди немного засуетились и, поняв, что видят перед собой военнопленных, приветливо улыбаясь, разъяснили:

– Германия за вами. Вы уже на территории Бельгии. Железная дорога почти рядом.

Ободренные удачей, беглецы направились к железнодорожному вокзалу. В небольшой будочке несколько встревожили стрелочника. Уточнили, где они находятся. Стрелочник оказался простым и добрым человеком, поэтому, видя перед собой людей, бежавших из плена, сказал:

– никоим образом не сдавайтесь местным властям, они возвратят вас обратно.

Прислушавшись к совету стрелочника, было принято решение двигаться в сторону Франции. Почти целое лето бежали лесами, кормились, чем Бог послал, иногда в подо-

бранной немецкой каске толкли пшеничные зерна из собранных на поле колосков, но держались – верили, что концлагерь уже остался в прошлом.

Во Франции их приняли как политических беженцев, устроили на работу на мясокомбинат.

Отец проработал там четыре года, выучил французский язык, свободно общался с местным населением, планировал, как вернуться домой. Внезапная болезнь привела его в госпиталь, где он познакомился с молодой медсестрой. В ходе лечения между ними завязались серьезные отношения, наводящие Савву на мысли о женитьбе на француженке. Но тут, как говорится, без Бога ни до порога, – он встретился со своим соседом из Ванчиковцев – Флорей Булыгой, и тот сообщил:

– Ты знаешь, Савва, наша территория под Румынией. Может быть, попробуем вернуться домой?

– Давай, Флоря, – загорелся отец, вспомнил свой родной край, быстрый Прут, – пойдем в румынское посольство и заявим, что мы – румыны.

И вот через семь лет отец вновь вернулся в родное село. Это было в воскресенье, под обед. Выйдя на полустанке, отец пошел домой. Ни он, ни его самого никто не узнавал. Он открыл калитку, и даже старый, добрый пес, сначала не признав хозяина, с лаем бросился на него, но как только услышал голос Саввы, виновато опустил хвост и заскулил, как бы улыбаясь.

– Ну-ну, не балуй, – сквозь слезы шепнул псу. – Веди в дом.

А там о чем-то говорили близкие и родные ему люди, и когда заметили в окне незнакомого человека, удивились поведению пса. Что такое? Почему он лощится?

Удивленная мать вышла на крыльцо. Что-то сжалось в груди, закружилась голова, очень знакомым и близким показался этот человек.

– Мама! – выдохнул отец. – Это я, Савва!

Она еще раз взглянула на него, и земля стала уходить из-под ног, она мягко упала на землю. Обморок был недолгим. Пес виновато лизнул ее в лицо, Савва подхватил мать на руки и поцеловал.

– Савва, я что ж, на этом или на том свете?

– Нет, мамочка! Я здесь. Я живой. Твой родной сын, твой Савва.

Двор ожил. Все заговорили одновременно: где был? не болел ли? как доехал?

– Все хорошо, все отлично, – отбивался отец от надоедливых родственников.

Жизнь продолжалась. Он возвратился к своим крестьянским заботам – пахал и сеял, убирал и молотил жнивьё. Ключки их земли были разбросаны в семи местах – по 30-50 сотых, а кое-где и гектаров, в каждом. Было трудно переезжать с поля на поле, добиваться высокого плодородия земли.

В следующем году Савва женился на соседской девушке Ликерии, у них родился сын, но вскоре она умерла. Отцу пришлось опять жениться – в этот раз на Софронии, моей матери. Конечно, многодетная семья жила не в роскоши. Где-то за Днестром лежала Советская Украина. Одни говорили, что крестьяне там жили еще труднее, их преследовали горе, бедность, пустые магазины; другие утверждали, что те жили лучше, потому, мол, что все там делается общественно, коллективно. Все это немного настораживало, тем более, что селом носились слухи о том, что в Галичине поговаривают о воссоединении всех украинских земель в единое государство, а как же быть им, молдаванам? Хозяйство, земля для крестьян – главное. Но говорят – то и другое в Советской Украине растаяло. Село молчало, село ожидало.

28 июня 1940 года в Ванчиковцах появились первые советские солдаты, которые и сообщили, что Северная Буковина теперь присоединена к Советскому Союзу. Пока же

все оставалось по-старому. Правда, несколько румынских семей спешным порядком выехали в Румынию. Румынские леи потеряли свою цену, русских денег жители Ванчиковцев не имели, не за что было купить керосин, соль, табак, спички. От безденежья никто не ездил даже в Черновцы. И хотя пропагандисты активно агитировали за социалистическую справедливость, за выгоду жизни при советской власти, люди ничего реального в этих обещаниях не видели. Жили по старинным, исконным законам. Бедняки обрабатывали свои земли, а в свободное время работали в хозяйствах зажиточных крестьян за продукты.

Советская власть продержалась на Северной Буковине менее года. После завоевания Польши фашистская Германия напала на Советский Союз. В это смутное время, за два месяца до войны, в семье Саввы Глигора появился на свет божий и я – автор сей саги.

О жизни в 1941-1944 годах почти ничего не знаю, кроме того, что 1940-й год в Ванчиковцах был горем и печалью для одних и надеждой на светлое будущее – для других. Началась борьба бедных и богатых, настоящих хозяев земли и так называемых батраков.

Великая Отечественная война наше село почти не зацепила, разве что было разрушено несколько хат, да и на сельских улицах вновь появились немецкие жандармы, а в сельском совете – примарь. Отец, как всегда, трудился на своих клочках земли, мать вела хозяйство по дому – готовила еду, стирала белье, следила за домашним скотом, птицей.

В 1944 году, когда на Буковину снова пришли русские, отца призвали в трудовую армию. И, что удивительно, служить ему выпало в том же городе Канске Красноярского края, где в 1914 году проходил курсы молодого бойца.

Служил недолго. Но и за это время в родном селе произошло много изменений. В деревне началась коллективизация. Помню, к нам пришли агитаторы-вербовщики с пред-

ложением вступить в колхоз. Рано или поздно, но это было неизбежным. Родители часто поднимали эту тему, начиналась горячая перепалка. Отец утверждал, что колхозу быть с ними, и без них. Не лучше ли согласиться добровольно, как говорится, отдаться на милость другим.

– Никогда этому не быть! – настаивала мать. – На что жить будем? Где денег возьмем на эту ораву? – печально смотря на нас, кричала мать. Вербовщики убеждали родителей, что, вступив в колхоз, «будете есть хлеб с салом каждый день», что было роскошью в то время. И вот эти люди сидят в нашем доме:

– Пишите заявление о добровольном вступлении в колхоз.

– Да мы неграмотные, – тихо молвил отец. – Пишите сами, а мы подпишемся.

«Подпишемся» – означало «поставим крестики». Через несколько минут заявление было написано. Отец наклонился над листком бумаги, молча, словно вчитываясь в написанное, слегка крикнув, поставил четыре крестика, при виде которых побелевшая мать упала в обморок. Она упала на маленький столик, за которым дети ели борщ. Дети очень испугались, а мать всю ночь плакала, бродя по двору. На следующий день со слезами на глазах мы простились с лошадью, сельхозинвентарем и всем, что можно было забрать в колхоз. Корову нам оставили, но каждый день, после утренней дойки, сестры Мария и Люба забирали ее бродовать на колхозном поле, а вечером опять доили и варили какую-то баланду из кукурузной или пшеничной крупы.

В доме мама была главой семьи. Конечно, голос отца был последним, решающим, но на самом деле все домашнее хозяйство мать держала в своих руках. И сейчас диву даешься, как она тогда выдержала предвоенные и военные годы, какие муки перенесла, воспитывая нас честными, справедливыми, заботилась о нас, как птица о своих птенцах.

Помню голодные 1946-1947 годы. Мы сидели за маленьким столиком. Посредине большая миска с баландой. Семь ложек одна за другой опускались на дно, набирали еду и летели ко рту. Мать стояла рядом и сурово наблюдала за порядком, и если замечала, что кто-то из нас старался опередить других, деревянной ложкой давала по лбу – хотела, чтобы все были более или менее сыты.

Первые военные годы я не то что не помню, да и помнить не мог, так как родился за два месяца перед началом войны, но голодовку запомнил на всю свою жизнь. В возрасте пяти лет наш сосед, однофамилец Василий Ильич, нанял меня пасти ягнят. Работа нетрудная, но для ребенка надоедливая – немного заиграешься и гляди, какой-то ягненок вскочит в огород или забредет в палисадник. Тогда Василий Ильич грозно сводил свои брови, чем очень пугал своего пятилетнего помощника.

Василий Глигор был железнодорожником, имел броню; на фронт не забирали, но сухой паек получал. Раз в неделю он привозил мне шесть-семь кусочков сахара – по одному в день. Их я осторожно складывал в большой карман и не ел до следующей недели. После делился сахаром с другими детьми, матерью. В 1946 году была страшная засуха. Все вокруг выгорело, негде было выпасать животных, земля потрескалась, ее щели пылали жаром, куры, поразившие клювы, лежали в скудной тени наполовину высохших деревьев. Люди доедали последние крохи урожая прошлого года.

От голода нашу семью спасла корова и семь овец. Это был главный источник нашего пропитания. Многие завидовали нашей «роскоши», сельчане смотрели на наше стадо голодными глазами, и чтобы его защитить от разных ротозеев, отец, Владимир и Мирча спали вместе с коровой и овцами, вооружившись топором, вилами и наглухо закрывшись в хлеву.

Каждый из нас имел задание по сбору колосков. Собирали их украдкой от местного объездчика, чтобы не донес на нас как на расхитителей социалистической собственности. Вечером мы освобождали колосья от плевры, а зерно измельчали на жерновах – снарядной гильзе, внутри отделанной железной сеткой, и прикрепленной к ней рукояткой. Полученную крупу мать засыпала в кастрюлю, заливала ее молоком и таким образом получалась молочная каша или мамалыга. Так изо дня в день. Но как-то раз отец где-то достал свежую телячью шкуру, обшмалил ее на огне, а мать, порезав ее на мелкие части, принялась готовить что-то похожее на холодец. Мясной дух расплылся по всей комнате, во рту текли слюнки. Не выдержав искушения, я с братом начали таскать те еще полусырые кусочки из казана. Под вечер мы оба схватились за животы и громко кричали. Что с нами делать, как помочь, никто не знал. Полегчало нам только к утру.

В 1947 году мне было шесть лет, но и в этом возрасте я уже самостоятельно зарабатывал на свое пропитание, вместе с братом Калином пас соседских овец. Помню, вдоль железнодорожной полосы простилалась густо заросшая бурьянами молодая лесная посадка. Оттуда доносился какой-то скулящий вой. Может быть, чья-то раненая собака или лисица?

– Слышишь, Степан? – дрожащим голосом молвил Калинин. – Ты постой с отарой здесь, а я тихонько разузнаю, в чем там дело.

Брат быстро спрятался в высоком бурьяне и чуть помедленнее начал отступать назад.

– Степа, посмотри. Это, кажется, ребенок. Еще живой...

Передо мной открылась страшная картина: свернувшись в клубок, с окровавленными ногами лежал мальчик, недалеко в бурьяне, злобно оскалившись, смотрели на нас бродячие собаки. Мы аккуратно приподняли его окровавленно-

го, полуживого и повели к дому. Увидев его, мать только руками всплеснула. Молча наполнила казан водой, поставила его на огонь. Паренек безучастно смотрел на все ее старания, стонал.

Мать тщательно вымыла его, насухо вытерла полотенцем и аккуратно постригла ножницами. Найденыш быстро уснул. Возле него мать постелила и мне. Одно дело подобра́ть голодающего, другое – прокормить. Выручала овечья сыворотка. Ее мы пили иногда вместе с баландой из семян каких-то бурьянов, лебеды. Некоторые ванчиковские крестьяне ездили в Станислав. Доставали на крохмальном заводе жом, смешивали его с лебедой и, сварив, кушали. Брошенные на произвол судьбы дети иногда ели жом сырым и, переев его, умирали. Мать очень этого боялась, наказывала нам не прикасаться к жому.

Но что делать с найденным? Кто он, откуда? Мальчик ничего не помнил, его раны почти затянулись, а односельчане начали строить разные догадки, мол, его сейчас ищут, а он об этом не знает. Надо куда-то обратиться с заявлением.

Под впечатлением этих толков отец пошел в сельский совет и заявил о «находке». Из Новоселицы прибыли милиционеры и забрали мальчика с собой. Куда они его дели, никто не знал. И только через два года приехала из Заставны его мать – ей кто-то подсказал, что это мы спасли от гибели ее сына, и, может быть, он еще здесь.

Дорога на Кишинев была гравийной и такой раскаленной, что на нее нельзя было стать босой ногой, но и по ней то и дело проплывали какие-то ходоки с узелками за спиной или несли что-то в дряхлых руках, которые еле-еле держались походной палки. Иногда они умирали. Умирали пожилые, умирали молодые и даже дети. Их подбирала специальная похоронная бригада и хоронила без гробов, крестов и могил. Те, что были посильней,

шли дальше из Бессарабии в сторону Станислава (сейчас Ивано-Франковск).

Нас убивал не только голод. В селе то и дело раздавались вопли – то в том, то в другом дворе. Органы госбезопасности забирали в Сибирь так называемых врагов народа. Одним из них «оказался» примарь села. Он был известен тем, что никогда и никому не причинил зла. Был зажиточным сам, старался сделать такими и своих сельчан, поднял село на самый высокий уровень и Ванчиковцы стали лучшими не только в Хотинском уезде, куда относились, но и во всей Румынии, к тому же получил титул тырг, что еще больше подняло авторитет примаря Тодора Постолаки, отдавшего селу 15 лет своей жизни.

Он внедрил в селе семилетку, двухлетнюю аграрную школу, открыл сельский банк, который финансировал крестьян, увеличивал их покупательскую способность. Селяне покупали и продавали сельскохозяйственную продукцию, приобретали новую технику. Стали обрабатывать землю по новой технологии. Кроме того, банк имел целый ряд мельниц на Пруту, перерабатывал зерно на муку, продавал ее, а заработанные деньги отдавал крестьянам, чтобы они развивали свои хозяйства, финансировал церковный хор, который занял тогда первое место в Румынии.

Постолаки не был политиком, он был хозяином, просто занимал свой пост, против советов не выступал, да и не мог, потому что его арестовали сразу же, в первые дни советской власти и сослали в Сибирь, там он и погиб.

Довоенную историю своего села я знал больше из рассказов старшего брата Владимира, а начиная с 1946-1947 годов из собственных наблюдений. Очень запомнился мне наш горе-сосед, завуч местной школы Василий Николаевич Гульчак. Такой желчный, с какой-то непонятной улыбкой, которая говорила о том, что ее хозяин знает кое-что такое, чего не хотят знать или не знают другие.

Жил в нашем селе такой себе простой крестьянин Василий Маняца. Маняца – было его прозвище, а фамилия, как и моя, – Глигор.

Так вот этот дедушка любил, выпив грамм сто водки, бросить что-то такое в адрес Сталина или России. Как-то Гульчак, услышав эти высказывания, донес об этом в НКВД, и загремел Василий Маняца по политическим мотивам на 25 лет в Сибирь.

Говорят, с наводки завуча потерпела и семья Никифора Негруцы. В голодовку люди выживали, как могли. Не знаю, на что там рассчитывали в семье Негруцы, но как-то ночью они решили припрятать на огороде немного семенного зерна пшеницы. Вместе с женой Еленой (они жили от нас через дорогу) Никифор выкопал яму и положил завернутое в мешки, чтобы не увлажнялось, посевное зерно. Яму аккуратно присыпали, разровняли место, никакой приметы не оставили. А утром во двор нагрянули пограничники из заставы и выбрали все спрятанное. Разинув от удивления рты, молча стояли соседи, но когда пограничники стали загружать мешки в машину, Елена начала рвать на себе волосы, рыдала, кричала и вдруг бросилась под колеса...

Место, где спрятано зерно, указал пограничникам тот же Гульчак. Завуч был просто зверем. По-другому назвать его нельзя было. В 1946-1947 годах были все бедны, почти все голодовали, но он, как учитель, жил и не богато, но и не голодовал. Его имя до сих пор вызывает у ванчиковцев негодование и презрение. Дело в том, что этот Василий Гульчак был не только атеистом, но и творил противные дела. Как-то люди заметили, что на сельском кладбище начали исчезать деревянные кресты. Оказалось, завуч пилил их на дрова для обогрева своего жилья. В конце концов, на кладбище не осталось ни одного деревянного креста.

Как я уже говорил, за Гульчаком носилась еще одна злая слава – он был предателем, шестеркой в НКВД, доносил на

всех и вся и в школе, и в селе, указывал, кого не тревожить, кого в Сибирь отправить, кого в трудовые лагеря готовить. Очень много подростков 14-15 лет избегали с ним встреч, знали, что после этого их так или иначе ночью поймут, закроют в местной кутузке и под конвоем направят в ФЗО. И только через несколько лет они попадут на работу в Херсон, Донбасс, Днепропетровск, Одессу и другие места Советского Союза.

С именем Василия Гульчака всплывает в памяти еще один случай. После рабочего дня сельская молодежь собиралась в клубе потанцевать. Там было тесно, полумрак. На стене висел портрет И. В. Сталина. Во время танцев какой-то молодой человек зацепил портрет рукой и тот упал на пол. Находившийся здесь завуч схватил «виновника» за грудь, завязалась драка. Присутствующие еле развели их в разные концы клуба, а до утра того молодого человека в селе не стало. Куда и кто его увез, было неизвестно.

Подобные исчезновения были и раньше, человеческая судьба зависела от случайных обстоятельств и настроения других: доносчиков, милиционеров, финагентов. Денег не было, а нужно было подписываться на заем, платить налоги на корову, быка, телку, птицу, даже на каждое дерево в саду. В семьях не было ни гроша, не за что было купить одежду, обувь. Но это мало кого интересовало – должен платить! В случае отказа от налогов представители финотдела забирали все, вплоть до постели. Долги выбивали разными методами, финагенты строго выполняли все решения суда. Никто не ускальзывал от оплаты.

Особенно запомнился мне 1947 год. Деревня оделась в траур. Не было хозяйства, где бы не ступила нога проверяющих. Шастали по чердакам, сусекам, погребам, стодолам – искали зерно и даже фасоль, припрятанную хозяевами для сева. И что удивительно, финагентам было известно все, где

кто и что прятал. Люди озлоблялись, нет-нет да и бросали что-то плохое о советской власти. Нет, не такой власти они ожидали в сороковом году!

Но всякому овощу свой срок. Коллективизация окончилась, земля плодородила, на общественных фермах появился скот, в городах заработала промышленность, поднялся уровень жизни советских людей.

То был страшный период в моей жизни, но с ним связаны и другие воспоминания. Мне очень хотелось в школу, и хотя мне еще не было и шести лет, вместе с братом Калином я подался в школу. Увидев меня, худенького, маленького, наша соседка, учительница Вера Флоровна Присакару расплылась в улыбке.

– А ты куда, Степан? В школу тебе еще рановато. Иди домой, поешь еще мамалыги, подрастешь, тогда приходи обратно.

Как я тогда на нее обиделся – видите ли, Калина в школу приняли, а меня – нет!

В первый класс я поступил только в следующем году, со мной поступили и другие дети, года на два-три старше меня, все те, кто не учился во время войны. Но какими мы были дружными, как стремились к знаниям! А учиться было трудно: в учащихся не было ни ручек, ни тетрадей. Одной ручкой пользовались несколько учеников, другие писали простыми, остро заточенными палочками, чернилами, сделанными из бузины.

Между нами не было богатых и бедных – все мы ходили полураздетыми, босыми. У меня, кстати, была одна-единственная длинная рубашка, которая часто служила и за пиджак, и за брюки. С марта по сентябрь большинство из нас не носили обуви. И только где-то 7-8 ноября, в храмовый день, мы примеряли на ноги кожаные лапти, резиновые сапоги, еще что-то.

Эх, лето! Эх, детство мое далекое!

Как-то с Калином под обед мы привязали корову во дворе под вербами, а сами побежали к речке Рокитная искупаться. Быстро посбрасывали одежду, положили ее на берегу и – в воду! Кто ведает, сколько времени мы провели в воде, но когда выбрались на берег, рубашек на месте не оказалось. Может, кто-то утащил, может быть, волной унесло, но остались мы голые и напуганные до смерти – что теперь будет нам от родителей?

Шли огородами, испуганно прячась от крестьян.

Мать встретила нас удивленным взглядом: – А где ваши рубашки?! – Ее голос зазвенел медью, губы стали тонкими-тонкими, она выломала ветку вербы и с понятной яростью стала стегать ею: Калина больше, меня – меньше, ибо что возьмешь с ребенка?

– Идите, где были. Ищите одежду!

Взяв с собою грабли, мы долго бороздили ними дно, но рубаш так и не нашли. Все было напрасным. Добро, соседка наша Мария Маняца работала в Черновцах на трикотажной фабрике. Мама попросила, чтобы она достала там какой-то ткани на рубашах. Как смогла, сама пошила их, выкрасила в бузине и мы, как ни в чем не бывало, выбежали на улицу.

Тогда не было ни мыла, ни хозяйственной соды – во время стирки белья все заменяла зола из сожженных подсолнухов. Не было ножниц, мальчики и девочки расчесывали тело до крови – все оно было укрыто вшами. Местные учителя сами стригли учеников. Те садились на нижние ступеньки школьного крыльца, подставляя свои головы под ножницы. Через несколько минут все ступеньки кишели вшами, казалось, лестница под ними тихо колыхалась, возле нее двигался живой песок.

Наши хаты отапливались дровами, соломой и навозными кирпичами (кизяками). Помню, весной отец разбросал возле нашей хаты навоз с остатками лабуза и соломы,

недоеденными овцами и коровой зимой, а мы топтали его босыми ногами, мать набивала ими деревянные четырехугольные соты и ровными рядами складывала вдоль двора. Когда гной подсыхал, из него получались аккуратные навозные кирпичи.

После работы голодные, грязные мы вдвоем ожидали от матери платы за труд – какой-то еды или хотя бы кусочек мамалыги, но мать была занята совершенно другим, готовилась стирать нашу грязную одежду. В прихожей у нас стояло большое деревянное корыто. В него ставилась бочка, как говорится, без дна и крышки, на ее дне была зола из подсолнухов, сверху слой белья, потом снова – зола и слой белья, потом снова и снова. Все это мать «дезинфицировала» кипятком.

Вот и на сей раз она попросила Мирчу открыть в прихожую дверь. А он, в свою очередь, послал это сделать Калина. Они долго чередовались между собой, а я тем временем прошмыгнул под руки матери и потянулся к ручке, нечаянно задев 15-литровый казан с кипятком. Вода выплеснулась на мамины руки. От боли, от неожиданности она выпустила из них казан, крутой кипяток облил меня с головы до ног. Я взвыл от боли. Вязаная кофта прилипла к спине. Ее сняли с меня с кожей. Открылось окровавленное тело. Растерянная мать ухватила солонку и осыпала раны солью. Где-то она слышала, что соль в этом случае должна была мне помочь. От еще большей боли я потерял сознание.

Мама голосила на все село, проклиная и себя и проклятую жизнь свою. Соседи посоветовали ей где-то найти кубики чернил, растолочь их и посыпать ими обожженное тело. Где она их достала, неизвестно; ни больницы, ни врачей тогда не было. Кто поможет беде? А тело мое начало гнить, появились пузырьки. Что делать? Как быть? Спасибо, кто-то из соседей посоветовал матери обмазывать меня свежими сливками, а потом из кошачьей шерсти сделать по-

душку и положить ее на тело. Мать так и сделала, и на четвертый день я пришел в сознание.

Я чувствовал себя героем. Все ходили возле меня на цыпочках, мать кормила меня почти с ложечки. Носили меня на руках день и ночь.

Вообще мама очень вкусно готовила. Просыпалась утром первой, разжигала печь, и к утру завтрак уже был на столе, своим аппетитным духом подымал всех на ноги. У мамы главной целью было своевременно всех нас накормить и никого не выпустить на работу голодным.

Сколько я помню ее, мать никогда нигде не работала. После войны она неосторожно поднималась на чердак, упала на пол, сломала руку, ребро – стала калекой. Но и при этом она успевала сделать за день все, что надо. Была чистюлей, всегда аккуратная и суровая – никогда не позволяла нам ходить в грязной одежде. Пускай и скромная, латаная-перелатаная, но одежда на нас была чистой и свежей.

В 1948 году в колхозе работали отец, Нина, Мирча, Мария и Люба. Их просто выгоняли на работу – никаких тебе отгулов или выходных – трудились, словно в кабале. Старшего брата спас от нее призыв в армию. Тогда у нас на Буковине не прекращались стычки с воинами УПА, и мы даже не ведали о том, воюет ли с кем-то еще советская армия или нет. Поэтому провожали Мирчу в армию, как на войну, не зная, вернется он домой или нет.

Проводы были организованы на высоком уровне: играл большой духовой оркестр, были представители из районного и областного военкоматов, которые в своих выступлениях убеждали людей, что войну окончено, что пора браться крестьянам за мирный труд. Но это мало утешало мать. И еще долго потом она плакала о сыне.

А жизнь продолжалась. В селе началось строительство примитивных животноводческих ферм, складов, комор. Отец работал скотником. Мы с Калином помогали ему, как

могли: вычищали и вывозили навоз, заносили корм на ночь. Все делали в послеобеденное время, а первую половину дня посвящали учебе. Уроки делали ночью, большей частью при керосиновой лампе.

На следующий год отца назначили старшим скотником, поручили ему сделать летний лагерь для животных где-то за 15 километров от села, между селами Черлена, Шербинцы и Костычаны. Там выпасали свой скот и остальные колхозники. Две коровы – собственную и старшей сестры Нины – пас я, а еще двух-трех коров пас брат Калинин. За это нам платили какой-то мизер – что-то покупали из одежды, обуви. Денег тогда у крестьян не водилось.

Нина была замужем за бывшим фронтовиком-разведчиком, Владимиром Васильевичем. После войны он работал бригадиром полеводческой бригады и служил для меня образцом для подражания. Он читал газеты, слушал радио, был в курсе всех политических событий, знал, что делается во всем мире. К тому же дядя Володя был коммунистом. Когда вместе с Ниной он приходил к нам в гости, я, разинув рот, с интересом и большим удовольствием слушал его рассказы. Мне казалось, что он был настолько грамотным, настолько политически подкованным, что другого такого не было во всех Ванчиковцах.

Я хотел стать похожим на него. Забегая наперед, скажу: это благодаря ему я стал членом партии, стал жить не только своей жизнью, а жизнью других; с удовольствием пошел по его стопам.

Другому, кому я подражал в жизни, был председатель колхоза Гаврила Андреевич Воронцов. Уроженец Ленинграда, человек, который перенес голодную блокаду, он всегда оставался человеком с большой буквы. Он был суров и добр одновременно. Голодные годы мы пережили и благодаря ему. Видя, что некоторые крестьяне начинали пухнуть от голода, он, скрепя сердце, выдавал им по два-три килограм-

ма пшеницы, по килограмму подсолнечного масла. Просто вызывал кладовщика и приказывал под свою ответственность выдавать из резерва названные продукты, только бы спасти людей от смерти. Позже, когда наступили более урожайные годы, об этих его качествах люди почти не вспоминали, приняли как должное.

С тех лет очень живо помню 1955-й год. Ни до, ни после него не было такого дождливого лета. Сорняки завоевали все поля, невозможно было прополоть ни посеvy кукурузы, ни посеvy сахарной свеклы, проросли на корню посеvy пшеницы – бурьяны стояли в человеческий рост. Косилки неистовствовали, ножи забивались зеленью, молотарки задыхались от напряжения. Зерно было влажным, часто совершенно расплюснутым. Им были забиты все тока. Что делать? Как быть? И вот выход найден. В начале 50-х годов от Новоселицы в сторону Кишинева была построена асфальтированная дорога. Против солнца она поблескивала, как стекло. А что, если?.. Подводы, машины высыпали зерно прямо на асфальт, а чтобы другие не топтали его, дорогу перекрыли с обеих сторон села, вокруг нее проложив грунтовую.

Высохшее зерно быстро засыпали в амбары, отправляли в закрома Родины. И всем этим мы были обязаны острому уму председателя колхоза.

Гаврила Андреевич был уникальным человеком. Да, он совершенно не знал сельского хозяйства, не был искушен в технологии, в культуре земледелия, но он был умнейшим председателем. Он много видел, знал людские беды, брал их боли близко к сердцу. За это большинство крестьян его уважали, во всем слушали как своего руководителя, и вскоре он вывел свое хозяйство в число передовых как в районе, так и в области. Но тогда партией был взят курс на кадровое укрепление и Гаврила Андреевич должен был с этим смириться.

В 1960 году власти планировали освободить Воронцова от занимаемой должности, но люди воспротивились этому. Они демонстративно вышли из зала. Так продолжалось три дня. Понимая, что районное руководство рано или поздно таки добьется своего, бригадир полеводческой бригады Семен Сергеевич Баранчан, который имел талант управлять массами, вышел на сцену и молвил: «Уважаемые товарищи, послушайте меня. Безусловно, Гаврила Андреевич уникальный человек, он многим из нас помог пережить голодные годы, вывел хозяйство в число передовых. Он сделал много хорошего для нас, давайте что-то хорошее сделаем и для него. Предлагаю определить ему колхозную пенсию и отправить на лечение в какой-то санаторий».

Присутствующие встретили его предложение бурной овацией, аплодировали даже прибывшие на собрание районные посланцы, а представитель райкома партии предложил избрать председателем Ивана Ликандровича Яковчука, только что окончившего Киевскую сельскохозяйственную академию.

К сожалению, констатирую, что за два года пребывания на этой должности Иван Яковчук, по сути, уничтожил все хозяйство. Как говорится, довел его до ручки. 17 октября 1960 года меня призвали в ряды Советской армии, и что было с колхозом дальше, знаю только из рассказов других. Знаю только, что Яковчука освободили от занимаемой должности и на его место избрали своего земляка Алексея Васильевича Келю.

Но о нем – позже.

В те годы очень больно нас било безденежье. Если в отношении продуктов питания у нас кое-что и было, то хороших денег давно никто не видал. А без них даже учиться было невозможно. Помню, в школе организовали поездку семиклассников в Черновцы. Жить возле самой буковин-

ской столицы и не видеть ее было настоящим кошунством. Но билет (туда и обратно) стоил 80 копеек.

Мама молча выслушала мою просьбу, где-то добыла только половину стоимости экскурсии. Копейки я отдал учителю, но оказалось, поехать на экскурсию мы не могли, ибо и другие учащиеся, так же как и я, не могли оплатить стоимость билетов. Черновцы увидеть мне не судилось. Позже мать попросила меня вернуть ей неиспользованную мелочь, но напрасно. Ее мне никто не возвратил, а попросить я не решался.

Дабы вы лучше меня поняли, скажу, что заработать денег тогда было негде – сельскохозяйственная продукция не ценилась вовсе, килограмм помидор, арбузов стоил две-три копейки, так же – картофель, столовая свекла, морковь, фасоль. Ванчиковецкую среднюю школу я окончил в 1957 году. Надо было продолжать учебу, но где и за что? Поэтому и остался в колхозе, как и отец, разнорабочим на ферме: зимой стоял возле соломорезки – готовил сечку для поголовья скота, весной, летом, осенью – заготавливал зеленый корм. За месяц получал 20-25 трудодней, но мать и это считала за счастье – все-таки помощь!

Как-то мой односельчанин Иван Степанович Баранчан, который работал в Садгоре на крахмальном заводе, предложил мне помочь устроиться на место весовщика картофельного пункта в Черновцах. Понятно, что я сразу согласился на это, а 27 рублей в месяц тогда стоили многого. Работал я честно и добросовестно, но моя должность меня не устраивала, я хотел учиться дальше, перестать быть зависимым от других. Даже от семьи.

Зимой 1959 года я узнал, что объявлен набор абитуриентов в Ставчанское училище механизации сельского хозяйства, в котором учащихся бесплатно питали, обеспечивали одеждой, общежитием, к тому же выдавали 10 рублей стипендии. Успешно сдал экзамены, чему неизмеримо воз-

радовалась вся моя родня. Учился старательно, и в 1960 году получил свидетельство механизатора широкого профиля.

До призыва в армию успел поработать трактористом, комбайнером. Мне очень посчастливилось – армия была моим первым институтом. Я попал в инженерно-технические войска, в специальную школу подготовки младших специалистов инженерных машин.

Школа находилась в Виннице. Через 8 месяцев школу перевели в Мамоново на берегу Балтийского моря, оттуда командование нас направляло во все рода войск Варшавского договора.

И опять мне посчастливилось – меня, в числе немногих, направили в Московский научно-исследовательский инженерный институт имени Карбышева. Мы испытывали все виды нового вооружения, которые выпускали отечественные заводы. На территории института было расположено конструкторское бюро, стояли ряды новой техники, которую обслуживал наш полк.

Раз на год сюда приезжали представители всех стран Варшавского договора ознакомиться с новым видом вооружения.

Культура в институте была на самом высоком уровне, царил идеальный порядок в казармах, взаимопонимание между инженерами и техниками, между командиром и подчиненными было идеальным.

Эта служба дала мне большой импульс в жизни, ибо именно здесь получил удостоверение на вождение любой техники. Там мы старались получить специальности, которые могли бы пригодиться на гражданке: бульдозериста, экскаваторщика, автокрановщика.

В ноябре 1963 года я оканчивал армейскую службу и никак не мог решить, куда устраиваться на работу: в колхоз или в областной центр? Ведь в Черновцах экскаватор-

щик получал за работу до 300 рублей, а в колхозе – 70-100! Но поскольку я уже знал село, членов тракторной бригады, других членов колхоза, а они знали меня, остановился на родном колхозе.

Сначала работал на старом МТЗ-2 – тракторе без кабины. Помню, зимой возил из фермы навоз на расстояние семи-восьми километров от села. Все было хорошо. Колеса легко бежали по накатанной полосе и вдруг, уже под лесом, застряли в бурте навоза. Что делать? Откуда ждать помощи? Тогда, засучив рукава, голыми руками бросился отбрасывать навоз, совершенно не чувствуя рук. Когда колеса достали твердого места, легко вздохнул. Несколько усилий мотора, и трактор оставил бурт. Может быть, этот факт и послужил поводом к тому, что меня избрали партгруппоргом тракторной бригады, а вскоре я получил совершенно новый трактор МТЗ-80, с кабиной, со всеми удобствами для работы. Я был счастлив.

Коммунистом я стал не случайно. Я уже говорил, что обожал мужа старшей сестры Нины за то, что где бы он ни работал – бригадиром полеводческой бригады, председателем сельского совета, был очень честным и порядочным руководителем. Как-то, когда я приехал из армии в отпуск, первый, к кому я зашел в гости, был Владимир Васильевич Дилион, муж моей старшей сестры Нины. Беседовали с ним о разном, но сходились в одном: коммунист должен быть примером во всем, личная жизнь не должна мешать общественной. Он принимал активное участие и в работе колхоза и в жизни села и совершенно не задумывался тогда: что это – режим или дисциплина. Я хотел заниматься тем же и вступил в партию не ради карьеры, а ради самой жизни. С тех пор у меня выработался такой закон: все домашние проблемы решать в семье: если сам не наведу в ней порядок, как же я буду руководить другими? Очень хотелось, чтобы в нашей семье царил мир и спокойствие. Любил одинаково

как отца, так и маму, был готов все отдать или сделать ради родителей. Но, к сожалению, у меня не получилось сделать это до конца. Мои родители на людях никогда не ссорились, но было что-то между ними недосказанное, утаенное. Когда меня призвали в армию, отец посетовал – не знаю, как я буду жить дальше. Что-то у нас с мамой не ладится. Тогда я думал, что это просто прихоть и сказал:

– Вот вернусь из армии, и все свои отношения наладите, все будет нормально, – и казалось, был прав.

В 1962 году я приехал в отпуск, в семье, на первый взгляд, было все хорошо, но это только казалось. По соседству в очень скромной семье жила девушка. Я хорошо знал ее старшего брата Володю, а с ней был знаком еще с детства, с тех пор, когда пас ягнят. Как-то мы с ней встретились во время отпуска. Она ходила на работу вместо мамы, на уборку сахарной свеклы. Брала еще с собой корову. Как-то она возвращалась с поля, а я догнал ее на велосипеде и проводил домой. И в тот же вечер мы начали строить планы на будущее. Ее родители были категорически против наших планов, ибо мне оставался еще год службы в армии. Но мне удалось уговорить Олю. Да и чтоб родители не ссорились, – женюсь, оставляю жену дома, как буфер между матерью и отцом. Ведь отец владел высоким уровнем культуры, был цивилизованным, жил во Франции, видел Париж, владел несколькими иностранными языками и, что интересно, он казался очень добрым, не так, как мама. Но ничего из моей затеи не получилось – мама ушла жить к родной сестре. Хозяйство рушилось – все случилось, как в той сказке Пушкина, – «у разбитого корыта».

Вернувшись из армии, мы с Олей остались без ничего, жизнь стала неимоверно трудной. Не имели ни гроша, ни вещей, ни еды, ни жилья... Сам я устроился работать на тракторе, приходилось работать и днем и но-

чью, только бы заработать на жизнь. Мои старания были оправданы, я пользовался большим уважением в коллективе, и мне посоветовали поселиться в одном из пустых домов, брошенной сбежавшей в Румынию семьей еще в 1944 году. Перебрались туда с женой в феврале месяце. Было холодно, неуютно, ночью мы никак не могли согреться. И вот весной председатель колхоза предлагает нам построить дом у одной старушки, которая жила на краю села, в красивом месте, возле лесочка и озера. А. В. Келя планировал там построить «Дом специалистов» под моим именем. Что-то в этом проекте показалось нечестным, каким-то утаенным.

Алексей Васильевич собрался провести свой отпуск в Венгрии, а перед тем, как уехать, собрал всех, кто должен был принимать участие в строительстве нового дома, вместе. На этом собрании присутствовал и я. «Пока я вернусь с отпуска, этот дом должен быть готовым! – сказал, словно приказал, и посмотрел на меня. – Так, Степан Саввич?»

На следующий день организаторы этого «плана» обратились непосредственно ко мне:

– Ну что? Начинаем?

– Нет, дорогие, – ответил я, – на такой шаг я не пойду. Не хочу, чтобы колхоз на меня работал, – чувствовал, что этот дом возводится не для меня.

Я решил построить дом самостоятельно, организовал клаку и возле двора своих родителей сделал саман, с учетом того, чтобы построить дом во дворе своих родителей.

В то время жена была беременной, но это не помешало ей принимать активное участие в изготовлении самана. Мы уже заканчивали эту работу, когда к нам прибыл на инвалидной коляске Владимир Чобан с приказом явиться к председателю колхоза. Келя только что вернулся из отпуска и увидев, что строительство дома застряло на месте, вспыл и решил во что бы то ни стало наказать виновных.

– Что, мое указание для тебя ничего не значит? – спросил меня, вначале побелев как снег, а потом покраснев как рак.

– Иди отсюда! И чтобы через 24 часа твоей ноги в этом доме, где ты живешь сейчас, не было.

Я шел домой, как побитый. Вместе с Олей присели возле самана. Немного всплакнули, жалко было проделанной работы. «Куда же теперь податься?» К родителям жены идти не хотел, вернулись в свою времянку. А тут прибегает соседка:

– Слушайте, дорогие мои. Вы знаете, что по соседству с вами продается недостроенный дом. Зиновия уезжает к дочери в Казахстан. А домик... Пойдите к ней, думаю, она согласится со всеми вашими предложениями.

Пошли к ней.

– Можно, я куплю ваш домик? – Я ведь видел, что он без окон, без дверей, а на крыше только один ряд камыша, даже потолка не было. – Предлагаю за все 250 рублей.

– Ну, так не пойдет, – начала торговаться Зиновия, – дайте хотя бы 300 рублей.

Сторговались, как говорится, ни по-вашему, ни по-нашему – за 265 рублей. И в сельском совете составили договор, за день сделали все необходимое. Личных вещей было немного и мы сразу же перенесли их и оставили прямо под открытым небом.

Этот домик был, как в сказке: без кола – без двора, без окон, без дверей, без потолков и крыши и размером всего лишь 7 на 4 метра. Почти два месяца мы жили под открытым небом. Возле домика поставили кровать и полностью зависели от чудачеств матушки-природы. Первое, что мы сделали с женой, это поставили потолки, старые окна и двери... и больше ничего не успели: жена попала в роддом, родила сына Геннадия. В ее отсутствие я побелил стены, соорудил деревянную кровать между печкой и стеной и посте-

лил дощатый пол в одной комнате. Келя встретил это событие молча. Что и о чем он думал?

Все эти трудности, испытания, которые я пережил со своей семьей, указали мне на путь в будущее. И я своего добился: через огромный труд, учебу, недоедание, недопущения никакой роскоши я стал востребован для людей. По моей и не моей воле я быстро продвигался вверх по служебной лестнице. И никогда, продвигаясь с одной ступеньки на другую, моя супруга не возражала, чтобы я возглавлял тот или иной участок работы. Но, вместе с тем, она всегда переживала за судьбы этих коллективов, хотя никогда не вмешивалась в мою работу. Переходя с одного участка работы на другой, я семь раз переезжал с одного места жительства на другое. Говорят, что каждый переход, это как пожар, но с этим мы никогда не считались. Никогда в семье не ставилось собственное хозяйство выше общественного. Вместе с тем, нам удалось вырастить и воспитать двух сыновей – Геннадия и Леонида, позже в нашу семью пришли две невестки – Марина и София, которые подарили нам трех прекрасных внуков – Артема, Евгения и Эллину.

С уходом из жизни моей любимой жены Ольги, когда я остался наедине со своей судьбой, рядом со мной оказались в первую очередь мои невестки, которые заботятся обо мне и поддерживают во всем. Я благодарен Богу за то, что у меня растут прекрасные внуки, которые хорошо воспитаны, и я надеюсь на их светлое будущее.

Данная книга была написана в 2008 году, а изменения и дополнения к ней произведены в 2016 году. За это время в моей семье произошли серьезные перемены. Наша семья выросла, изменилась. Сегодня нас уже одиннадцать.

Мой младший сын Леонид и его супруга София стали родителями в третий раз. У них родился сын Глеб, самый младший мой внук и самый младший из Глигоров. Глеб – это наша звездочка, наша гордость и слава. Он проявляет

себя как очень активный, воспитанный ребенок с высоким уровнем интеллекта. Мы все его очень любим.

Второй мой внук – Евгений, который в этом году заканчивает школу. Он, и мы вместе с ним, видим его будущим инженером-технологом, высококвалифицированным специалистом, хорошим семьянином и прекрасным отцом. Женя очень серьезный, очень скромный, у него добрая душа, он никогда не скажет лишнего слова, не подумав предварительно, и это действительно так.

Для меня все внуки дороги, но Эллина – как лучик света в моем сердце. Она – сама нежность и внимательность. В свои четырнадцать лет она проявляет такую заботу обо всех, как взрослый человек. У нее уникальная память, она очень артистична и в то же время рассудительная. В 2015 году она закончила школу художественной гимнастики. Добилась звания кандидата в мастера спорта. Видит себя в будущем тренером художественной гимнастики или учителем физической культуры. Я твердо уверен, что Эллина успешно определит свою судьбу в будущем.

Внук Артем закончил Подольский аграрно-технический университет. Избран депутатом Новоселицкого районного совета. Он создал свою прекрасную семью. В наш дом вошла его женой чудесная девушка Вика, которая выросла и воспитывалась в простой крестьянской семье на Хмельниччине. У них родился сын Степан (младший), названный в честь дедушки. Их сын, а мой правнук Степа – это наше наследие. Продолжение моей крови и нашего рода Глигоров. Кем он будет, когда вырастет, трудно сейчас сказать. У мальчика бесподобная память, он очень смелый и решительный и в то же время добрый и ласковый.

Артем является моим заместителем. Смотрю на него и вижу себя в первые годы моей трудовой жизни. Трудолюбивый, серьезный, очень ответственный – и в то же время слишком добрый. В первые годы работы на должности за-

местителя он показал себя как мощный, деловой руководитель. Я уверен, что он со временем станет видным руководителем не только в районе, но и в Украине.

Вика – моя старшая внучка – это бесподобный человек: воспитанная, добрая, любящая жена Артема и хорошая хозяйка. Высокоэрудирована, грамотная в своей работе. Закончила Подольский аграрно-технический университет по специальности бухгалтера сельского хозяйства. Сейчас работает главным бухгалтером ДП «Ванчиковский золотой колос».

Чем младше по возрасту мои внуки и правнуки, тем больше моя любовь к ним. Очень хотелось бы увидеть их взрослыми, состоявшимися людьми, которые создали свои семьи, и узнать, какими они будут.

Моя семья – самое большое мое богатство.

Очень хотелось бы, чтоб мои внуки и правнуки были воспитаны и выросли такими же, как были наши предки: честными, мудрыми, трудолюбивыми, с доброй душой.

О нашем большом роде Глигоров, о его происхождении начиная с XVII века, я написал в сентябре 2014 года в отдельной брошюре, но вкратце хочу изложить ее историю и в этой книге. Пишу об этом для того, чтобы мои внуки или пра-пра-правнуки через 100-200 лет прочитали эти записи и сами продолжали писать историю нашего рода. Никакая история не может быть такой интересной, как история своего рода.

Несмотря на мою занятость, я никогда не забывал о своих родственниках и всегда старался быть вместе с ними, жить их интересами и заботами. Для меня род Глигоров превыше всего. Поэтому годами я по крупице собирал историю нашего рода, старался узнать все возможное обо всех. А история исключительно интересная.

Я очень горжусь, что являюсь представителем этого прекрасного рода. За период моей сознательной жизни я

не помню случая, чтоб кто-нибудь из рода Глигоров проявлял себя с отрицательной стороны. Не имеет значения и то, что кто-то из моих родных был более или менее образованным, – не по этим показателям и не по диплому об образовании определялся уровень цивилизованности или интеллекта человека. Но хочу сказать, что среди родственников были и есть представители множества профессий, среди них: работники народного хозяйства, учителя, врачи, юристы, военные и просто хорошие хозяева.

Наш род на Буковине появился вследствие миграции из Трансильвании. В XVII веке два брата решили иммигрировать в сторону Молдавии. Они погрузили на волы свое небольшое имущество, и вместе с отарой овец пешком, через горы Карпаты дошли до реки Прут. На левом берегу Прута, где мы живем сейчас, они нашли неплохое пастбище для овец и решили на время остановиться в этих краях. Так случилось, что они остались здесь навсегда, и по сегодняшний день их потомки живут на левом берегу Прута Северной Бессарабии.

Ко мне в руки попала книга-описание нашей истории от брата моего отца Георгия Ильича Глигора, в которой он писал, что внука тех двух братьев, которые пришли из Трансильвании в XVII веке, звали Федор. У Федора было три сына – Иван, Степан и Пантелей. Иван и Степан ушли в Молдавию в Фалештский район, где и сейчас есть очень много их потомков с фамилией Глигор.

Прадедушка Пантелей имел четыре сына и одну дочь. Двум сыновьям он дал имя своих братьев – Иван и Степан, двух других назвал Ильей и Федотом, а дочь – Домникой.

Мой дедушка Степан имел шестерых сыновей и одну дочь: это Савва, Иван, Аксентий, Порфирий, Петр, Василий и дочь Тудра.

Каких-то достоверных сведений о Федоре, а также о других моих предках мне найти не удалось, но совместно с

пра-правнучкой Пантелея Глигор-Никорич Марией Ильичной мы сумели найти место упокоения нашего прадедушки Пантелея, сына Федора и отца нашего деда.

Наш прадед Пантелей покойся рядом со своим сыном Ильей и внуком Георгием Ильичом, который сделал первые записи о нашем роде. На месте, где покойся прадедушка Пантелей, мы установили памятник от имени всех его потомков. Думаю, что каждый из пра-пра-правнуков и все остальные потомки найдут возможность посетить это важное и святое место для каждого из рода Глигоров.

На примере этого краткого рассказа могу с уверенностью утверждать, что уважение к своему роду – это уважение к людям, среди которых ты живешь, это уважение к своему государству, это основа цивилизованного, высокоинтеллектуального, воспитанного общества. Скажу только одно, что жизнь на земле – это очень короткая экскурсия по планете, и этот миг надо так прожить, чтобы оставить красивый след для своих потомков.

Часть вторая

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Я с малых лет привык не только видеть в окружающих хорошее, но и формировать свой идеал в будущем. В школе равнялся на своих старших товарищей – Серафима Флорю и Петю Рацу; в тракторной бригаде – на старших механизаторов, самых мудрых и самых сильных людей. Таким для меня стал Борис Роман, с которым я работал на одном новеньком тракторе. В правлении колхоза оценили мое рвение к работе и вскоре назначили помощником бригадира комплексной бригады Семена Сергеевича Баранчана – трудолюбивого, компетентного во всем, авторитетного в селе руководи-

теля среднего звена. Часто он мне говорил: «Степан, помни, каждый человек имеет свой характер, свой ум, свой кругозор, требует индивидуального подхода. Один хочет, чтобы его хвалили, другой нуждается в грубом слове, третий заслуживает наказания за свой проступок. Не коллектив должен подстраиваться под руководителя, а наоборот».

С. С. Баранчан был одним из немногих, у кого я много чего почерпнул для себя. Но, к сожалению, в то время хозяйством руководил человек, который не был для меня примером для подражания, хотя бы из-за своего характера.

Алексей Васильевич был человеком строгим. Первое, что он сделал в колхозе, – проследил, чтобы в хозяйстве прекратилось воровство, начал восстанавливать фермы, зорко смотрел за тем, чтобы колхозники не растаскивали общественное добро. Любыми методами добивался своего. Делал для колхоза очень много, но при этом никогда не забывал о себе. Он был большим маклером. Говорю об этом не потому, что он меня выгнал на улицу, под открытое небо, а потому, что вижу его прежде всего махинатором. Сам строго следил за всеми, дабы не нарушали законодательство, и сам же творил большие грязные дела, за что вскорости и поплатился.

Тогда очень сложно было с обеспечением строительными материалами и со строительством вообще. Он связывался со Здолбуновским цементно-шиферным заводом, привозил оттуда шифер, разгружал его на Новоселицкой железнодорожной станции и здесь же его продавал. Часть выторга вносил в колхозную кассу, а другую – присваивал, делился с другими маклерами и подельниками этой аферы.

Еще интереснее он поступал со скотом. Вроде бы продавал колхозных нетелей в Здолбуново, оттуда – в Винницу, документы из Винницы попадали к нему обратно, а нетели, как и прежде, оставались на месте в Ванчиковцах.

За такую комбинацию получали государственные деньги и в Здолбунове, и в Виннице, и в колхозе «Ленинский путь».

Долго так продолжаться не могло, ибо в колхозе трудились преданные хозяйству люди. Кто-то донес об этой афере куда следует, и Келю осудили на семь лет лишения свободы.

Колхозники добились, чтобы председателем колхоза стал Василий Романович Банарь, окончивший Ванчиковецкую среднюю школу, Кишиневский сельскохозяйственный институт, работавший инспектором районного управления сельского хозяйства. С приходом Василия Романовича Банаря моя карьера пошла вверх. Я поступил учиться в сельскохозяйственный институт, односельчане избрали меня председателем Ванчиковецкого сельского совета. С помощью райисполкома и облисполкома В. Р. Банарь добился того, чтобы, будучи председателем сельского совета, я исполнял и обязанности агронома-овощевода.

Работал я с ним до 1971 года. Мы были единомышленниками, оба были патриотами, государственными людьми, оба старались как можно больше сделать для своего хозяйства.

Кристально честный, трудолюбивый, компетентный в сельском хозяйстве Василий Романович Банарь был героем села – многое делал для колхоза «Ленинский путь» и поднял его на высокий уровень развития. Хозяйство в числе 11 спецхозов Украины решило иметь по 100 коров на 100 гектаров сельхозугодий и по 4000 центнеров молока на 100 гектаров сельхозугодий. Это был мировой уровень, такого еще никто и никогда не добивался.

Много внимания он отдавал сельскому строительству – перестроил помещение животноводческих ферм, благоустроил тракторную бригаду, отремонтировал колхозные склады, окультурил здание правления колхоза. Мне бы работать с ним и работать, но в районе решили по-другому – меня «сосватали» в колхоз «Большевик» секретарем партийной организации. Не сразу я согласился на эту должность:

быть секретарем партийной организации – дело сложное, но решать это я должен был сам, ни отец, ни мать, ни жена помощниками быть не могли. Я согласился. И сейчас расскажу, как это произошло.

Ко мне позвонил первый секретарь райкома партии Борис Семенович Мельничук: «Степан Саввич, зайди ко мне». «Зачем?» «Приедешь – узнаешь», – сказал, как отрезал.

Борис Семенович меня прекрасно знал. Во-первых, был моим учителем в школе, работал в нашем колхозе секретарем партийной организации, теперь вот – секретарем райкома партии. Когда я вошел в его кабинет, он ласково указал на стул.

– Садись, Степан Саввич, – сделал ударение на последнем слове, давая понять, что разговор будет серьезный. – Знаю тебя с малых лет, знаю, кем стал теперь и предлагаю тебе должность секретаря партийной организации и заместителя председателя колхоза «Большевик».

Село Стальновцы раскинулось вдали от центральной дороги, спрятавшись в долине за стеной посевов озимой пшеницы, подсолнухов и кукурузы. Председателем колхоза там работал Федор Алексеевич Капрош – человек трудолюбивый и преданный своему делу. Быть его помощником оказалось для меня большой честью.

– Борис Семенович, я не знаю, что делать. Все это как-то неожиданно. Я хочу перед этим посоветоваться с женой, родными.

– Нет. Нет! Никаких советов. Вот, садись к Капрошу в машину, и весь разговор! Дуй просто на колхозное собрание. Оно уже назначено сегодня на три часа.

Я согласился. Ну, не мог я ослушаться своего учителя, уважаемого мною человека, партийного руководителя. Сел в машину, и мы поехали.

Собрание прошло быстро и на высоком уровне. Вечером возвратился домой, звоню Василию Романовичу – от-

читаться за прожитый день. У нас с ним был договор: каждый из нас должен был ставить в известность другого, где кто находится, каждую минуту. Мобильных телефонов тогда не было, не было и радиостанций – обходились обыкновенной телефонной связью. Как-то так случилось, что на этот раз он разыскивал меня по телефону целый день, но так ничего путного обо мне и не узнал.

Когда я позвонил ему и объяснил, в чем дело, он долго молчал, а потом с какой-то грустью сказал:

– Я тебе не верю... Не могу понять, почему ты не сопротивлялся? Разве нам было плохо?..

– Василий Романович, я не мог ему отказать, все же – секретарь райкома, да и учитель мой.

– Ну и что же теперь прикажешь делать? Как быть дальше?

– А-а, что теперь говорить? Поздно что-то менять.

Поработал я в Стальновцах почти год – с октября 1971 по сентябрь 1972 года. Но и за этот отрезок времени я успел кое-что сделать для села. Тогда было принято привлекать учащихся перебирать урожай кукурузы. Федор Алексеевич решил по-другому – не детей отвез на переборку кочанов, а наоборот – кочаны привез к школе. Здесь их и освобождали от обверток.

В то время я был в институте на сессии. Возвратившись назад, увидел школьный двор весь в мусоре, в кучах кукурузных обверток, кочерыжек. Больно было на такое смотреть. Я привык, чтобы там, где работаю, было всегда чисто и красиво. Так было и в Ванчиковцах – на клумбах возле здания сельского совета всегда были цветы, зеленели кусты, обнесенные аккуратным забором. А здесь...

Село утопало в грязи, дорога была разбита, подхода к конторе колхоза не было. В середине марта у нас проводилось открытое заседание парткома и правления колхоза. Посетить его решил и Борис Семенович Мельничук. Зная

об этом, я решил проложить к крыльцу деревянную дорожку. Идя по ней, секретарь только головой покачал, мол, что же вы не наведете здесь порядок?

После заседания он уехал в райцентр, а я всю ночь думал, как исправить создавшееся положение. Утром пригласил в свой кабинет секретаря комсомольской организации Николая Дутку и предложил:

– Николай, собери-ка ты своих комсомольцев, а я соберу коммунистов, – наведем порядок возле конторы.

Капроша тогда перебрали председателем колхоза «Дружба народов» в Малиновку и Должок, а в Стальновцах избрали председателем Серафима Андреевича Кодицу.

Набросав в ученической тетради план действий, нарисовав чертеж, иду с ним к Серафиму Андреевичу. Он долго смотрел на тетрадь, а потом и спрашивает:

– Степан Саввич, эта твоя задумка останется только на бумаге или ты на самом деле хочешь все это сделать?

– Именно так, Серафим Андреевича. Такой должна быть наша территория.

В апреле начало теплеть. Пора была задуманное воплощать в жизнь. Николай поднял на ноги своих комсомольцев, я организовал технику, и дело закипело. Возле конторы появились бетонные дорожки, вокруг посадили елки, разбили клумбы, смастерили заборы, очистили территорию от мусора, завезли дерн и полностью благоустроили территорию.

В следующий раз Борис Семенович приехал к нам в июне и не поверил глазам своим – в палисадниках благоухали цветы, зелеными листьями шелестели молодые деревца.

– Чьих это рук работа? Чья идея? – обратился к Кодице, но он почему-то правды не сказал, а я открыться посчитал неудобным. Тем временем уборщица на клумбе выпаливала сорняки. – Может быть, ее?

– Да-да, – подхватил эту шутку Кодица.

Ничего не ответил секретарь, но как-то в беседе с Марьей Федоровной Каптарь, заведующей детским садом в селе Ванчиковцы, заметил:

– У вас красиво, но если бы вы увидели, какая красота сейчас в Стальновцах перед зданием правления колхоза, удивились бы не на шутку.

– А чему бы я удивилась? Ведь это же дело рук Степана Саввича Глигора. Брал у меня семена. Он в этом деле мастер. Когда здесь работал председателем сельского совета, такой рай завел!

– Вот те раз, – удивился Борис Семенович. – А молчал!

В июле, перед самой страдой рассыльная конторы испуганно пролепетала:

– Звонили из райкома. Приказали, чтобы вы садились на бензовоз и через Щербинецкий лес, самым коротким путем, приехали к Борису Семеновичу на прием.

Где-то так в 10-11 часов я вошел в его кабинет:

– Звали? – Он утвердительно кивнул головой.

– Садись! – Такого злого, взвинченного я его еще не видел. – Этот Банарь у меня в печенках сидит! – Он от души выругался и пообещал: – Я его на бюро выгоню с треском!

Я слушал секретаря с недоумением – знал, что до сих пор Банарь пользовался высочайшим авторитетом в области и даже в Киеве. Его знали многие, многие считали мудрым хозяйственником, и вдруг – «выгоню!». В чем же они не сошлись характерами?

Василий Романович Банарь тогда занимался заготовкой леса в Пермской области России. Установил работникам трудовые нормы, добросовестно оплачивал их, благодаря чему делал значительные заготовки леса. Столько леса, сколько лежало на территории Ванчиковцев, не имел никто в области. Почему же Мельничук взъелся на него?

– Ты вот что, Степан. Пойдешь туда председателем.

– Помилуйте, Борис Семенович, куда угодно, только не туда. Меня там каждый бугорок знает, у меня ж там полсела родичей. Это ж село тогда надо делить на половину – своих и чужих. Нет, я не пойду туда.

– Ну, ладно, – согласился секретарь. – Иди подумай, и я подумаю, что делать. Но не дай Господь, чтобы ты об этом кому-либо рассказал.

– Хорошо, – отвечаю ему и быстро покидаю кабинет.

Прихожу домой, рассказываю все жене.

– Ты что, Степан, глупый, что ли? Сколько с Банарем вместе работал, он вырастил тебя, воспитал, и вдруг ты пойдешь на его место?

– Да нет, дорогая. Я никогда на это не соглашусь, – успокоил жену.

Еще по дороге домой я заехал в Костычаны, где жил Банарь. Смотрю: посреди комнаты лежит куча вещей: ведра, посуда, мебель, всякая домашняя мелочь. «Ну все, – думаю, – не выдержал натиска Василий Романович».

– Вот хорошо, что ты наведалься, – говорит мне Банарь. – Тот «деятель» таки достал меня. Не хочу с этим Мельничуком работать. Нет уже моих сил.

– Василий Романович, – хочу остановить его ругань. – Знаете, почему я зашел к вам?

– Почему?

– Да вы должны догадаться, откуда я.

– Откуда?

– Из райкома партии. Вызвал Мельничук и предлагает возглавить ваш колхоз...

– Так в чем дело? Возглавляй! Я здесь не останусь ни за что.

– Хоть убейте меня, Василий Романович, в Ванчиковцы я не пойду.

– А я говорю – пойдешь. Пойдешь, потому что этого хочу я. Ты – наш человек. И кому, как не тебе, наше доверие?

– Нет, не пойду, Василий Романович. Ни за что и никогда!

Так мы и разошлись каждый со своими принципами. Председателем колхоза он так и остался, – у него была какая-то твердая рука в обкоме партии. Мельничук перестал замечать Банаря, оставил его в покое. Но только не меня.

Где-то в конце августа или в начале сентября – опять звонок от Бориса Семеновича, мол, так и так, тебе необходимо явиться в райком партии. Я немного задержался на свиноферме с главным зоотехником Владимиром Ямковым, а он и говорит:

– Здесь что-то серьезное. Просто так в страду начальство не вызывает.

И точно. Минут через 20 опять бежит посыльная из конторы, усталая, запыхавшаяся.

– Степан Саввич, быстро – в райком!

– Хорошо, хорошо, – отвечаю и, отпустив посыльную, продолжаю беседу с Владимиром Ивановичем. Вдруг вижу, что она опять мчится к нам.

– Степан Саввич, вы должны ехать с Кодицей.

Кодица радовался, думая, что его пошлют председателем в Костычаны – предыдущего Алексея Герасимовича Тодерика арестовали за уворованную машину пшеницы и теперь его место пустовало. Честно говоря, и я не очень-то хотел оставаться в Стальновцах – далековато от дома, да и люди здесь были хоть и трудолюбивые, но какие-то амбициозные, вспыльчивые.

Входили в райком мы в бодром настроении. Дверь в кабинет секретаря была приоткрытой (кабинет был на втором этаже). Слышу, Борис Семенович говорит заведующей общим отделом Клавдии Федоровне Лаптевой:

– Быстро готовьте документы на Глигора и несите сюда.

«Ну все, – думаю. – Куда-то меня перебрасывают. Но куда? Главное, не останусь в Стальновцах».

Заходим в кабинет, здороваемся. Борис Семенович бросает на нас изучающий взгляд и обращается к Серафиму Андреевичу:

– Мы тебя пригласили сюда, чтобы уведомить, что мы хотим забрать Степана Саввича в другой колхоз, – какой колхоз не говорит, а сразу поворачивается ко мне: – Степан, ты помнишь наш последний разговор?

– Помню.

– А помнишь, что ты мне сказал?

– Конечно, помню.

– Ну то-то же. Пойдешь в Строинцы. Все решено.

– Хорошо, – отвечаю. Знал ведь, что люди там порядочные, поселок в центре района. – Нет вопросов. Иду!

И началось мое хождение по всех инстанциях, – надо было сдать своеобразный экзамен в отделе сельского хозяйства райкома партии, пройти собеседование в облисполкоме, в агроотделе обкома партии, с секретарем обкома по сельскому хозяйству, потом – с первым секретарем обкома партии и только после этих собеседований твоя кандидатура выдвигалась на должность председателя колхоза.

Это случилось 30 сентября 1972 года. Во всей области я оказался самым молодым руководителем колхоза. И неудивительно, что крестьяне сначала смотрели на меня с открытым недоверием: такой молодой и вдруг – руководитель. Но время поставило все на свои места.

Когда я впервые зашел в помещение конторы, обратил внимание на то, что все двери – и внутренние и наружные – открывались в одну сторону: все красного цвета, а стены – голубого. В этом чувствовалась какая-то временность, затхлость, что негативно действовало на окружающих. Поэтому в первые два-три дня я начал наводить свой порядок – поменял двери, заменил окна. Кабинеты стали уютней, чище, светлее, колхозники привели в надлежащий порядок улицу и только после этого я принялся наво-

дить дисциплину в коллективе, начал вникать во все дела на ферме, в тракторной бригаде, даже – в хозяйственных складах.

Мало-помалу колхозники почувствовали, что в хозяйстве появился хозяин, что он хочет поднять экономический уровень колхоза, сделать его богаче, сильнее. Весной все свое внимание обратил на культуру земледелия – впервые в жизни на полях был наведен идеальный порядок.

Со шнуром в руках мы выравнивали вдоль дорог посе-вы кукурузы, впервые нигде не было подсево, везде появи-лись агитационные вагончики, рассчитанные на то, чтобы трудящиеся могли спрятаться здесь от дождя в далеких от села полях, выкопали пять колодцев, чтобы в летний зной было где утолить жажду.

Очень много своего внимания я отдавал внедрению но-вой технологии на поля и через год хозяйство выдвинуло же-лание бороться за получение 100 центнеров зерна кукурузы с гектара. Наше обязательство было утверждено на бюро рай-кома, потом обкома партии. Борис Семенович Мельничук ра-довался вместе с нами, часто давал мне понять, что не ошиб-ся, рекомендуя меня председателем колхоза «Завет Ильича».

Хозяйство набирало сил.

Как-то в колхозе проводилось совещание партийно-хозяйственного актива. На нем присутствовал первый се-кретарь обкома партии Владимир Григорьевич Дикусаров. Он изучающе посмотрел на меня и, немного улыбнувшись, спросил:

– Ты можешь вызвать на социалистическое соревнова-ние кого-то из кицманчан, ну, скажем, колхоз «Жовтень»? Там пожилой председатель Дмитрий Васильевич Рошко.

– Могу, – говорю. – Можем посоревноваться.

Я верил в своих механизаторов, настоящих профессиона-лов Василия Флоровича Москалюка, Михаила Илларионовича Ефтемия, Михаила Назаровича Галушку, Виктора Алексе-

евича Томика. Это они наращивали приспособления для внесения куриного помета и извести, это благодаря им наш колхоз в 1973 году получил высочайший урожай кукурузы.

Тогда мы перешли на выращивание гибридов югославской селекции ЗПСК-48 и 46 А. Но наш успех оказался кое-кому из недругов во вред. Идя председателем колхоза «Завет Ильича», я не ведал, что на это место очень претендовал бывший секретарь парткома. Он и его сотоварищи начали писать жалобы во все инстанции, будто мы приписали урожай и поэтому, мол, получили переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров, ВЦСПС и ЦК Комсомола.

В колхоз стали приезжать одна за другой комиссии, что-то рыскали, что-то искали, а что – не говорили. Тогда меня и секретаря парткома Константина Флоровича Лупу вызвали на бюро райкома партии и занесли нам в личные дела по выговору.

Но наши недруги не успокоились, разослали письма в ЦК Компартии Украины, в Совет Министров. Из Киева приезжала группа работников из КРУ. Встреча с ними состоялась на животноводческой ферме. Они назвали причину своего приезда:

– Вот мы приехали с мандатом ЦК Компартии Украины проверить точность учета выращенной продукции. Заранее не тревожьтесь. Мы свою работу знаем, если что, обратимся к вам.

От такого признания меня бросило в дрожь, я не был уверен в том, что бухгалтерия полностью оприходовала урожай кукурузы, хотя твердо знал, что именно такой урожай выращен. Руководил группой, помнится, некто Мороз. Он предложил позвонить в бухгалтерию и распорядиться, чтобы на месте предоставили ревизорам всю документацию на приход и расход кукурузы, а сам решил перед тем ознакомиться с хозяйством.

Подходим к зерновому складу. Открыли дверь – весь склад был полностью забит сухим зерном кукурузы. Мы имели маленькую сушилку и, подготавливая за день по 50 тонн зерна, за полнедели забили им все помещения. Мороз укоряющее взглянул на меня и молвил:

– Хлопче, снять бы тебе штаны и надавать по одному месту.

– А за что? – спрашиваю.

– А за то, что столько сухого зерна держишь в складе. Почему не отправляешь его кому следует?

– Ну, если кто обратится, продам, – пробую оправдаться. На этом разговор умолк.

Целую неделю ревизоры проверяли документацию, сверяли цифры с другими, а я за все эти дни глаз не сомкнул. Все переживал, чем закончится эта проверка, тем более, что я ни разу не ходил с ними вместе на обед. Но все обошлось.

– Слушай, хлопчику, ты давай там, организуй нам что-то на обед. Не переживай. Все в порядке. Вы даже не дописали по шесть центнеров кукурузы на гектар. Теперь после нас пусть приезжают проверяющие хоть с ООН.

«О, Боже мой», – выдохнул я. После этих слов будто гора свалилась с плеч.

Был Великий пост (дело было перед Пасхой), крестьяне праздновали свою победу – столичные посланцы должны были вручить нам переходящее Красное знамя.

По этой причине в село прибыли первый секретарь райкома партии Борис Семенович Мельничук и первый секретарь обкома партии Владимир Григорьевич Дикусаров. Видно было, они очень радовались нашим успехам, переживали за нас. Колхозное собрание мы проводили в Доме культуры. Там разместились все механизаторы, животноводы, полеводы, работники конторы.

Надо сказать, что после этого с 1974 года Борис Семенович потихоньку начал меня подготавливать к переходу председателем колхоза «Советский пограничник». Бывало,

приедет в Строинцы, походит по селу, заедет на поля, полюбуется культурой земледелия и скажет:

– Да, хороши твои дела, Степан. Но ведь ты задыхаешься здесь. Уж очень маленькое хозяйство для твоего размаха, тебе бы в Тарасовцы! (Мы имели тогда 1126 гектаров пашни и 1300 гектаров сельхозугодий). – Иди в «Советский пограничник», там есть где развернуться, показать свою силу молодецкую. Не хочешь, делай, как знаешь.

Агитировал он меня еще и в 1975 году. Но напрасно. Я имел на примете другое. В Маршинцах, в колхозе имени Жданова тогда работал председателем Михаил Зиновьевич Келя. Как-то говорит он мне:

– Слушай, Степан. Я знаю, что райком партии собирается перебросить тебя в Тарасовцы. Ты согласен?

– Да нет, – отвечаю, – может быть, ты туда пойдешь, тем более, что живешь там. А я – вряд ли.

Проходит время, и Борис Семенович опять вызывает меня в райком партии.

– Вот я с тобой два года веду переговоры, а толку никакого! Сейчас надо конкретно решить этот вопрос.

Что же делать? Как мне быть в этом случае?

– Борис Семенович, – говорю почти неслышно. – Я вам об этом не говорил, но сейчас должен сказать. Старший мой сын раньше учился в молдавской школе, а вот уже три года, с тех пор как мы поселились в Новоселице, учится в русской школе. Там же учится и младший сын. И что же? Перевести их обратно в молдавскую? И потом, как мне ездить из Новоселицы в Тарасовцы? Как-то неудобно.

– Ты что? Это правда? – спрашивает.

– Чистейшей воды правда. Позвоните в Новоселицкую русскую школу и вам ответят, что оба мои сыновья учатся в этой школе.

– Ну, ладно, – согласился Мельничук. – Я этого не знал. Иди, но знай, я тебя так не оставлю.

Что он имел в виду, я понял немного позже. Оказывается, тогда же он вызвал к себе в кабинет Михаила Зиновьевича и предложил ему с семьей переехать в Маршинцы или идти председателем в Тарасовцы, где жил. Но обо мне не забыл. Борис Семенович решил объединить соседние колхозы «Завет Ильича» и имени Жданова в один. Строинцы и Маршинцы не противились объединению, и вскоре я стал председателем объединенного хозяйства имени Жданова.

Через неделю при встрече делегации из колхоза «Советский пограничник» Михаил Зиновьевич Келя с радостной улыбкой протягивает навстречу руку:

– Искренне поздравляю тебя с объединением.

– Спасибо. Помнишь, я тебе обещал, что в Тарасовцы не поеду, и вот – видишь.

Тогда в 1976 году лето и осень выдались дождливыми. Техника буксовала, надрывалась, надо было что-то делать действенное – подымать колхозников на борьбу со стихией. Люди меня знали мало, я был молод, может быть, нетерпелив к непослушанию, но полон сил и энергии вывести колхоз в число передовых хозяйств области. Здесь надо признаться, что местных жителей я знал недостаточно. Впервые, работая в колхозе «Завет Ильича», я еще учился на пятом курсе Каменец-Подольского института по специальности ученый-агроном, во-вторых, недостаточно знал аппарат, членов правления, – за месяц я просто не смог со всеми познакомиться.

Припоминается, в подобном положении я уже пребывал в Строинцах в 1972 году. Тогда мы только отпраздновали 50-летие Союза ССР. После торжественной части состоялся концерт участников художественной самодеятельности. Поэтому прибыл в Ванчиковцы поздно вечером, а где-то в первом часу ночи звонят мне из конторы, мол, так и так, кто-то ограбил колхозную кассу. Какая беда!

Добро, за два-три дня до этого люди уже получили зарплату за год – где-то 85000 рублей, а 23000 рублей, выручки за проданный сахар – по 42 копейки за килограмм – оставили в кассе. Их то и забрали преступники.

Насилу выслушав это известие, я, как сноп соломы, упал на пол – потерял сознание. Жена испугалась, плеснула на лицо воды. Как я сел в машину, как доехал в Строинцы, кого видел по дороге – не помню. Когда приехал в село, возле конторы уже стояло много машин, работников районной и областной милиции (и когда они успели?). Но виновных так и не нашли.

Все село было в трауре. Подходили Рождественские праздники, но этого не чувствовалось. Все собрания начинались и заканчивались разговорами о воровстве. Встал вопрос о моей невозможности оставаться председателем колхоза. Тогда в мою защиту выступил первый секретарь райкома партии Борис Семенович Мельничук, мол, я еще молод, может, что-то и недосмотрел, но это пойдет мне только на пользу. Искренне поддержали меня и другие. А я не находил себе места, не знал, за что братья, чувствовал себя растерянно. Но их поддержка в самый трудный момент моей жизни воодушевила, я готов был работать день и ночь, чтобы твердо поставить колхоз на ноги, улучшить благополучие людей, довести, что я им предан и сделаю все возможное для социального развития села.

Через некоторое время мы перестроили животноводческие фермы, отремонтировали дороги, благоустроили территории возле конторы, тракторной бригады. Отличная социальная сфера была моей мечтой. Поэтому на одном из заседаний правления колхоза мы поставили вопрос о строительстве Дома культуры, где возможно было бы проводить общие собрания, концерты, красиво и со вкусом организовывать все другие мероприятия.

Сделать это было очень трудно. Самым главным тогда было включить объект строительства в титульный список на уровне управления сельского хозяйства, райкома партии. Как тут быть?

Не мудрствуя лукаво, я обратился в проектный институт, встретился с главным инженером, ища в нем поддержку сделать проект на строительство Дома культуры вне плана и во внеурочное время.

Вспомнилось, как когда мне было 12 лет, в Ванчиковцах открылся Дом культуры. Все село выводило стены клакой, готовило саман и с большим нетерпением ждало открытия культурного центра – самого лучшего, самого большого в области. Для Ванчиковцев это был очень большой праздник. К тому же ко дню открытия Дома культуры заработала дизельная электростанция, размещенная вблизи животноводческой фермы. Вся центральная улица вспыхнула огнями электрических лампочек, казалось, от них пылало все здание.

Так вот, предвкушая будущую победу света над тьмой, решили побеседовать с главным инженером проектного института Малым на лоне природы, казалось, там было проще излить ему свою душу. В машину набрал разной еды, взял бутылку водки, снасти для ловли рыбы и поехали на став (так у нас называют пруд). Посидели, поговорили обо всем и договорились, что Дому культуры быть!

Тогда никто в области, да и в районе тоже, не догадывался, что я запланировал в Строинцах строительство Дома культуры. Подобрал отличного прораба, нанял бригаду профессионалов-строителей, они сделали разбивку будущего здания, вырыли траншеи под фундамент, как вдруг приезжает председатель райисполкома Мирослав Иванович Пеньковский и, увидев кучи нарытого грунта на сельском стадионе, спрашивает:

– Что вы тут роете?

Отвечаю шутя:

– Да – конюшню. Старая уже сыплется.

– Конюшню? Давай-давай. Я вам устрою «конюшню».

– Хорошо, Мирослав Иванович, – успокаиваю его. –

Приеду к вам и все объясню.

Короче говоря, рассказал о своем замысле, о том, как тяжело сейчас попасть в титульный список, но я, мол, предвидел это, составил сам проект.

– Как? – спрашивает.

– А вот так, – говорю. – Не хочу строить подрядным способом. Сделаю все хозяйственным.

– Ну, если так, – строй!

Так и построил.

Была у меня еще одна мечта: к 30-летию Победы поставить красивый памятник солдатам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Кто-то мне подсказал, что во Львове есть скульптор, который эксклюзивно может изготовить любой памятник, но главное – неповторимый.

Помню, его звали Валентин. Составили с ним договор и вскоре он показал нашей делегации макет памятника. Областной архитектуре памятник почему-то не понравился, и мы вынуждены были строить его тайно. Работали дни и ночи, вылили памятник из бетона, а тогда – из меди.

После одного из районных совещаний Борис Семенович Мельничук и Мирослав Иванович Пеньковский, где-то за две недели перед 9 Мая, сообщили мне, что к этой дате в Форосной открывается памятник погибшим солдатам в Великой Отечественной войне и все председатели должны присутствовать на его открытии.

– Не могу! – отвечаю.

Оба руководителя вопросительно вскинули брови.

– Почему? – спросили одновременно.

– Потому что сего числа мы тоже открываем такой памятник.

– Как «открываем»?

– А так, что и у нас памятник готов.

За две недели (под светом фар) автокранами мы уложили железобетонные плиты. А на строительство площадки нужен был асфальт. Где его брать? Нам подсказали, что директором Черновицкого завода ЖБИ работает фронтовик Николай Яковлевич Тритенко.

– Нам хотя бы две машины асфальта под памятник, в честь 30-летия Победы, – прошу Тритенко.

– Ну, если нужно, – смеется, – будет вам асфальт.

Вызвал в кабинет главного инженера и говорит:

– Слушай внимательно этого молодца. Ему нужно две машины асфальта. Сделай столько, сколько надо будет.

Тогда в 1975 году в Строинцах и поднялся во весь рост памятник, к подножью его пролегла асфальтированная тропа-дорожка.

Эти успехи по укреплению экономики хозяйства, социально-культурное развитие села послужили тем, что райком партии не рекомендовал меня на должность председателя колхоза «Советский пограничник» в селе Тарасовцы, а председателем объединенных хозяйств сел Строинцы и Маршинцы.

Маршинцы были вдвое больше Строинцов, но по экономическим показателям значительно уступали. Поэтому строинчане часто роптали на своих соседей, сторонились их. Как было примирить их, как уговорить, что теперь у них общее хозяйство – один колхоз имени Жданова? Это можно было сделать только умелыми маневрами техники на полях и фермах обеих бригад, использованием минеральных и органических удобрений, правильной расстановкой кадров. Незаметно села примирились, стали рачительнее трудиться, появилась надежда на создание крупного и богатого хозяйства.

1976 год оказался урожайным. Мы продали 49 тысяч тонн сахарной свеклы. Собирали урожай всеми силами. Я и сам со-

брал полтора гектара посева вручную. Дожди не прекращались, автотранспорт увязал на дорогах. Но машина за машиной шли и шли по полям и ежедневно перевозили по две тысячи тонн корнеплодов на приемные пункты сахарного завода.

Когда подсчитали выручку за выращенный урожай, колхозники ахнули – никогда еще они не получали таких денег, никогда не чувствовали себя властелинами земли. Полученные деньги успокоили сомневающихся, подружили их между собой.

А вот кукуруза осталась мокреть на корню до февраля следующего года. Но это было не так страшно – почти не портилась.

Сложнее было на фермах. Сараи старые, дороги разбитые, совершенно без твердого покрытия. Надо было немедленно строить молочно-товарный комплекс, свиноферму, прокладывать новые подходы к ним. На свиноферму можно было попасть только в резиновых сапогах.

Первое, что сделал я для животноводов, это дал команду – ко всем зданиям простелить бетонные дороги, в три раза поднять фундамент животноводческих помещений, сделать их выше. Когда начали строить молочно-товарный комплекс, поехал в Прибалтику, Беларусь – искал самый лучший проект комплекса.

И вот – победа! В красивом доильном зале один машинный оператор стал обслуживать до ста коров. Уровень механизации возрос до неимоверности. В перерасчете на одного рабочего мы стали производить продукцию по 12600 рублей – больше всех в области. Но главное было не остановиться на достигнутом.

Должен сказать, что многое тогда делалось и для рядовых. После воссоединения колхозов в Маршинцы приехал председатель райисполкома Николай Петрович Палаш.

– Слушай, видишь тот дом на краю села? – обратился ко мне. – Что-то он, как говорится, ни к селу, ни к городу. Так

вот, есть решение облисполкома о сношении его. Он выпадает из перспективной зоны села.

Такое замечание почему-то меня остро ранило.

– Николай Петрович, не я строил этот дом, не мне и валить его. Тем более что председателем я здесь без году неделя. К тому же, дом строили с чьего-то позволения, так пусть те строители и рушат его. Я за это дело не возьмусь!

Конечно, никто не стал искать тех строителей. И простоял дом Георгия Савки до 1980 года. Только перед Московской олимпиадой райисполком нанял бригаду из другого села, и снесли дом пенсионера до самого фундамента, не обращая внимания на то, что хозяин – инвалид Отечественной войны, жена его – инвалид первой группы; а еще в доме жили дочка с зятем, двое внуков.

Куда только ни жаловался Савка: и в облисполком, и в Киев, и в Москву. Несколько раз был на приеме у секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, но все попусту. Семья продолжала жить в летней кухне с односкатной крышей. Так было до того времени, пока заместителем председателя облисполкома стал Леонид Юлианович Яблонский. Я пригласил его приехать к нам в село и на месте решить, как быть дальше.

Через несколько дней Леонид Юлианович приехал в колхоз. Вместе с ним объехали хозяйство, остановились возле посева кормовой свеклы, а через дорогу от плантации виднелась маленькая кухонька.

– Леонид Юлианович, здесь живет та семья, о которой я вам рассказывал.

– Да не может быть! – возмутился зам. – Знаешь что? Давай я приеду к тебе через два-три дня, возьму с собой архитектора и решим это дело.

И точно, приехал с Николаем Ивановичем Кавердинским, архитектором области. Обращается к нему:

– Знаешь, почему я привез тебя именно сюда?

– Уже догадываюсь, – отвечает. – Дело в том, что я готовил документы на снос этого дома. И как мне теперь быть?

– Не знаю, – отвечает Леонид Юлианович. – Но мы не уйдем с этого места, пока не найдем правильное решение.

Николай Иванович посмотрел-посмотрел вокруг и отвечает:

– Леонид Юлианович, пусть общее собрание принимает решение о расширении зоны застройки села на восемь гектаров. Может быть, под этим соусом и решим задачу?

На другой день собираю людей и такое решение принимаем. Сразу же повез его в облисполком. Там, в свою очередь, принимают решение о перепроектировке генерального плана застройки села.

Когда я получил новый генеральный план, вызываю в контору Георгия Савку и говорю:

– Немедленно собирайте нужные документы и стройте свой дом.

– Степан Саввич, дорогой, всю жизнь буду благодарен за это, – сказал и отвернулся в сторону, смахнув со щеки предательскую слезинку.

За две недели собрал всю необходимую документацию, крутился как муравей, и вскоре был готов фундамент, поднялись стены, сразу же прикрывшись крышей от дождя и других осадков – Савка боялся, чтобы снова не снесли его дом.

В 1975 году исполнялось 10 лет со дня смерти моего предшественника, председателя колхоза «Завет Ильича» Петра Сергеевича Скрипника. Он случайно погиб в автокатастрофе. До этого я не видел этого человека в глаза, но поминки справили настоящие: собрал вместе всех специалистов, всех колхозников, которые работали с ним раньше. Ведь это о них беспокоился покойный, ведь это для них отдал лучшие годы своей жизни.

В нашем колхозе раньше трудился Иван Михайлович Далинюк, человек преклонного возраста. Я пригласил его к себе в кабинет. Говорю:

– Иван Михайлович, вы в курсе, я – нынешний председатель колхоза. Если у вас есть какие-то трудности, вопросы, обращайтесь ко мне.

– Да никаких таких нет. Вот разве что рыбалка?

– А что? – спрашиваю и вдруг вижу, старый человек утирает рукавом слезу.

– Да, не пускают на озеро. А я же руководил колхозом, когда его строило ПМК-152 под руководством Бориса Иосифовича Кириченко.

– Иван Михайлович, все будет в порядке. Озеро в вашем распоряжении. Ловите вы свою рыбу, сколько угодно. Я распоряжусь.

Улыбнулся человек, словно ожил, словно новых сил набрался.

Теперь Иван Михайлович считался нашим почетным председателем, на всех собраниях сидел в почетном президиуме. Как-то раз я решил сделать приятное старику, взял перечень прежних руководителей, специалистов колхоза: агрономов, зоотехников, бухгалтера, ветврача, которые работали с ним раньше, собрал их вместе в лесу, и, когда машина привезла Ивана Михайловича на такой прием, когда он увидел здесь всех своих сподвижников, зарыдал, как ребенок. Обнимал, целовал каждого, горячо благодарил меня за приятный сюрприз.

После этого мы вместе выступали с ним на телевидении, ходили на собрания в школу, встречались со школьниками, словом, я делал все возможное, чтобы Иван Михайлович не чувствовал себя забытым, никому не нужным.

Люди горячо отзываются на заботу о них. До сих пор живо помню, как меня на свадьбу пригласил бригадир строительной бригады Андрей Георгиевич Лупу и учетчик трак-

торной бригады Захарий Георгиевич Рошка. Они женили своих детей. Свадьба была недалеко от нового дома Георгия Савки. Я решил временно пристроить там свою машину. Даже и в мысли не имел, что он все время будет стеречь ее, как зеницу ока.

После свадьбы захожу во двор, собираюсь уезжать домой. Да куда там!

– Не выпущу вас со двора, пока не зайдете в дом.

Должен сказать, что дом был настолько красиво разукрашен, настолько аккуратно сделан – глаз не оторвать. Видя, что я не тороплюсь в дом, хозяин падает передо мной на колени и, плача, не то жалуется, не то радуется.

– Степан Саввич, я пять раз ездил к самому Брежневу, но никто ни в чем мне не помог. А вы смогли все. Вы мне ближе всех секретарей, всех руководителей страны. Вы, оказывается, мой Брежнев, жили в моем селе. Вы теперь для меня – родной отец и сам Господь Бог.

Что и говорить, – воспоминания приятные, но чтобы они повторялись опять, нужно очень много делать для простых тружеников, дать им возможность почувствовать, что и они кое-что да значат для своего государства. Именно – государства. Потому что колхоз тогда был самым главным распорядителем богатств, а сельский совет содержал только служащих: учителей, медперсонал, заведующих клубами, библиотеками.

А строительство дорог, культпросветных учреждений, школ всегда оставалось прерогативой правления колхоза.

В 1977 году я узнал, что в Молдавии в Чадыр-Лунгском районе есть знатный механизатор, выращивающий кукурузу без ручной обработки. «Не может этого быть!» – твердили наши механизаторы. В конце марта я твердо решил встретиться с этим трактористом. Он искренне обрадовался приезду, охотно рассказал о новой технологии выращивания, как тогда говорили, «королевы полей». И в 1978

году наше хозяйство сразу же перешло на выращивание этой сельскохозяйственной культуры на индустриальной основе.

Тогда в Маршинцах на 120 гектарах мы впервые посеяли и собрали кукурузу, выращенную без сапы, чистоту посевов обеспечили нам гербициды. Удивлению колхозников не было границ, поэтому со следующего года все посевы «королевы» мы перевели на индустриальную основу с применением новой формы оплаты труда, внедрили коллективный подряд.

В районе, в области уже было привыкли, что ждановцы применяют в своем хозяйстве все новые методы развития земледелия. Вот и на сей раз меня вызвал первый секретарь райкома партии и без всяких утаек рассказывает, что, мол, в Николаевской области есть одно хозяйство, которое тоже внедрило подобную форму оплаты труда; не согласился бы я с товарищами наведаться к ним в гости?

– Не возражаю, – поддерживаю секретаря. – Надо, так надо!

Беру с собой главного агронома, бухгалтера, экономиста, бригадиров тракторной бригады и – в Баштанский район Николаевской области. В бухгалтерии колхоза попросили готовые отчеты, промфинпланы, итоги работы производственных участков. Двое суток трудились, не покладая рук.

Возвратившись домой, передовой опыт сначала начали внедрять на животноводческих фермах, тракторных бригадах, потом – в полеводстве. Собственно говоря, все расчеты вручили в руки руководителей подразделений, которые с этого времени стали полновластными хозяевами производства.

Рабочие дни были разбиты до каждой минуты, появился трудовой энтузиазм колхозников, экономия кормов, электроэнергии, механических затрат стала на первый план. Но, к сожалению, я уже не мог довести до

конца задуманное, ибо Борис Семенович готовил меня к другой должности.

Где-то в феврале 1980 года Мельничук предложил мне должность второго секретаря райкома партии. Отказаться от этого было невозможно.

– Твоя кандидатура единственная, – уговаривал Борис Семенович, – знаешь производство, работал секретарем парткома колхоза, знаешь, чем живет сельское население, чего ждет.

Наказ партии я воспринял, как должное. Но дело было в том, что я попросту не знал с чего начать свою деятельность, как распределить свой рабочий день, за что браться сначала. Одно дело руководить колхозом, другое – целым районом!

Если бы я не зависел от других, если бы я работал сам по себе... Но не тут-то было.

Каждое утро дверь кабинета первого секретаря райкома партии была распахнута. Борис Семенович все вопросы решал сам, а мы, его помощники, только исполняли те решения. От безделья, от того, что не знал, что делать на своем посту, я просто болел и через два месяца уже твердо решил добровольно уйти с этой должности. Но как?!

Пожаловался на свою судьбу Леониду Юлиановичу, мол, так и так, вот гибну от безделья. А он только понимающе улыбнулся.

– Привыкай, дорогой. Когда я стал первым секретарем Кельменецкого райкома партии, в первое время тоже чувствовал себя неуверенно. Надо привыкать. Забудь об отдельном хозяйстве, а думай обо всех.

Вторым, с кем я поделился своими сомнениями, был секретарь обкома партии по сельскому хозяйству Виктор Павлович Мотовилин. Как-то, как секретарь райкома, повез я его своей «Нивой» в колхоз «Дружба народов» к Федору Алексеевичу Капрошу. Этот председатель взял себе в привычку кукурузу убирать зимой. Но это очень плохо влияло

на отчетность района об урожайности зерновых, и чтобы ускорить уборку, руководство бросало на помощь Капрошу людей со всего района, область посылала своих уполномоченных – разбираться, в чем дело.

На сей раз уполномоченным был Виктор Павлович. Целый день мы разговаривали с людьми, журили Капроша, а когда остались с секретарем обкома вдвоем, я и говорю:

– Эх, мне бы это хозяйство – давно бы убрали весь урожай. Виктор Павлович, помогите мне уйти из райкома партии на свое прежнее место. Не могу я здесь!

– Надо, Степан Саввич, надо, – говорит. – Эти настроения минут. Все будет хорошо, не сразу и Москва строилась.

Этот разговор состоялся зимой. Во второй раз наша беседа продолжилась во время сева сахарной свеклы, но как-то резче, жестче, – может быть, потому, что был в плохом настроении, секретарь бросил:

– Ты больше думаешь о собственных благах, а не об общественных. Обожди! Всему свое время.

Где-то в середине августа 1981 года звонит ко мне первый секретарь обкома партии Владимир Григорьевич Дикусаров.

– Ну, как ты там? Какая обстановка в районе?

А надо сказать, что Мельничук тогда лежал в больнице – вообще он тогда больше болел, чем работал.

– Где у вас сегодня проводится отчетно-выборное партийное собрание?

В числе других называю Топоривку.

– Ну давай там и встретимся. Поговорим. Определимся. Что он имел в виду, говоря «определимся»?

Встретились, проехали по полям колхоза. А он и спрашивает:

– Степан Саввич, что ты затеваешь в райкоме?

– Да ничего особенного, – отвечаю, а у самого аж мурашки по телу пошли. Может, думаю, что-то кто-то наговорил? Мало ли у меня недружелюбцев?

– Как ничего? – переспрашивает. – А что же, Виктор Павлович просто так шумиху вокруг твоего имени создает?

– Владимир Григорьевич, буду честен перед вами, как перед родным отцом. Я стараюсь справиться со своими райкомовскими обязанностями, но душой... Если бы вы могли помочь мне вернуться в колхоз, я бы век вас благодарил.

Он по-отцовски тепло посмотрел на меня, засмеялся.

– Ясно, – говорит. – Хозяйственная жилка играет? Но ты не торопись. Председателем ты успеешь еще поработать, но пока второго секретаря райкома партии с тебя никто не снимал. Работай.

На этом разговор окончился, но чувствовалось, что в моей жизни что-то должно случиться. Знать бы что?

В один из дней в начале сентября, часиков в 11-ть, смотрю в окно, вижу – заезжает во двор машина Дикусарова. Из кабинета не выхожу, знаю, когда приезжает первый, все должны сидеть в своих кабинетах, на всякий случай, быть под рукой. Проходит минут 10-15, не более, по внутреннему телефону раздается звонок от Бориса Семеновича, мол, «зайди ко мне». Захожу. Секретари сидят друг перед другом, Мельничук указывает на стул. Тихонько присаживаюсь. Жду, что скажут, зачем вызвали. А Дикусаров спрашивает Мельничука:

– Ты знаешь, что он, – показывает в мою сторону, – написал заявление об уходе?

– Как написал? – удивился Борис Семенович. Он весь порозовел, побледнел, посмотрел на меня с укором.

– Да обожди, Борис Семенович, я просто не так выразился, он не писал заявление, но настроение у него именно такое. А теперь выслушай меня. Новоселицкий район самый крупный в области. Ты прекрасно знаешь об этом, как знаешь и о том, что ни в райкоме, ни в райисполкоме нет ни одного специалиста сельского хозяйства. Давай председате-

ля райисполкома Палаша мы заберем в область, а Глигора порекомендуем на его место?

Услышав такое предложения, я просто опешил:

– Владимир Григорьевич, я лучше здесь останусь, вторым секретарем, но председателем райисполкома не пойду!

– Да ты не спеши давать ответ, Степан Саввич. Сначала хорошенько подумай, прежде чем отказываться сгоряча.

– Не могу, не осилю, Владимир Григорьевич, лучше отпустите меня в мое хозяйство. За два года оно почти развалилось, животноводство стало убыточным. Отпустите.

Ни о чем конкретном мы так и не договорились.

– Ну ладно. Иди и не переживай, – успокоил меня Дикусаров.

А надо признаться, что Владимир Григорьевич очень меня уважал и поэтому защищал и от немилости Бориса Семеновича. Проходит время и Дикусаров забирает Палаша в область, а на его место рекомендует Димчугина Марчела Андреевича, директора Кицманского племобъединения, вторым секретарем на мое место предлагает Дмитриева Евгения Ивановича.

Таким образом, я возвратился опять председателем колхоза имени Жданова. Теперь я мог довести до конца свою заветную мечту – во всем хозяйстве внедрить коллективный подряд, довести до ума технологию выращивания кукурузы и сахарной свеклы, вывести вперед животноводческое хозяйство.

Часть третья

ВОЗВРАЩЕНИЕ «НА КРУГИ СВОЯ»

Я знал, что рано или поздно, но из райкома партии уйду, рано или поздно, но опять возглавлю колхоз, с которым

сроднился. Поэтому охотно согласился поехать в Оршевцы Кицманского района, там стали выращивать сахарную свеклу с одnorостковых семян. Если раньше, при старой технологии, на каждый гектар посева затрачивались 12-15 килограммов семян, то теперь три – три с половиной килограмма! Посев был ровный, не нуждался в дополнительной прорывке, а от сорняков был защищен гербицидами. Короче, такая технология была не что иное, как золотой ключ к коллективному подраду. Главное, чтобы колхозные специалисты, руководители среднего звена, механизаторы увидели пользу от применения этого метода.

Колхоз имени Жданова тогда имел перед государством 800000 рублей долга – и это тогда, когда соседнее хозяйство имени Суворова достигло 50 процентов рентабельности! Ели бы мы достигли таких показателей тоже, нам бы цены не было...

Летели дни, сплывали месяцы и вдруг люди почувствовали себя уверенней, самоотверженно отдавались работе, по-хозяйски берегли копейку, соревновались между собой, а я, как адвокат, только мирил их и защищал от разных недоразумений, ведь знал, что уровень их зарплаты зависит в первую очередь от них самих.

Зимой люди засели за учебники, посещали агрошколу, учились секретам хозяйственного порядка.

Тогда мы первыми в области почти на 600 гектарах выращивали сахарную свеклу на профессиональной индустриальной основе. В отмену до предыдущих лет, засеяли свекловичные площади и только сортом Ялтушинским одnoseмянным – 38, почву предварительно заправили минеральными – по 12 центнеров и органическими удобрениями – по 60 тонн на каждый гектар. Во время сева внесли удобрения дополнительно, как органично-минеральную смесь, по центнеру на гектар. А чтобы засоренность посева свести до минимума, почву обработали гербицидами. Да ина-

че и быть не могло, ведь на базе нашего хозяйства ныне действовала областная школа по внедрению достижений науки и передового опыта в свекловодстве.

Большое внимание мы уделяли и выращиванию кукурузы. Тогда в газете областного комитета компартии Украины и областного совета народных депутатов «Радянська Буковина» под девизом «Українська вахта» появился материал п. Шевченко «110 центнерів з гектара» с подзаголовком «Один наряд на цілий рік». В нем говорилось, что механизаторы колхоза, перейдя на бригадный подряд, с площади 630 гектаров собрали более 5500 тонн зерна кукурузы, это по 86 центнеров с гектара.

Как и каждая сельскохозяйственная культура, кукуруза требует хорошего предшественника. На этот раз им стала сахарная свекла, под которую перед этим было внесено по 60 тонн навоза и по 12 центнеров на гектар минеральных удобрений.

После уборки свеклы под пахоту внесли еще по 110 килограммов действующего вещества калийных и по 45 килограммов фосфорных удобрений. Весной тщательно выровняли площадь, перед посевом каждый гектар получил еще 100 килограммов аммиачной селитры. Применили химическую прополку, – с помощью дисковых и тяжелых борон заделали по семь килограммов эрадикана. До самой осени сюда не заезжала никакая техника, посев не знал ни рыхления, ни подкормки. А растения росли как из воды – без сорняков, ровные, красивые. Члены механизированного отряда не могли отвести от них взгляды. Да разве только механизаторы? Я и сам не единожды останавливал машину возле плантации и любовался урожаем – будет достаточно корма и для коров, и для бычков, и для свиней, и курам достанется!

– Хорошая это вещь – бригадный подряд, – как-то сознался главный агроном Иван Васильевич. – И машине напряжения снимает, и беспокойства меньше – люди работают

без какого-либо напоминания: весной получили программу и действуют, ибо знают, что главное в их работе – конечный результат, трудовое участие в общем деле.

В этом же 1983 году мы в хозяйстве добились 52 процента рентабельности. О нас заговорила область, республика и даже весь Советский Союз! Если до недавнего времени наше хозяйство в Новоселицком районе считалось посредственным, то теперь становилось одним из самых лучших, стало базовым для областной школы по внедрению передовых методов хозяйствования.

Желание посмотреть собственными глазами на новоселицкое чудо проявил и секретарь ЦК КПУ Иван Алексеевич Мозговой, дескать, что оно такое – коллективный подряд? В ноябре на партийную конференцию, что должна была состояться в Сокирянах, собирался и он. Мы сидели в кабинете долго. Говорили обо всем и, конечно же, о коллективном подряде. Дикусаров посмотрел на часы, поторопил Мозгового, мол, надо спешить, ибо так можно опоздать в Сокиряны.

– А ты не спеши, не торопись, Володя. Когда я беседую с интересным человеком, другие дела меня не интересуют.

Он взял листок чистой бумаги, быстро-быстро сделал какие-то подсчеты и произнес:

– Если бы все хозяйства Украины перешли на подряд, то представляете, какая бы получилась дополнительная прибыль? Это колоссально!

Как мне рассказал позже Владимир Григорьевич Дикусаров, Мозговой, по дороге в Сокиряны, говоря обо мне, поделился мнением:

– Вот скоро будут выдвигаться кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР, желательно было бы выдвинуть кандидатуру этого парня.

До выборов надо было еще дожить. Но разве мало постарался для этого? И не только в растениеводстве.

Надежная кормовая база способствовала увеличению продуктивности животноводства. В 1983 году мы сверх плана получили 36 тонн мяса, 173 тонны молока. Животных стали содержать по поточно-цеховой системе. Действовали цеха сухостойных коров, по раздаиванию, а также производству молока, оснастили пять помещений для беспривязного содержания коров сухостойных, нетелей и телок.

Отдельно по каждому цеху разработали и утвердили оплату труда животноводов, улучшили подготовку коров и нетелей к отелу в сухостойном цеху, и в первую очередь обеспечили их полноценными кормами.

Сказав «обеспечили», мне кажется, надо бы полнее рассказать и о кормовом рационе животных. Так вот, сухостойным коровам мы давали три-четыре килограмма концентратов, сбалансированных микро- и макроэлементами, пять килограммов сена, десять – кукурузной сечки, восемь – кормовой свеклы, шесть килограммов – пропаренной соломенной резки и по полкилограмма мелясы.

Такой же рацион определили и для цеха раздоя коров. Его выдерживали две недели, потом через каждые пятнадцать дней производили контрольный удой, устанавливали продуктивность животных. И только после этого слагали рацион кормления в зависимости от продуктивности каждой коровы. И, что интересно, что из цеха раздаивания животные не переводились в цех производства молока до тех пор, пока они не будут плодотворными и проверенными на стельность.

Полученные результаты показали, что поточно-цеховая система содержания животных эффективна не только в технологическом отношении, а и экономическом. Основание ее – в получении продукции высокого качества, которое обеспечивали также благодаря внедрению усовершенствованных форм оплаты труда.

Поточно-цеховая система содержания животных оправдала себя, дала возможность довести рентабельность отрасли почти до 40 процентов.

В июле этого же года к нам в гости приехали посланцы из Воскресенского района Московской области. Заведующий сельскохозяйственным отделом горкома партии Вячеслав Кузьмич Яненко и директор совхоза «Виноградово» Николай Николаевич Циликوف побывали на всех производственных участках хозяйства, поинтересовались экономическими показателями, бытом тружеников колхозного села.

После обеда в конторе колхоза состоялась торжественная встреча гостей и деловой разговор об общих достижениях и перспективах развития обоих хозяйств в будущем.

Надо было видеть, какими добрыми, какими солнечными были лица гостей, когда им, по доброй нашей традиции, девушки на вышитых национальных рушниках преподнесли румяные калачи и соль, а школьники – букеты живых цветов. Конечно, мы гордились все крепнувшей дружбой с русским народом и, конечно же, с хлеборобами и животноводами совхоза «Виноградово». Я понимал, что без их помощи тяжелее бы было достичь таких успехов. Потому и сказал:

– Наш колхоз поддерживает хорошие отношения со многими хозяйствами Украины, Молдовы, но самую большую помощь мы получаем как раз от вас. Дорогие гости. Именно совхоз «Виноградово» помог нам полностью создать высокопродуктивное стадо для молочного комплекса, а теперь мы щедро делимся полученным опытом со многими хозяйствами страны. Для вас у нас всегда найдутся семена высокоурожайных сортов зерновых, кукурузы, овощей. Берите, пожалуйста.

– Надеюсь на вашу помощь, – ответил директор совхоза Николай Николаевич. – Мы с вами сдружились навек.

Когда они уехали, я снова и снова подытоживал наши разговоры, и почему-то остановился на кормовой базе животноводства, ведь без нее многого не добьемся. Так вот – о кормовой базе. Считаю, что секрет наших животноводов – в создании для общественного животноводства крепкой кормовой базы, в которой значительный вес занимает возделывание люцерны.

Увеличение сбора растительного белка тесно связано с более широким выращиванием именно этой культуры, которая по содержанию белка с единицы площади не имеет себе равных. В нашем колхозе люцерна обеспечивает 10-14, а при поливе и 16-18 центнеров переваримого протеина с гектара. Если в целом многолетние травы выдавали по 76 центнеров кормовых единиц с гектара, что, безусловно, есть достаточно высоким показателем, то с люцерников вышло по 98 центнеров! Еще. На протяжении вегетации площадь поливали по 400 кубических литров на гектар и получали за четыре укоса 580 центнеров зеленой массы с гектара. Это здорово! Если себестоимость производства одного центнера кукурузы на зеленый корм составляла 0,98 рубля, кормовых корнеплодов – 1,51 рубля, то люцерны – 0,49 рубля. Вообще с посевов люцерны мы припасли на зиму 760 тонн первоклассного сена и 2178 тонн сенажа.

Этими успехами в первую очередь мы были обязаны председателю колхоза «Жовтень» Кицманского района Дмитрию Васильевичу Рошко, с хозяйством которого соревновались. Очень хорошо помню свой первый визит в село Валява. Меня встретил седовласый, с умным взглядом мужчина, представился:

– Дмитрий Васильевич Рошко – прошу любить и жаловать.

– Глигор... Степан Саввич, – отвечаю ему как-то боязливо, ведь передо мною стоял один из самых лучших хозяев Черновицкой области.

Пока мы знакомились, везде преуспевающие журналисты успели нас сфотографировать, как председатели колхозов соседних районов беседуют, дружат и заключают договора на социалистическое соревнование между собой.

Мне сразу понравилась хозяйственность, душевная щедрость и жизненная мудрость Дмитрия Васильевича. А образцовый порядок, который проявлялся здесь во всем, вызывал во мне белую зависть. Особенно понравились добротные животноводческие помещения, уютные бытовки для животноводов.

– Нам бы такие! – восторгаюсь увиденным. – Только вот со строительными материалами трудно.

– А мы вам поможем! – пообещал Рошко и приветливо похлопал меня по плечу. – Вместе не пропадем.

Его слово не разошлось с делом. Последнюю тонну цемента отдал нам – своим соперникам! А через два года в Строинцах уже красовался новый животноводческий городок.

Крепли наши связи и после объединения двух наших хозяйств в единое – имени Жданова. Стало привычным, что не только председатели, правление, но и агрономы, зоотехники, бригадиры, звеньевые с обоих хозяйств стали отвещивать друг друга, делиться опытом.

До сих пор благодарен Дмитрию Васильевичу, да и другим друзьям, наставникам, с которыми свела меня судьба. А они, эти друзья, были тогда у меня по всей стране. Посещая Валяву, наблюдал, как Рошко уважительно выслушивал какого-то ветерана, интересовался его нуждами, самочувствием. «Хорошо бы и мне так делать и в Строинцах, в Маршинцах», – подумал и собрал вместе всех ветеранов и войны, и труда, дабы помочь им мирно и спокойно дожить свой век.

Перед принятием комплексного плана развития хозяйства на период до 1990 года на базе нашего колхоза

было проведено областное совещание на эту тему. Тогда мы обязались значительно нарастить продуктивность животноводства, увеличить отдачу сельскохозяйственных угодий. Урожайность сеяных кормовых культур спланировали довести до 60-65 центнеров кормовых единиц с гектара, или до 40 центнеров на условную голову скота, заготовку силоса и сенажа первого класса довести до 90 процентов.

Летом 1984 года с «Укртелефильма» к нам приехала бригада репортеров снимать фильм о моем возвращении из райкома партии в колхоз. Тогда секретарем ЦК КП Украины по идеологии был Леонид Макарович Кравчук, он и рекомендовал Мирославу Джинджиристому сделать фильм о всех моих перипетиях. Это был мой первый прорыв к «вершине» славы, ведь до меня никто из партийных секретарей на производство не возвращался! Фильм назывался «Иначе я не могу».

Но я хочу рассказать о другом, о том, как я стал кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Первыми выдвинули меня кандидатом в депутаты коллективы колхозов имени Жданова и «60 лет Великого Октября» нашего района 2 февраля 1984 года. Новоселицкая окружная избирательная комиссия зарегистрировала меня кандидатом по избирательному округу №548, а 21 февраля районная газета «Ленінським шляхом» на первой странице уже поместила мою биографию, в которой, между прочим, говорилось о том, что возглавляемое мной хозяйство в числе первых в области внедрило коллективный подряд. Хозяйство высокой культуры земледелия. Позже узнал, что мою кандидатуру поддерживали на своих собраниях коллективы совхоза «Маяк» Сокирянского района, Зарожанского сахарного завода – Хотинского и колхоза имени Мичурина Кельменецкого районов, Новоселицкая мебельная фабрика.

Выборы должны были состояться 4 марта 1984 года. Ничего в этом особенного не было, выборы приходили и уходили, а жизнь продолжалась. Но тот раз был для меня переломным – я впервые почувствовал государственную ответственность за свою страну – я стал депутатом Верховного Совета, начал готовиться к поездке в столицу нашей родины – Москву.

И вот 11-е апреля. Большой Кремлевский дворец съездов... Тяжело передать чувства, с какими мы, депутаты, пришли на свое первое общее заседание Совета Союза и Совета национальностей. Накануне состоялся Пленум Центрального Комитета партии. Мы уже были знакомы с его решениями, и чувство собственного достоинства переполняло наши сердца и души. Тогда главой Президиума Верховного Совета ССР мы избрали Генерального секретаря ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко, думая, что старый конь борозды не испортит.

Еще во время избирательной кампании я ознакомил избирателей с программой своих действий как депутата. Возвратившись домой, стал претворять в жизнь обещанное. Дверь моего кабинета была всегда открыта для избирателей, я, как мог, помогал им разобраться со сложнейшими вопросами. На сессии меня ввели в состав постоянной комиссии Совета Союза ССР, которая занимается вопросами агропромышленного комплекса страны. Конечно, мне, исконному хлеборобу, не было проблем ближе и понятнее, поэтому уделял первоочередное внимание проблемам реализации Продовольственной программы СССР. Но помня предвыборные наказаы избирателей, все свои силы бросал на строительство Новоселицкого дворца культуры, Дворца спорта, позже занялся строительством Телекома. Все просьбы областного и районного руководства четко выполнялись. Ежемесячно вылетал в Москву для решения массы проблем.

На сессии утверждалось то, что наивысшей целью Советской страны есть благосостояние народа. Это неоспоримо. Поэтому и далее должна была подниматься заработная плата рабочих и служащих и, конечно же, уровень потребления; станет лучшим социальное обеспечение трудящихся, возрастет духовный уровень народа.

Депутатские хлопоты забирали все свободное время. Да что свободное? Не было свободной минутки, чтобы побеспокоиться о себе, о своем здоровье. Молодость молодостью, а силы нужны на целый век. Зная об этом, Москва в августе 1984 года дает мне как депутату Верховного Совета путевку в санаторий «Волжский утес». Поехал туда. Санаторий был богат, красивый, но меня тянули к себе колхозные просторы республики. Автомобилем я поехал из Сызрани километров за 80-90 до «Волжского утеса».

Я смотрю на поля – они совершенно не были похожи на наши. Смотрю – столько сорняков!

Это я заметил, еще когда выезжали из города Сызрань в санаторий. Такой низкой культуры земледелия я никогда не видел, все поля были густо покрыты сорняками. Ячменное поле уже было убрано от урожая. Я подошел к одной-другой куче соломы, половы и понял, что половина зерна попала в солому. Почему же это никого не волнует? Разве нельзя имеющуюся технику нормально использовать? Сколько дополнительно можно было бы собрать урожая с этих полей?

Всю ночь не спал. Лежал и думал, почему же мы боремся за каждый грамм зерна, а здесь тоннами оставляют его на произвол судьбы? Вот бы сюда наших механизаторов! А что? Половину выращенного отдавали б хозяевам, если их можно так назвать, половину бы забирали себе.

Добыв свой срок путевки, возвращаюсь домой, по пути заезжаю в ЦК Компартии Украины к секретарю, ведающему сельским хозяйством, Ивану Алексеевичу Мозговому. Он

радостно предложил мне место возле себя, улыбнувшись, нараспев процитировал:

– «Есть на Волге утес, – одним мохом оброс», а ты, Степан Саввич, не оброс ли там ленью? – засмеялся. – Ты мне это брось, как депутату Верховного Совета СССР засиживаться тебе не позволим.

– А я и не собираюсь засиживаться, Иван Алексеевич. Наоборот, хочу взять часть русской земли в аренду.

– Что-что? – переспросил секретарь. – Землю в аренду? Это что-то новое. Ну, давай, рассказывай, в чем суть твоего предложения.

Рассказал я ему о своих замыслах, о своей мечте – на собственном опыте доказать, что при хорошем уходе каждое поле может давать значительную прибавку урожая сельскохозяйственных культур.

– Ай да Степан! – воскликнул Иван Алексеевич. – Конечно же, я хочу, чтобы ты приземлился как раз в Российской Федерации. В конце концов, будет возможность показать, насколько неэффективно используются там земли. Это тем более необходимо, чтобы доказать, что надо прекратить критиковать Украину за низкое, неэффективное использование земли, а самим использовать ее кое-как. Надо им взглянуть на себя со стороны и понять свою ошибку. Вот что. Я подыщу тебе хорошего журналиста из «Известий», а ты Расскажи ему все подробно о замысле.

Сам не думал, что мое стремление найдет столько желающих посотрудничать с нашим хозяйством. Первыми откликнулись земледельцы Хохальского района Воронежской области. Туда со мной поехало и центральное телевидение с программой «Сельский час». Специалисты подняли всю документацию по урожайности за три года, подсчитали среднюю урожайность зерновых, составили договор, в котором указали, что всю прибыль, полученную сверх достигнуто, за три года, мы делим пополам, таким образом значитель-

ную часть прибыли оставляя хозяйству как аренду за землю. Выгода обещала стать обоюдной. Но вдруг оттуда поступает отказ, позже мы узнали, что руководство области запретило руководителю хозяйства заключать такой договор, понимая, что погоды во всей республике буковинцы не сделают, ведь будут арендовать только 3-5 тысяч гектаров земли, но вполне могут показать, насколько они недорабатывают здесь у себя.

Опять со своей жалобой спешу к Ивану Алексеевичу. Он внимательно меня выслушал, а потом бросил:

– Оставим их в покое! Слушай, а приземлись-ка ты в Херсонской области. Я там работал первым секретарем обкома партии. Там отличные земли. Но влаги маловато. Богори. Но думаю, вы с этим отлично справитесь. Дерзай!

Дерзай то дерзай, но с чего бы начать, как заинтересовать в этом начинании других? Посоветовался об этом со специалистами, членами правления колхоза и пришел к единственно правильному решению: использовать как информативную станцию всесоюзную газету «Известия». Вместе подготовили текст, утвердили его на расширенном заседании парткома и правления колхоза и отослали в газету.

Вот оно к вашему вниманию: «Колхоз предлагает подряд и берется вырастить высокий урожай на взаимовыгодных условиях».

Представьте себе: два колхоза по доброй воле подписали непривычный сегодня деловой договор. Один – преуспевающий, взял у другого – даже не «середняка», в аренду четыре тысячи гектаров пашни и обязался вырастить на ней вахтовым методом гарантированный урожай, намного превышающий тот, что снимали здесь раньше. Но не в порядке помощи или сотрудничества, а на определенных взаимовыгодных условиях хозяйственного расчета.

Однозначных мнений по поводу такой взаимной «сделки» я не ожидал. Но знал, что те, в ком живет интерес к новому, захотят узнать адреса партнеров и условия, на каких они вошли в добровольную сделку. Другие, не освободившись от стереотипного мышления, недоуменно разведут руками. Где вы, дескать, видели, чтобы свою пахоту отдавать кому-то в аренду, какой еще выдумали вахтовый подряд?

Приезжая в Москву на очередную сессию Верховного Совета СССР, мы, председатели колхозов – депутаты, непременно встречались. И хотя мы из разных мест, всех не переставал тревожить очевидный факт: за последние годы передовых хозяйств заметно прибавлялось, но и количество слабых или находящихся в застое медленно убавляется. Они недодают государству немалое количество продовольствия и сырья. И не из-за того, что не обладают достаточными производственными возможностями. Возможности эти растут. И производственный потенциал – тоже.

Вот и задумался: почему, например, наш колхоз из года в год собирает с гектара 50 и больше центнеров зерновых, а где-то, на землях куда лучших, снимают чуть больше, чем посеяли. Нас уже не удовлетворяет, что сахарной свеклы даем на единицу пахоты свыше 500 центнеров, кукурузы – до 90 центнеров в сухом зерне, что от коровы получаем 5 тысяч килограммов молока, а на 100 гектаров сельхозугодий производим 280 центнеров мяса и до 1000 центнеров молока. Другие же и половины этого не имеют. А вполне могли бы.

Тут могут выставить знакомый довод: не сбрасывайте со счетов особенности климата, плодородия земли, зон земледелия. Но кто оспорит, что всюду есть правофланговые хозяйства? Достигнув высоких результатов, они смело примериваются к более высоким. Так что на различие усло-

вий ссылаться не следует. Дело, видимо, в другом. В чем же именно?

Впереди идущих нельзя упрекнуть в нежелании делиться своей организацией производства, отработанными технологиями, системой стимулирования – материального и морального. Лицензий на все, чем они богаты, покупать, как принято за рубежом, не надо. Приезжай, изучай, применяй у себя.

За последние десятилетия у нас накоплено немало форм передачи передового опыта. Однако многое из накопленного не то что устарело, а скорее, примелькалось, стало привычным, потеряло притягательность, в чем-то обросло формализмом.

Какой бы путь тут следовало избрать? Согласен с появившимся мнением, что нашему брату, набравшемуся богатого практического опыта, организаторского умения, пора выходить за пределы своего хозяйства. Найти более эффективные формы применения личного управленческого багажа в других хозяйствах. И не одному председателю, а и высокопрофессиональным главным специалистам и механизаторам. Но как и с чем выходить за свою околицу – вот в чем вопрос.

Мне думается, если хотим добиться действительного повторения всего лучшего, прогрессивного, то местом внедрения должно стать другое конкретное хозяйство независимо от того, на каком расстоянии оно от тебя находится. Было бы желание у тех, кто захочет войти в партнерство с нами на основе договора, сутью которого является вахтовый подряд на земле, взятой в аренду, с нашей гарантией высокого урожая.

Что значит арендовать землю? Объяснять, наверное, не надо. Передача земли в другие руки и на определенный срок когда-то практиковалась и у нас. А сейчас продолжает существовать только в ряде социалистических стран.

В нашем же случае арендатором будет не отдельная личность, а коллективное хозяйство. Сущность подряда достаточно известна. Что же касается понятия «вахтовый» метод, то и это небызвестно.

Как это будет в нашем случае?

Осенью небольшая бригада трактористов вместе с агрономом выедет в другое хозяйство на подъем зяби. Затем на период весны, летом для сева и обработки посевов – опять выезд. Наконец, осенью отправим комбайнеров убирать урожай – конечно, технику и удобрения должен дать наш партнер.

Выигрыш от этого для него очевидный. Ведь вместо простых 15 центнеров зерна он получит на временно отданной нам пашне гарантированных 30 центнеров, а может, коль условия, и больше. А то, что арендованная земля даст сверх гарантированной отметки, должно остаться нам. Им рассчитаемся с партнером за пользование его техникой, а он передаст нам сумму денег и натуру для оплаты наших механизаторов и специалистов.

Конечно, если не выполним договор, то понесем полную материальную ответственность. Но я и наши специалисты можем подрядиться и для применения отработанных у нас управленческих методов, поточно-цеховой системы производства молока, дать продуктивный молодняк на пополнение стада.

Мы никак не хотели унижить достоинство, самолюбие руководителей и рядовых работников колхоза или совхоза, которые пойдут на деловую смычку. Над личной амбицией должны преобладать государственные интересы. Если за дело взяться всем миром, то можно сделать много полезного, доброго для других земледельцев, а значит, и для нашего благосостояния.

И вот на наше предложение с большим энтузиазмом откликнулись, отозвались земледельцы Нижнесерогозско-

го района Херсонщины. К нам в Маршинцы приехали «на осмотр» первый секретарь Нижнесерогозского райкома партии Дмитрий Кириллович Ткаченко, начальник управления сельского хозяйства района, директор совхоза «Восток» Иван Подгайный и составили договора о сотрудничестве с нашим хозяйством. В свою очередь, и наша делегация побывала на Херсонщине. А надо сказать, что прошлая осень для земледельцев юга Украины выдалась крайне трудной. Озимые в прямом смысле сеяли «по суху». К тому же далеко не все посевы выстояли против январских и февральских морозов. Поэтому объем работ на весеннем поле почти повсеместно должен был удвоиться, да и сама весна очень припаздывала. Все это очень тревожило не только местных земледельцев, но и новосельчан, их новых партнеров.

В середине апреля 14 механизаторов, четыре сеяльщика, водитель, учетчик и агроном – организатор отряда Степан Андреевич Стругару прибыли в совхоз. Добирались автобусом. Сперва – в село Вольное, на центральную усадьбу, оттуда – еще полчаса езды до третьего отделения, Новорогачинское, в самую херсонскую глубинку. Хозяева предоставили подрядному звену, прибывшему за тысячу километров, не хоромы, понятно, но вполне приличные два здания.

«Хотя шли дожди, – рассказывал позже Степан Стругару, – но мы времени не теряли. Провели готовность техники, что нам выдали для работы. С тремя тракторами Т-74 пришлось вместе с хозяевами повозиться. Присмотрелись и к земле. Она здесь богаче, тучнее, чем наша предгорная...

Теперь самое время рассказать и о самом совхозе «Восток». Хозяйство это имело 11,5 тысяч гектаров пашни, а вот механизаторов у него половина от нужного. Херсонские предприятия, конечно, ему помогали, но надо ли говорить, что за квалификация у «городских земледельцев». Стоило ли после этого удивляться скудным урожаям? Ду-

маю, поэтому-то херсонцы и откликнулись на наше предложение, решив отдать часть земли в аренду тем, у кого есть рабочие руки. Мы по-хозяйски взялись за работу.

Агроном отряда Степан Андреевич Стругару предложил половину отведенной земли засеять буковинскими гибридами. А для большей надежности на высокий урожай кукурузы решил перебросить сюда со своего колхоза сэкономленные у себя минеральные удобрения. Он шел на риск, ибо был уверен в своих силах, более того, он выдвинул идею взять под свою опеку все четыре тысячи гектаров земли в Новорогачинском и создать с местными земледельцами один общий отдел.

Степан Андреевич, возглавивший наши вахтовые отряды, уже с первых дней ощутил некоторые неувязки. Согласно договору, заключенному колхозом имени Жданова прошлогодней весной на выращивание зерновых и подсолнечника, совхоз отдавал нам в аренду 2020 гектаров земли и обязывался обеспечить арендаторов набором машин и механизмов, семенами, гербицидами и удобрениями, другими материально-техническими средствами в необходимых объемах и в оптимальные сроки, предусмотренные технологическими картами и производственными заданиями. Но на самом деле все оказалось по-иному. Заказчик вовсе не обеспечил нас удобрениями и гербицидами, другими средствами химической защиты растений, поздно нам выдали необходимую технику, причем и ту в неисправном состоянии.

Из шести тракторов Т-74, Т-75 и К-700 только два работали в полную силу. Остальные почти что не выходили из ремонта. Только после того, как мы обратились в Нижнесерогозский райком партии, нам выделили четыре новых трактора и прицепной инвентарь, а затем – семь комбайнов «Нива».

Сказывались и другие неувязки. Завышенные нормы выработки на сельхозмашины, запущенность учета, бы-

товая неустроенность – все это не способствовало работе, не располагало к инициативе и творческому поиску. И все же арендный коллектив, нацеленный на рациональное использование каждого гектара земли, машин и удобрений, сумел вырастить хороший урожай. Прирост зерна по культурам в сравнении с 1986 годом составил от шести до тринадцати центнеров на гектаре. Вместо запланированных восьми тысяч тонн зерна совхоз отправил на элеватор свыше десяти тысяч тонн, впервые за последние годы выполнив план продажи хлеба государству. В полтора раза перекрыл также плановые задания по реализации подсолнечника. Да и мы не остались в обиде: кроме нескольких сотен тонн хлеба, колхоз получил свыше 80 тысяч рублей чистого дохода. Были, правда, недоразумения при расчетах, но, как и предусматривалось договором, арендаторам выплатили пять процентов валового сбора урожая при достижении среднего уровня производства продукции, десять – при получения плана и тридцать – при превышении плановой отметки.

В совхозе «Восток» наши люди трудились три года. За это время урожайность зерновых с 15 центнеров довели до 37. Надбавку делили пополам. Дирекция совхоза начала искать причины, чтобы значительно уменьшить количество долга. Это и послужило причиной того, что мы ушли из «Востока» восвояси. Где нет доверия, там и дела нет, к сожалению. Вскоре в совхоз прибыла бригада из «Телефильма» и подготовила материал «История одной сделки». Наши механизаторы после такой передачи еле дождались утра и сказали: «Хватит! Рассчитывайте нас по полной. Мы дома намного больше бы заработали, чем здесь».

Тогда колхоз имени Жданова имел на своем счету более пяти миллионов рублей чистого дохода. А в 1985-1986 годах только четыре – четыре с половиной миллионов. В 1988 году на свободном счету мы имели пять миллионов рублей.

Еще раньше мы построили помещение средней школы, молочный комплекс на животноводческой ферме, проложили асфальтированные дороги, газифицировали все село. Где же брали на это средства? Чтобы ответить на этот вопрос, начну с фонда оплаты труда.

В этот фонд, помимо соответствующих расходов по технологической карте, включаем доплаты за уборку ранних и поздних культур в сжатые строки, за классность, за ремонт и техход. Доплаты за продукцию у нас в хозяйстве составляют по сахарной свекле 50, по другим культурам – по 25 процентов к тарифному фонду.

Полученная сумма используется для расчета аккордных расценок за центнер продукции.

Ежемесячный аванс механизатору определяется с учетом классности, коэффициента трудового участия каждого. Работы, выполняемые членами мехотряда на других объектах, учитываем отдельно, а начисленную оплату труда присоединяем к аккордному фонду. Она может быть распределена между членами мехотряда помесечно или в конце года. Оплату труда за выполненный объем привлеченными силами изымаем из аккордного фонда оплаты. Кроме денежной оплаты, члены отрядов получают и натуральную оплату.

Внутрихозяйственный расчет предусматривает также стимулы материального поощрения, которые способствовали бы повышению производительности труда, увеличению объемов и улучшению качества продукции. Так, за каждую тонну молока, проданную государству на 97 процентов первым сортом, мы платим оператору два рубля. Если же таким требованиям отвечало только 94 процента продукции, то дополнительная оплата снижается на два рубля за тонну. За каждую тонну несортной продукции работник возмещает 10 рублей. Стимулируем работников фермы и за жирность молока.

Стремясь больше получить высококачественного и дешевого зерна, сахарной свеклы, картофеля, молока и мяса, колхозники стараются рациональнее использовать каждый гектар земли, технику и удобрения, проявляют инициативу и находчивость. А отсюда – и деньги!

После достижения работниками, так сказать, почетного возраста, мы решили выделять им колхозную пенсию, – кроме государственной пенсии, колхозники получали вторую пенсию из колхоза. Больше того, на 1989 год в Маршинцах мы спроектировали строительство дома престарелых. Это должно было утешить многих наших ветеранов труда.

Поскольку такой дом уже действовал в Кицманском районе на базе колхоза «Дружба», я встретился с председателем хозяйства-миллионера Михаилом Прокопьевичем Пацалюком. Это был период повсеместной перестройки в Союзе, которая зацепила и нас. Чтобы продолжать строительство в аграрном секторе, нужно было сохранить достигнутый уровень. А как сохранить?

– А знаешь, дорогой мой коллега, – обратился Михаил Прокопьевич ко мне, – давай создадим с тобой «Агропромбанк», как говорится, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Каждый из нас выделил из бюджета своего хозяйства по два миллиона рублей, сняли в Черновцах отдельное помещение и создали «Агропромбанк Украины». Мы тогда имели такой высокий потенциальный заряд, что могли себе позволить многое. Наш колхоз планировал построить ипподром, купили 11 спортивных лошадей, готовился к построению детской конно-спортивной школы (предварительно подобрав преподавателей), имел проект 24-квартирного дома для артистов ансамбля песни и пляски, но все эти планы вскоре рухнули, как карточный домик, – в стране неистовствовала перестройка!

По-разному ее воспринимали наши люди. Одни думали, что перестройка дала возможность хозяйствам самим быть творцами собственного благополучия, другие – что пришло время самообогащения. Началась «демократизация» всех сфер нашей жизни. Казалось, больше социализма – значит, больше демократии, больше свободы. Но какой? Оказалось, что вместо свободы творческой, направленной на совершенствование нашего общественно-экономического строя, на оздоровление нашего социального организма пришла свобода рвачества.

Казалось, КПСС, провозгласив перестройку, отказалась от нее, на первый план вышла номенклатура и начала свою «реформаторскую» деятельность, которая совсем не отвечала чаяниям народа. В нападках на нее улавливалась личная озлобленность и раздражение оказавшихся не у постов людей или людей, претендующих на посты более высокие.

Помню годы черновицкой алопеции. Сколько тревог и волнений принесла она в нашу область, но, вместо того, чтобы искать причины возникновения этой болезни, многие стали искать возможности, как заставить журналистов, медиков-специалистов умолчать и не вспоминать об этой болезни. Одним из таких «демократов» был и первый заместитель Председателя Совета Министров Украины Евгений Викторович Качаловский, возглавлявший правительственную комиссию по расследованию причины алопеции.

Был воскресный день. Я на несколько минут заскочил домой. Вдруг звонок от председателя облисполкома Виктора Петровича Ленчинского, мол, не возражаешь, чтобы мы вместе с Качаловским к тебе на обед приехали.

Где-то в час дня к правлению колхоза подъезжает легковая машина. На переднем сидении, как черная туча, сидит Евгений Качаловский. Я сел вместе с гостями третьим. Про-

ехали немного, а он, не поворачивая головы, словно бы она приросла к шее, спрашивает:

– Так сколько у вас есть денег?

– У меня или в колхозе? – переспрашиваю.

– Вы что? Не понимаете, что я все о колхозе спрашиваю?

– Где-то в пределах пяти миллионов рублей свободных.

Он уничижительно посмотрел на меня и обращается к Ленчинскому:

– Слышите, Виктор Петрович, как они обворовывают страну?

– Извините, – перебиваю вопрос. – Пока известно, что это государство нас обворовывает.

– Да брось. Скажи-ка лучше, по сколько вам платят за мясо.

– По 2,5 – 2,6 рублей за килограмм живого веса.

– Э-э нет! Такого мяса быть не может! – воскликнул гость.

– Прошу прощения, – обращаюсь к Качаловскому, – вы как первый заместитель председателя Совмина должны знать, что государство нам платит не за битое мясо, а за живой вес.

– Что ты мне башку забиваешь?

– Не верите? Возвратимся назад, и я вам покажу квинтантии.

Покраснел, потом побелел первый заместитель председателя Совмина, видать, неудобно ему стало, что какой-то председатель колхоза противоречит ему, самому Качаловскому.

– Я покажу вам на простом примере, как государство дерет с нас шкуру. За килограмм овечьей шерсти платит 20 рублей, а самый простой шерстяной костюм уже стоит 250 рублей.

– Но это ж – костюм! – ударяет на последнее слово.

– А хлопчатобумажный костюм почему-то стоит только 18 рублей.

Обиделся киевский гость, расстроился. Приезжаем на животноводческий комплекс, поднимаемся вверх к зданию животноводов, а тут – весь лечебно-оздоровительный комплекс: бьют фонтаны воды, действует сауна, ожидает игроков бильярдная, полыхает камин, везде цветы, ковры и даже парикмахерская. Он как увидел все это, аж занервничал:

– Понял, Виктор Петрович? Вин що хоче, те и робить, – сказал ломаным украинским языком.

– Да, – отвечаю. – Но здесь за стеной живые люди, которые возятся с навозом, с животными. Между ними и девушки, которые не прочь съездить в городскую парикмахерскую, баню, магазин. Но когда? А здесь все под рукой.

Женщины-животноводы как раз делали в парикмахерской прически. Поприветствовал их крутой гость, а потом и спрашивает:

– А сколько стоит такая прическа?

– А нисколько, – отвечают женщины. – Бесплатно.

– Как это бесплатно?

Разъясняю ему, что и стрижка, и питание, и другие услуги учтены в заработной плате каждого. Хотя в то время у нас была самая высокая заработная плата в области.

«Что он так плохо настроен? – думаю. – Может быть, предложить им пообедать где-то на стороне?». А сам завожу гостей в столовую, собственно, в комнату для приема гостей. Говорю Ленчинскому:

– Может, здесь и отобедаем?

– Нет-нет, – сначала засуетился Качаловский, но увидев, как я, сняв пальто, блеснул депутатским значком на лацкане пиджака, аж рот разинул.

– Как? Вы – депутат Верховного Совета СССР?

– Да. Я сижу правее вас в Совете Союза, а вы левее в Совете национальностей. Это плохо, нас 144 депутата Верховного Совета с Украины, а вы нас не знаете...

– Извините, Степан Саввич, – перешел на «вы», – не узнал, не признал. Извините.

Он извинялся и извинялся – очень труслив был, очень боялся старших по званию или занимающих высший пост, но каким нахальным и бессовестным становился, когда знал, что человек от него зависел.

– Прошу вас, никому не говорите о моем проколе...

И вот такие люди управляли республикой!

Слово «депутат» для меня священное, депутатское звание – не приложение к должности. Депутат – это призвание. Знал ли об этом Качаловский? Думаю, что нет.

Накануне выборов и после них избиратели не знали, да и сейчас не знают, кто их депутат. Честно говоря, его толком не видели ни до, ни после выборов. Многие даже фамилии своего «избранного» не знали. А многие люди хотят видеть своего депутата не единственный раз – на официальной встрече (если такая была), а в обстановке, более располагающей к откровенной беседе, к обмену мнениями. Это может быть и чей-то дом, и летом – беседка во дворе, и специально отведенная комната. Конечно, у каждого депутата есть помещение для избирателей, но посетители приходят сюда в крайних случаях, когда уже, как говорится, припечет.

Делиться своими мыслями, предложениями, соображениями, послушать рассказ депутата о работе Совета люди сюда, как правило, не идут. А ведь народный избранник должен знать интересы и запросы своих избирателей, учитывая их, участвовать в работе Совета, решать вопросы государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, организовать проведение решений Совета в жизнь. Депутатское звание – это, подчеркиваю, не приложение к должности, не почетная привилегия, а большая и нелегкая работа среди населения. Знать своих избирателей, их радости и беды, конечно, нелегко, но зато этих депутатов люди с благодарностью называют

поистине народными. И это – самая большая награда. Слово депутата, всеми уважаемого человека, да еще вовремя сказанное, может предотвратить немало конфликтов. Но не утвердившись крепко в своем избирательном округе, не наладив тесных связей с избирателями, депутат не может считать себя полномочным представителем народа. Доверие народа можно завоевать, только каждый день отстаивая его интересы. И мне показалось, что первый заместитель председателя Совмина товарищ Качаловский просто забыл о своих обязанностях.

Не хочу сказать, что я был каким-то особенным депутатом, но все же старался везде и во всем быть человечным. Во всех случаях жизни.

Зимой вечер начинается очень рано – в четыре-пять часов совершенно темнеет. А тут, смотрю, стоит на снегу пара молодых людей и двое ребятишек у них на руках, мороз, вьюга, – куда с ними в такую погоду?

Говорю Георгию Саввичу Чабану – своему водителю:

– Давай побыстрее подвези меня к правлению колхоза, а сам разворачивайся назад. Надо помочь людям. Отвези их, куда надо.

Георгий Саввич так и сделал. Уж благодарили, благодарили его путники, спрашивали, кто тот добрый человек, что послал вас нам навстречу?

– А-а, – говорит, – мой шеф.

«Шеф». Не в шефе дело. Главное – быть человеком, просто – быть человеком. Как-то, будучи депутатом Верховного Совета СССР, я отбывал из Москвы, случайно познакомился в самолете с одной женщиной. Она всю дорогу плакала. Оказалось, она летела в Киев за внучкой. Тогда ведь случилась авария на Чернобыльской АС, и все ринулись из Киева куда подальше. У этой женщины в Киеве жила дочь. Вот и надо было спасать внучку. А вокруг – толпы людей, никуда не пробьешься, билетов нет. Все

нервничают, ругают Аэрофлот, ругают местную власть. Увидев эту картину, я понял, что без моей помощи женщине не обойтись, и, воспользовавшись своим преимуществом, в депутатской комнате приобретаю два билета на нее и внучку. Она была просто шокирована. Рыдая, возвращает стоимость билетов, благодарит меня за услугу. «Не стоит», – говорю и припоминаю, как меня еще дед учил: «Если можешь, сделай все от тебя зависящее, но помоги человеку. Много ли, мало, но помоги! Надо всегда входить в положение пострадавших».

Был и такой случай. На сходе села Маршинцы возник вопрос о выборе участка под новое кладбище. Старое было маленькое и уже не вмещало покойников. Такой участок был возле мусорной свалки между Тарасовцами и Маршинцами. Но оказалось, что раньше здесь хоронили самоубийц – вешальщиков, утопленников, что вызывало большое возмущения у стариков. Как бы им помочь подобрать участок получше? Звоню к заместителю председателя облисполкома Леониду Юлиановичу Яблонскому, прошу его прислать к нам в село землеустроителя облисполкома Ивана Петровича Макосея. Выехали мы с Иваном Петровичем за село, осматриваем окрестности – в низовье простилались осушенные земли, а выше, недалеко от села – пристойный холм, вполне пригоден под кладбище. Его и нанесли на карту. Радости стариков не было предела – все благодарили и меня, и землеустроителя за принятое решение: и – сухо, и – недалеко от села.

А вскоре колхоз завез сюда гравий, столбы, металлическую ограду, на строительство кладбища вышло все трудоспособное население, и за два дня кладбище было готово.

Старики в жизни села – великая сила, сумей организовать их на какое-то полезное дело – и порядок обеспечен.

Мне припоминается 1991 год, сельский сход. На нем поднимались два вопроса: где строить помещение детского сада и где – церкви. Молодежь настаивала, чтобы в стенах старой церкви открыть детский сад, старики – чтобы восстановить церковь, разрушенную еще в 1942 году. Но вот беда! Партийная власть категорически запрещала строить господнее заведение в центре села.

Эх, была – ни была. Думаю, надо строить быстро, пока партийное руководство поймет, что к чему, а вот она – церковь – уже готова. Всю ночь мыслил, как это сделать, а утром звоню к председателю сельского совета, прошу собрать сельский сход и пригласить на него чем побольше стариков. Дело было в октябре-ноябре. К 10 часам утра в Доме культуры собралось все население, и с предчувствием какого-то решающего шага, с надеждой посматривали на местное начальство.

– Дорогие, милые мои земляки, – обращаюсь к ним. – Если вы хотите отстраивать церковь на старом месте, я помогу вам. Но выберите мне два-три человека, которые бы отвечали за организацию работы. Деньги, строительные материалы на строительство дает колхоз.

Одобрительно загудел сход. Люди о чем-то долго спорили и вот вышли вперед Василий Назарович Кочервей, Флорий Иванович Никитин и Флорий Андреевич Романюк, сурово посмотрели на присутствующих, перекрестились.

На строительство церкви поднялось все село. По очереди готовили еду. Помогали, кто как мог. Но деньгами и строительными материалами для строительства – решил колхоз. Колокола привези из России, из Воронежа, кресты из Подольска. Колхоз нанял каменщиков, жестянщиков, художников. Работа закипела. Все спешили побыстрее справиться со своими делами. И вот 2 августа 1992 года строительство церкви было окончено. Опять собрался сход, на котором и решено было этот день объявить храмовым. Это был день

Ильи, и это было отличное время: страду окончено, тепло на улице, есть овощи, фрукты. Вот это храм! Вот это праздник!

На открытие церкви мы пригласили 20 священников. Прибыл даже сам Владыка Онуфрий. Будучи депутатом Верховного Совета СССР, я много ездил, многое видел. Особенно присматривался к культовым сооружениям, трепетал перед величием самого крупного Храма Василия Блаженного в Москве, но никогда не испытывал такого восторга, как при открытии «нашей» церкви. Это была первая церковь на Буковине, сооруженная после распада Советского Союза.

Стояла масса машин, августовское солнце остро отбивалось от фар и слепило, казалось, толпы людей покрылись медью, от них струился поток радости, восторга – ведь это была ими сооруженная, их церковь. И все же – сколько добрых слов было сказано и обо мне, о том, кто внес в строительство и свою лепту. Вместе с тем, мне почему-то было неудобно, но приятно, в свою очередь.

Я вместе со своими тружениками помог людям стать ближе к Господу, и сам приблизился к нему. В благодарность за это целый год все службы в церкви начинались и заканчивались моим именем. Было приятно осознавать, что и ты кое-что значишь для своих людей.

Приятное чувство во мне появляется и тогда, когда вспоминаю 1998 год – год газификации Строинцев. В марте проводились выборы в местные советы. Избирался и председатель села. На пост председателя претендовали четыре кандидата. Желаящие получить эту должность из кожи вон лезли, чтобы задобрить избирателей, обещали им золотые горы и, в первую очередь, газифицировать село. Мол, избери меня, и я вам помогу в этом деле.

Слово взял и я. Честно говоря, мне было все равно, кого выберут на эту должность, но зачем обещать невозможное? Где эти кандидаты возьмут денег на газификацию?

– Товарищи, – говорю. – У предыдущих выступавших, кроме желания стать депутатом, нет ни копейки на газификацию. В государстве – то же самое. Помочь в этом может только коллективное хозяйство. Вот и думайте, что делать?

Короче говоря, металлические трубы мы заменили полиэтиленовыми, за два месяца окольцевали ими все село. И все это за общественные средства. Сельчане почти не возвращали нам деньги.

Когда дома начали подключать к газопроводу, люди платили от 35 до 150 гривен только за эту операцию, а стоимость газопровода – 80 процентов от всех затрат – легла на плечи колхоза. Ладно. Не обеднели. Пусть люди пользуются приятным.

Сейчас много говорится о репрессированных, о голодоморе, даже – геноциде в Украине.

Я уже говорил, что в 1940 году ни за что ни про что советская власть репрессировала ванчиковского прималя Тодора Постолаки, сослала его в Сибирь, где он и погиб. Много бед выпало и на долю Карпа Федота – по политическим мотивам его осудили на 25 лет, отправили в Верхоянск. Лейтенант милиции Григорий Павлович Глигор – один из моих родственников – отказался его арестовывать и поплатился за это – его уволили с работы.

В первые годы становления советской власти в нашем селе работал секретарем Ванчиковского сельского совета мой родственник Владимир Иванович Глигор. Проработал недолго. Был освобожден потому, что отказался оформлять документы на репрессированных людей.

Тодор Постолаки

Вот поэтому я решил за свои деньги построить памятник репрессированным. Василий Федорович Постолаки – бывший мой учитель – тогда рассказал:

– Когда моего отца Тодора Постолаки отправили в концлагерь только за то, что при Румынии работал примарем,

Василий Постолаки

в то время в Сибири, в трудовом лагере, находился Степан Васильевич Глигор – ваш дядя. Так вот, он, узнавши адрес моего отца, регулярно посещал ссыльного, поддерживал его чем мог – от кусочка хлеба до нескольких картофелин, только бы спасти отца от гибели.

– Это интересно, Василий Федорович, – радуюсь за своего дядю. – А о других моих родственниках что знаете?

– А-а... Многое. Не могу не отозваться о вашем сводном брате Владимире, с которым служили в румынской армии. Это уникальный, душевный человек, который готов отдать душу ради своего близкого. Расскажу только то, что помню, знаю и видел своими глазами.

Помню, как возвратился с Первой мировой войны фельдфебель Василий Ильич Глигор. Люди тогда говорили, что за какие-то подвиги его из рядового солдата сразу же повысили в чин фельдфебеля; помню его дочь – первую ванчикувецкую учительницу – Валентину Васильевну. Да, еще должен сказать, что очень хорошо помню первых хозяев в Ванчикувцах. Конечно, вашего отца Савву Степановича и Георгия Ильича Глигоров, на которых до начала коллективизации равнялись все сельчане. Я в 1941 – 1944 годах

работал в примарии, ежегодно отчитывался о правонарушениях в селе, но никогда ни в чем плохом род Глигоров не был замечен.

А что было позже, вы хорошо знаете сами. Ни одно мероприятие, ни одно собрание не происходили без участия кого-то из ваших родных. В середине 60-х годов в Новоселицком районе было принято постановление перевести Ванчиковецкую среднюю школу в село Костычаны. Местные жители выступили категорически против этого. Аксентий Степанович Глигор тогда возглавил группу единомышленников, обратился в районные и областные органы, Министерство образования Украины с призывом оставить среднюю школу на старом месте. Мероприятие оказалось успешным. Ванчиковецкая средняя школа продолжала успешно готовить будущие кадры для Буковины и Молдавии. Кстати: эту школу окончили Глигоры – Любовь Аксентьевна (бухгалтер), Степан Аксентьевич (агроном), Александра Аксентьевна (медсестра), Елена Аксентьевна (педагог), ее дочь Родика (врач), Мария Ильинична (окончила Кишиневский госуниверситет и работает председателем горсовета в Новоселице), ее дочь Диана (врач). Глигор Тамара Викторовна – секретарь Ванчиковецкого сельского совета.

И, что удивительно, все Глигоры, как хмель, тянулись вверх, опираясь на свою настойчивость. Анна Владимировна окончила Черновицкий государственный университет, учительствовала, заведовала отделом культуры, Василий Степанович – юрист, работает прокурором в Молдавии, в городе Бельцы. Владимир Васильевич окончил Кишиневский мединститут и работает главврачом военного госпиталя в Кишиневе.

Да что я все рассказываю и рассказываю. Вот вам список всех остальных ваших родственников. Читайте.

Я поблагодарил Василия Федоровича и уже дома дочитал:

«Нина Саввовна Глигор всю жизнь посвятила сельскохозяйственному производству, ее сын Виктор Владимирович руководит хозяйством «Ленинский путь», второй сын, Калин, вот уже 20 лет служит в составе экипажа на подводной лодке стратегического значения».

Да, жизнь идет, – думаю, – жизнь продолжается. Вот и о младших кое-что написано. Внуки Степана Пантелеевича – Дмитрий закончил Кишиневский мединститут, работает главным врачом военного комиссариата Молдовы, Петр – уникальный музыкант. И так еще с полтора десятка имен – врачей, учителей, бухгалтеров, руководителей предприятий, методистов.

«Я как учитель, – дописал Василий Федорович, – горжусь, что мне выпало работать в школе, воспитавшей таких многоуважаемых людей, которые заявили о себе на всю страну – в России, Молдове, Украине. В первую очередь, я горжусь тобой, Степан Саввич. Горжусь не только потому, что ты был членом парламента Советского Союза, а и потому, что ты настоящий, очень ответственный, добросовестный и большой патриот своей Родины. Нет слов благодарности за то, что ты за свои деньги, за свой счет воздвигнул памятник репрессированным и помог полностью реабилитировать моего отца перед односельчанами.

Поэтому от своего имени и имени моих сестер Ольги и Александры выражаю тебе искреннюю благодарность за твое душевное и человеческое отношение к людям».

Ах, Василий Федорович, Василий Федорович, ну зачем же так преподносить меня в своих глазах? Я просто жил, просто работал, как мог. Главное – во всем быть человеком.

Вот в 1989 году были выборы в Верховный Совет СССР. Тогда выдвигались два кандидата в депутаты – я и Тминский, председатель колхоза из Кельменецкого района. Если вы думаете, что этот процесс проходил мирно, очень ошибаетесь. Были у меня так называемые «товарищи» в кавыч-

ках, которые объединились вместе и всеми силами старались очернить и меня, и мое хозяйство. Даже бывший редактор районной газеты занимался черным пиаром, как это модно сейчас называть. Вместе со своими единомышленниками создал целый штаб по распространению компрометирующих меня материалов, и в каждое село они посылали три-четыре письма – во все четыре района моего округа.

Наш колхоз имени Жданова первым в области освоил выпуск полихлорвиниловой пленки, в хозяйстве действовал участок лозоплетения, изготовления веников из африканского проса, с помощью специалистов Минского научно-производственного объединения мы установили линию по изготовлению картофельных чипсов, о чем широко извещала пресса. Вот и в этот раз, месяца через два, раздается звонок из редакции: так и так, мол, я хочу написать материал о вашем подсобном хозяйстве.

– Пожалуйста, – отвечаю. – Если надо, я дам вам полную информацию обо всем.

– Нет, – отвечает журналистка. – Я хочу сама побывать на производстве.

Что-то насторожило в ее настоящем голосе, но стою на своем.

– Я в курсе всего, что там делается и что планируется делать в перспективе.

– Степан Саввич, – смягчает свой напор женщина. – Я понимаю вас, но... мне нужен рулон пленки.

– Хорошо. Дам вам рулон. – И тут же, по телефону, даю распоряжение своему заместителю привезти товар.

– Ой, Степан Саввич, я не ожидала от вас такого милосердия. Вы что? На меня не злитесь?

– Да нет. Я никогда и ни на кого зла не держу. Делаю это от чистого сердца.

– Спасибо. – говорит. – А я...

Что именно «А я...», так и не сказала, но чувствовалось, что за что-то себя очень укоряла. Может быть, за пиар во время избирательной кампании, может быть, за что-то другое, но факт оказался налицо.

Недоброжелатели рано или поздно наказываются Господом за свои небогоугодные дела.

Пришел как-то ко мне в кабинет Алексей Васильевич Келя.

– Степан Саввич, извините, но если можете, помогите мне лесоматериалом.

– Хорошо, – отвечаю. – Сколько?

– Да мне много... надо.

– Сколько нужно, столько и дадим. Пишите заявление.

Он испытующе посмотрел мне в глаза:

– Мне нужно десять кубов...

– Десять, так десять. Пишите, сколько надобно. Продадим по нормальной цене.

Продали, но пользовался он ими недолго. Сразу после этого и скончался.

Валерий Перепичка ремонтировал на молочно-товарной ферме холодильники и доильные установки. Ничего особенного в этом не было, работал, как большинство колхозников. Но я ведь знал, какую позицию его жена выбрала против меня во время избирательной кампании. И все же, как сказано в Библии, люби ближнего, как самого себя.

Так вот, как-то появляется он в моем кабинете и говорит:

– Степан Саввич, я буду работать честно и добросовестно, сколько надо, но дайте мне тысячу долларов. Я хочу, чтобы моя дочь поступила на юридический факультет в Черновицкий государственный университет.

– Хорошо, тысяча долларов – ваши!

– Степан Саввич, вы не знаете, кто моя жена...

– Почему же? Знаю. Но это не имеет никакого отношения к тому, что я делаю для вашей дочери.

Через несколько дней Перепичка опять приходит ко мне:

– Знаете, так получилось, что надо не тысячу, а три тысячи долларов, так как дочь не набрала нужных баллов и не прошла по конкурсу.

Скрепя сердце, даю ему эту сумму. Ну, все, думаю. Теперь – порядок. Но Валерий и в третий раз печально рассказывает, что и на сей раз дочь провалила экзамены, но он и теперь, мол, надеется на меня, поскольку я лично знаком с ректором университета и если попрошу его помочь, тот не откажет своему другу.

Я никогда и ни к кому раньше не обращался с такой просьбой, но на этот раз попросил: «Помогите такой-то и такой». Все, казалось, было хорошо. Дочь в университет приняли. Но через год все же исключили из высшего учебного заведения как неуспевающую.

Узнав об этом, мать сошла с ума, и по сей день ходит босая по Новоселице. А долг... Кто его будет возвращать? Да и зачем? Бог дал, Бог и взял.

Утихомирились недруги, угомонились. Ведь на зло я ответил добром и удовлетворен этим. Чувствую, люди меня уважают не только, когда я «у руля», но и вообще.

Я еще совсем молодым работал в Строинцах председателем колхоза. Тогда первым секретарем райкома партии был Борис Семенович Мельничук. Так вот, звонит он ко мне и просит приехать к нему на работу. Приезжаю. В кабинете секретаря сидит какой-то лысоватый, уже в годах человек (как оказалось позже – председатель областного комитета народного контроля Иван Яковлевич Богородченко).

Я поздоровался. Он взглянул на меня, почему-то улыбнулся.

– Добрый день. – И немного помолчав, спросил: – Ну как дела, товарищ председатель?

– Да, кажется, ничего, – отвечаю, а сам думаю: «А чего тебе нужно, старче?»

– Не мог бы ты выписать мне два мешка картофеля, яблочек и мешок лука?

– Почему же не могу? – отвечаю с готовностью, а мысль остро проскакивает в голове: «А как? Просто так или все же выписать по себестоимости?». Так и сделал. А через неделю Богородченко уже приезжает с еще одним стариком, звонит в колхоз и предупреждает, чтобы я был на месте. Через несколько минут заходят ко мне в кабинет с закуской и водкой в сумке.

– Слушай, Степан, давай поедим в диновский лес и там погуторим по-человечески. Ты хотя и молод, но умница – делаешь все честно, точно, без всяких искажений. Я кое-что должен тебе.

– Извините, Иван Яковлевич, но не могу.

Обиделся на меня председатель, но, как мне показалось, только для видимости.

Наш колхоз почти пригородный, поэтому и гости чаще других навещают сюда. Вот и в этот раз звонит Борис Семенович.

– Степан, к тебе на обед придет первый секретарь обкома Григоренко, так что смотри там.

Пообедали мы с ним в комнате для приезжих. И уже позже, когда одевались, я заметил, что его пиджак весь побит молю. «Рачительный», – подумал, и в мыслях не допуская, что за ним некому было присмотреть – его жена лежала в больнице, а без нее Алексей Семенович был как дитя малое. Достал из кармана лист бумаги, завернул в него мясо, хлеб, лук и положил в машину.

Сделай человеку добро – как это просто и как дорого стоит такая доброта. Хочу сказать, что на жизненном пути мне встречались люди именно с такими качествами добродетелей. Я уже говорил о своем старшем брате Владимире.

Это ему, в первую очередь, я обязан тем, что в Ванчиковцах поставил памятник репрессированным, это он отыскал документы сороковых годов, подтверждающие фамилии людей, осужденных советской властью на многие годы, сосланных в Сибирь, где большинство из них и погибли. Памятник обошелся мне в пятьдесят шесть тысяч гривен. Но какое моральное удовольствие я получил от этого!

На открытие его из тридцати двух репрессированных прибыло только пять живых. Но в их лицах мы видели и всех тех, кто не вернулся домой.

Какая радость чувствовать, что такая беда больше никогда не вернется в наши края!

Несколько добрых слов я сказал и в адрес первого секретаря Новоселицкого райкома партии Бориса Семеновича Мельничука, председателя колхоза «Жовтень» Кицманского района Дмитрия Васильевича Рошко и других. О некоторых хочу рассказать отдельно.

Кадры – не только должности

Кадры – это, прежде всего, люди. Люди с большой буквы, особенно если они руководящие. И с ними не просто считались в социалистическом государстве, их готовили к работе, учитывая их характеры, знания, преемственность поколений.

Нет, все-таки хочу еще раз возвратиться к Дмитрию Васильевичу Рошко. Он был на 16 лет старше меня, но не считался с этим – разговаривал со мной на равных, делился опытом, переживал за мои колхозные дела. Еще с начала знакомства предложил: у меня хорошо поставлено животноводство, у тебя – земледелие. Давай объединим наши усилия и будем двигать дела вместе. Это благодаря ему в Маршинцах и Строинцах появились новые животноводческие помещения, в связи с чем поля получили дополни-

тельное количество навоза и повысили свое плодородие, это благодаря ему я стал уверенным руководителем колхоза.

Дмитрий Васильевич даже научил меня специальным высказываниям и выражениям, без которых председателю не обойтись, научил, какие поднимать вопросы, как руководить подчиненными, а также – как здороваться со старшими людьми и молодежью. Он стал для меня вторым отцом, и я глубоко благодарен ему за всю эту науку, за искреннее человеческое отношение ко мне.

Многое почерпнул я от Героя социалистического труда Петра Волоха из Броваров Киевской области, от дважды Героя социалистического труда Владимира Плютинского из Ровенщины, Дмитрия Моторного из Херсонщины, которые помогли мне расширить кругозор; невзирая на их уважительный возраст, я всегда находил с ними общие темы для разговора.

Грамотным хозяином был председатель колхоза «Ленинский путь» Василий Романович Банарь, с которым я начал свой карьерный рост. Он всегда искал и находил что-то новое для хозяйства, был своего рода пионером во всех делах. Он был кристально честным, преданным общему делу и этим запомнился мне на всю мою жизнь.

Рабочей интеллигентности я научился у Серафима Федоровича Василати из села Несвоя. Он был сильным, интеллигентным хозяином. Даже в животноводческие помещения он заходил в чистых туфлях. Чистоты, порядка требовал и от других. Может быть, поэтому в его колхозе всегда царила высокая культура земледелия.

Кстати, сейчас я самый старший из руководителей на Буковине, а когда-то был самым молодым... Поэтому и стараюсь передать свой опыт другим, невзирая на уровень их знаний, если вижу, что они желают быть настоящими руководителями. Бесподобными руководителями-учителями

были для меня Григорий Дмитриевич Прохоренко из Под-
вирны и Владимир Афанасьевич Савчук из Драницы.

Если говорить о кадрах областного уровня, я бы хотел остановиться на именах Владимира Григорьевича Дикусарова – первого секретаря обкома партии, Виктора Павловича Мотовилина – секретаря обкома партии по сельскому хозяйству, Виктора Петровича Ленчинского – председателя облисполкома, Леонида Юлиановича Яблонского – заместителя председателя облисполкома, Бориса Иосифовича Кириченко – заведующего сектором Центрального Комитета КПСС, посла СССР в Чехословакии, Николая Николаевича Нивалова – первого секретаря Черновицкого обкома партии, Ивана Алексеевича Мозгового – секретаря ЦК по сельскому хозяйству республики, Евгения Ивановича Дмитриева – первого секретаря Новоселицкого райкома партии, позже инспектора ЦК КП Украины, первого секретаря обкома партии.

Когда к нам в область прибыл первым секретарем обкома Компартии Украины Владимир Григорьевич Дикусаров, я уже работал секретарем партийной организации в колхозе «Большевик». Тогда только и слышно было – Дикусаров, Дикусаров. И не случайно. За два месяца он, в обычных сапогах, в фуфайке, обошел вдоль и поперек всю область – обошел, не объехал! Побывал на всех полях, на фермах, отведал школы, сельские советы, разные кооперативные и государственные учреждения, детские сады и ясли и даже тракторные бригады. «Хочу видеть все своими глазами, – отвечал интересующимся. – Чтобы никто мне не врал, а говорил правду-матку». И потом, в своей повседневной работе, часто уличал во лжи некоторых руководителей хозяйств – он знал: такое может быть, а такое – ни в коем случае.

Помню 1983 год. Тогда я был вторым секретарем райкома партии. Владимир Григорьевич, побывав в Слобо-

де, полевыми дорогами ехал на Ридковцы и вдруг замечает, что в Арбурянах совершенно заросли сорняками посевы сахарной свеклы. Площадь та была небольшая – десять-двенадцать гектаров. И вот надо же! Их заметил секретарь.

По возвращении в обком звонит Борису Семеновичу Мельничуку: так, мол, и так, у тебя свекла в сорняках погибает, а ты этого не видишь!

Мельничук быстро разыскивает меня и говорит: «Разберись на месте что и как. И чтобы до утра все было в порядке!».

Приказ есть приказ, но как же быть? Это сколько же надо людей, чтобы прополоть свеклу от сорняков? И вдруг приходит мысль убрать, совершенно убрать улики, – сорняки скосить, а поле перепахать. Не честно, но.... Другого выхода не было.

Немедленно организовал людей из близлежащих хозяйств, кормоуборочную технику, машины, трактора – не менее полста единиц техники. Работали под прожекторами фар. Я стоял на возвышенности и руководил фронтом работ. До утра сорняки убрали, вывезли на животноводческие фермы, поле задисковали и сразу же засеяли. В шесть часов утра докладываю об этом Мельничуку.

Борис Семенович позвонил Дикусарову и таким невинным голосом говорит:

– Владимир Григорьевич, я объехал все указанные поля и ничего подобного не увидел. Откуда вы взяли, что посевы свеклы утопают в сорняках?

– Ты что мне это говоришь? Я ведь своими глазами видел это поле.

– Нет, Владимир Григорьевич. Посмотрите еще раз. Там все поле черное.

Дикусарова не только уважали, но и боялись в области. Особенно немилосерден он был к любителям спиртного. Не доведи, Господь, чтобы дыхнуть на него перега-

ром – будь ты бригадиром, агрономом, председателем, – считай, что доброй твоей карьере пришел конец, но если зауважает тебя, считай, в нем ты приобрел себе самого преданного друга.

Однажды вместе с Владимиром Григорьевичем я возвращался с сессии Верховного Совета СССР. В Киеве, в Бориспольском аэропорту нас встретил помощник первого секретаря ЦК Компартии Украины Владимира Васильевича Щербицкого Константин Константинович Продан. Подумалось, эта встреча не случайна. Что-то от нас хочет ЦК.

Константин Константинович встретился с нами в депутатской комнате. Посидели минут пятнадцать-двадцать. Продан перебрасывался какими-то полупонятными мне словами и предложениями.

Из Жулян мы летели в Черновцы. Дикусаров задумчиво смотрел на раскинувшиеся под нами поля, реки, озера. Но вот уже и наш город. Владимир Григорьевич оборачивается ко мне:

– Степан Саввич, я хочу, вернее, меня перебрасывают в другую область. – Какую, не говорит. – Вопрос полностью решен. Но пока это тайна. Очень прошу тебя, пока что держи ее при себе. Область назову, когда будут представлять нового секретаря. – Он немного помолчал, будто что-то взвешивал, и молвил: – Я хочу, чтобы новоназначенный самым первым делом посетил ваше хозяйство. Я знаю, я уверен, что ожидания оправдаешь, не подведешь. – Он мне верил, уважал меня, я платил ему тем же и в знак согласия утвердительно кивнул головой. – Я предложу второму секретарю Николаю Моисеевичу Ревенку, чтобы обязательно настоял на этом.

– Согласен! – отвечаю Владимиру Григорьевичу, а на сердце кошки скребут: – Кто же придет на ваше место, товарищ Дикусаров?

– Спасибо за понимание. Ты вот что, Степан Савич, подготовь новые диаграммы, доску социалистических обязательств, чтобы в лице вашего хозяйства секретарь получил полное представление обо всей Черновицкой области.

Позже я узнал, что Владимир Григорьевич уже тогда готовился занять место первого секретаря Хмельницкого обкома партии, но по-прежнему еще тревожился о Буковине. Вот таким я и запомнил его на всю жизнь. Поработал он в соседней области не очень долго.

Я был тогда на районном совещании руководителей хозяйств, когда узнал это прискорбное извещение: Владимир Григорьевич умер. Какая жалость. Это ведь ему я обязан тем, что занимал в районе ведущее место. Зная, что я из семьи репрессированного, все равно верил в меня, заботился обо мне, помогал в работе.

Он был не просто секретарем обкома, он был человеком с большой буквы. Он решал не только партийные вопросы, но и судьбы людей. Был экономически грамотен, короче говоря, был незаурядной личностью – честнейшим человеком. Его окружали не просто политики, а хозяйственники – тот же Мотовилин, Ленчинский, тот же Яблонский, Минаев – команда истинных тружеников, портреты которых могли бы сделать честь любой газете.

Вровень с Дикусаровым может стать и Виктор Павлович Мотовилин, не только как секретарь обкома партии, но и как аграрий. Он был прекрасным человеком. Знал каждое хозяйство, как свое собственное. Он не просто курировал хозяйства, но и личным примером воодушевлял других на новые дела, болел душой за каждый участок земли, помогал советом, а иногда и суровым восклицанием.

Помню, приехал он в наше хозяйство в начале мая, любовался посевами многолетних трав и, хитро улыбаясь, спросил:

– Тебе не нужен сеноклад?

– Как это не нужен? Сами видите, без него нам просто не обойтись. Это моя мечта, – отвечаю. – Я уже сам ездил в Прибалтику, интересовался, как обстоят дела с хранением сена в Эстонии, Латвии, Литве.

– Ну, если нужно – построим! – с каким-то вызовом отвечает.

На второй день собрал в селе все строительные службы, проектантов и приказал, чтобы за две недели сеноклад был готов. И закипела работа. Стройки такими быстрыми темпами я никогда еще не видел. Проектанты рисовали, строители сооружали, не прекращая стройку ни днем, ни ночью – ведь сенокос уже начался!

И вот за двенадцать суток сеноклад с активным вентилированием был сооружен.

Подобным образом Мотовилин воздвигал в хозяйствах ангары для хранения сельхозтехники, руководил строительством на животноводческих фермах, был душой всяких слетов и совещаний работников сельского хозяйства.

Все руководители области знали, что любые хозяйственные дела коммунистическая партия старалась брать на себя, что первый секретарь обкома партии и считался, и был всегда и во всем первым. Но не хотел с этим считаться Виктор Петрович Ленчинский – председатель Черновицкого облисполкома. За глаза его называли пахарем – день и ночь, не считаясь со временем, он был на своем посту. К нему можно было обратиться в любое время, если бы не постовые милиционеры, которые вежливо отказывали посетителям в их рвении встретиться с Виктором Петровичем.

Вот такая интересная черта его характера. Когда в облисполком обращался посетитель из далекого района, Ленчинский мог задержать работника облисполкома до тех пор, пока вопрос не будет решен. В свое оправдание ссылался только на то, что этот человек занят и должен поскорее вер-

нуться на работу. Он был очень мудр, этот Виктор Петрович. И даже Дикусаров старался не беспокоить его по пустякам.

Совершенно по-другому относился к нему вновь избранный первым секретарем обкома компартии Николай Николаевич Нивалов, которому передал свой пост Владимир Григорьевич Дикусаров.

70 лет Октябрьской революции Ленчинский, Нивалов, заведующий хозфинчастью Василий Николаевич Куцан и я отмечали в Москве во Дворце съездов. Домой возвращались в одном поезде, но в двух соседних купе. В одном Куцан и я, во втором – Нивалов с Ленчинским. Дело обычное: дорога дальняя, времени много – делай, что хочешь. Ну, выпили мы по рюмашечке, разговорились. Николай Николаевич все торочит и торочит о первом месте своей деятельности, кажется, в Днепропетровске. И какой он, мол, хозяин, и как его уважали окружающие, потому что он, Нивалов, всегда мог постоять за себя, быть во всем на первом месте, не то что некоторые. Все «доставал» и «доставал» Ленчинского, дескать, я не чета тебе, простому советскому служащему.

Терпел-терпел те нравоучения Виктор Петрович, а потом не выдержал.

– Слушай, Микола! Когда я уже работал на шахте, ты только начал пешком под стол ходить. Но все поучаешь, поучаешь.

– Кто? Я?! Да я тебя... – бросился к Ленчинскому, а тот, недолго думая, как развернется, как зацедит ему в лицо, хватает за шиворот и выставляет за дверь.

Ну все, думаю. Теперь они враги на всю жизнь. Но не тут-то было. В дверь стучит Николай Николаевич.

– Впустите. Ну пожалуйста, – раздается голос первого.

А Виктор Петрович словно и не слышит. Сколько раз бывал вместе с Дикусаровым, тот ни единым словом не оби-

дел его, а этот выскочка ишь что себе позволяет. Во всем хочет быть только первым.

– Хорошо, – говорит Ленчинский. – Я тебя впущу, но если опять начнешь хорохориться, вытолкну за дверь.

– Ну ладно. Наливай, – согласился Нивалов.

Первая встреча с Ниваловым у меня состоялась 6 января 1986 года. Его ко мне в хозяйство привез Борис Васильевич Качура, курировавший промышленностью республики. В конторе колхоза Борис Васильевич обратил внимание на диаграмму, его очень удивило то, что с 1980 – 1981 года в хозяйстве наблюдается резкий спад в экономике, и спрашивает второго секретаря обкома партии Николая Моисеевича Ревенко:

– А что случилось с колхозом, что он вот такие спады перенес?

– Да дело в том, – отвечает Ревенко, – что Степана Саввича тогда было избрано вторым секретарем райкома партии, а его последователи за два года развалили колхоз почти до основания.

– И что? Теперь Глигор опять вытаскивает хозяйство из пропасти? Глупые вы руководители, что отпустили такого хозяина. Если бы он продолжал быть руководителем райкома партии, высоких показателей могли бы добиться и все другие колхозы. Да и в области этот передовой опыт можно было внедрить. А так...

Но я, кажется, оторвался от сути. Так вот – о Нивалове.

Заходим в культурно-оздоровительный центр животноводческого комплекса. Вижу, он потрясен: такое чудо – и на животноводческой ферме! А дело в том, что не зная дефицита трудовых ресурсов, колхоз предпринял все меры, чтобы упредить возможную миграцию сельского населения, и прежде всего – молодежи. В животноводстве осуществили двухгодичную программу «Фер-

ма». Суть ее заключалась в том, чтобы сделать привлекательным сам труд в отрасли, облегчив его механизмами, толковой организацией рабочего дня. А бытовые условия на ферме, отдых животноводов, всяческий сервис – поднять на самый высокий уровень, какой возможно. Тут и коллективы интенсивного труда, когда две доярки основные и третья подменная, чередуя два рабочих дня с одним выходным, обслуживают 100 коров. И двухсменка, и звеньевая организация труда на порядке. Двухлетка, прежде всего, имела целью обеспечение так называемого соцкультбыта в животноводстве. Чтобы животноводы после работы могли помыться, перекусить, купить, скажем, пачку сахара или кусок мыла, принять электропроцедуру, посмотреть телевизор в свободную минуту. А приятное для глаз – много зелени, даже пальмы в кадучках. И много света. В одном углу зала горит камин, в другом фонтан журчит. Даже комната психологической разгрузки вон рядом. Здесь все было удобно, уютно, а главное – все на ходу, в действии.

– Крас-с-сота! – восхищается Николай Николаевич садом и всем комплексом.

– Да, – соглашаюсь с ним. – В таком зале отдыхаешь душой. Не надо жалеть для этого квадратных метров. – Зарплатой сегодня человека не удивишь – предела заработку он не знает, хорошо заработать можно и в другом месте. И не обязательно в колхозе. А удивлять человека надо, так уж мы устроены. Я хочу, чтобы люди ценили свою работу за всестороннюю заботу о них.

Говорю, а сам думаю: мы ведь о животноводах заботимся больше, чем о других тружениках. В нашем штате только два агронома, два инженера, зато пять врачей, в их числе и психотерапевт. Он, в частности, постоянно интересуется настроением людей, вовремя подскажет, у кого радостное событие на подходе, где беда приключи-

лась и требуется помощь. Колхоз бесплатно кормит детей, завозит домой продукты беременным женщинам, кормящим матерям. Бесплатно вспахивает людям огороды. Бесплатно они пользуются на территории колхоза транспортом.

Словом, расширяем и укрепляем общественный фонд, приучая людей к самой культуре потребления. И это колхозники по-настоящему ценят.

На этом мы и разошлись с Ниваловым. Некоторое время (почти два месяца) он ничего не давал знать о себе. И вдруг – звонок:

– Ты ничего не имеешь против, если я приеду к тебе... со своей едой?

Во-первых, никто из областного начальства в колхоз просто так не приезжает. Это понятно. И во-вторых, как понимать намек «со своей едой»?

– Николай Николаевич, – отвечаю. – Я обязательно найду местечко на двоих. Приезжайте.

– Да нет, Степан Саввич, ничего не надо. Я пошутил. Но к тебе еду. Жди.

Приезжает. Садимся друг напротив друга. Он что-то медлил-медлил, а потом словно спохватился.

– Слушай, Степан. Я тебе хочу кое-что сказать, но если ты кому-то скажешь о нашем разговоре, – убью! – говорит. – Понимаешь, трудно мне здесь, ведь я, по своей сути, – урбанист.

– Да, Буковина не Днепропетровск, – соглашаюсь.

– Понимаешь, Степан Саввич, я просто не могу здесь работать первым. В ЦК сказать об этом не могу, перед Мотовилиным сознаться в том, что ничего толком в сельском хозяйстве не смыслю, не могу, не могу сознаться в этом и Яблонскому, – ну как я им скажу про это? Они же мои подчиненные...

– Не знаю, Николай Николаевич. Не знаю.

– А я знаю. Я вот побывал в твоём колхозе. Все в нём мне нравится. Вот поэтому и хочу вникнуть во все секреты хозяйства от «А» до «Я».

Нивалов Дикусарову уступал и по уровню знаний, и по компетенции, и в человечности. У него в характере таилось что-то и хорошее, он был бы отличным руководителем в Кривом Роге, Днепропетровске, но совершенно не был готов руководить аграрной областью.

Я поводил его по всему хозяйству, рассказал о всех циклах работы в сельскохозяйственном производстве – от вспашки земли до выращивания теленка. Но... Если человек не знает простых математических действий, как ему осилить основы высшей математики?

Дело было в конце февраля. Мы обошли все животноводческие помещения, Николай Николаевич, казалось, ознакомился со всеми азами производства. Но продолжал навещать хозяйство. Шесть-семь часов утра, а он уже в колхозе. Ходит, смотрит, никому ничего не говорит. И так до половины лета. А потом собрал областной актив и начал «учить» других, как надо работать.

– Я вот был у Глигора Степана Саввича, – говорит. – Там везде и во всем действуют автоматы, там животноводы не работают, а отдыхают.

– Да не говорил я такого, – отбиваюсь от коллег. – Николай Николаевич все поставил с ног на голову, все перепутал. Отстаньте от меня!

Да куда там! Не верили мне председатели, косились волком – все знали, что Нивалов меня очень уважал, только-только появится в области какая-нибудь делегация – и ко мне!

Если честно, то весь партийный аппарат, работники облисполкома, да и управления сельского хозяйства относились ко мне с каким-то укором или обидой. Я чувствовал себя без вины виноватым.

После моего ухода из райкома партии мое место занял Евгений Иванович Дмитриев, а с уходом со своего поста Мельничука он стал первым секретарем Новоселицкого райкома партии. Мне в нем очень нравилась энергичность, стремление зацепиться за каждый волосок, только бы принести пользу своему району. Он оказался близким мне человеком, как говорится, вначале думал о Родине, а потом о себе. С первых дней своей деятельности он старался использовать мой опыт, знания и знакомства для общего блага. Являясь депутатом Верховного Совета СССР, я был для него вроде бы пропуском в мир высокопоставленных лиц, распорядителей бюджетных средств, работников аппарата Центрального Комитета партии Украины. Пользуясь этим, он очень многое сделал для своего района. За свою бытность он столько построил сооружений, объектов соцкультбыта в Новоселице, как никто другой ни до – ни после него. А главное – он всегда старался каждое хозяйство укрепить материально, сделать его экономически сильным, многоотраслевым. И это ему удалось.

Помню, Леонид Юлианович Яблонский, заместитель председателя облисполкома, попросил меня как-то решить вопрос о создании в Черновицкой области что-то наподобие треста водного хозяйства, поскольку только в нашей области такого еще не было.

Я поехал в Москву и обратился за помощью в Министерство мелиорации к товарищу Васильеву. А тот и отвечает:

– Степан Саввич, обождите немного. Сейчас министр Минводхоза Украины уходит на пенсию. Вот его место должен занять Василий Николаевич Ткач, тогда и решим эту проблему.

Прошло около трех месяцев – время вполне достаточно для ознакомления новоставленника с делами в министерстве. Иду в кабинет Василия Николаевича, указываю причину своего посещения.

– Да я то что? Я не против. На создание треста Минводхоза нужно минимум 18 миллионов рублей. Где вы их возьмете? Все земли у вас осушены, орошение не надобно, потому что годовые осадки в среднем составляют 700 миллилитров. Объем работ набрать будет трудно...

– Оно, конечно, так, – говорю. – Вы правы, но может быть, есть и другое какое-то решение?

– А что, если бы вы проложили по селам водопровод?

Питьевая вода – это было бы прекрасно! На том и порешили. В райкоме я обо всем рассказал Евгению Ивановичу. Он сразу же согласился с предложением Ткача.

– Звони, дорогой, немедленно в Киев. Скажи, мы – согласны.

Я с удовольствием звоню министру и спрашиваю:

– Возможно ли проложить водопровод в райцентре?

– А почему бы и нет? Добро.

Через несколько дней послали письма проектантам из Львова с просьбой подготовить проект водопровода из Припрутья до Маршинцов через Новоселицу. Таким образом, мы обеспечили питьевой водой все городское население.

К рассказам о наших с Дмитриевым делах я еще возвращусь не раз, но скажу сразу: это настоящий хозяин и самый «человечный человек». Работать с ним – одно удовольствие.

Несколько слов хочу сказать и о Леониде Юлиановиче Яблонском, о его умении располагать к себе любого человека. Такая уж аура у него. Вот и я всегда и во всем доверял ему, хотя конкретно он никогда и ничем мне не помог, разве что – советом.

Как-то Леонид Юлианович, рассуждая об экономическом развитии нашего района, обратился ко мне с предложением:

– А давай-ка, Степан Саввич, мы создадим агропромышленный комплекс.

Тогда в Украине было модно организовывать агрообъединения, агрокомбинаты. Впервые такие появились в Донецкой и Херсонской областях.

– Да я не против, – отвечаю. – Но своего колхоза не брошу. Мое место здесь, а агропромышленный комплекс пусть возглавит кто-то другой.

Через некоторое время я был в Киеве по своим делам, ну и, по-дружески, отведал Ивана Алексеевича Мозгового, рассказал ему о наших планах, а он вдруг так ухватился за это предложение, что ни о чем другом и говорить не стал.

– Не артачься, Степан. Агрообъединению в Новоселице быть. И возглавишь его как раз ты.

– Не могу, Иван Алексеевич. Я председатель колхоза и эта должность меня полностью устраивает. Уйду, а потом, как после моего секретарства в райкоме партии, опять придется получать рожки да ножки от колхоза. Нет. Этого совершенно не хочу. Но если вы согласны, я останусь и председателем колхоза и одновременно возглавлю АПО.

Кое-кто из моих знакомых, кто претендовал на эту должность, начали ставить палки в колеса. Не хочу называть их имен, людям не надо знать обо всех перипетиях. Но скажу, что один из них был большим бездельником, большой харапой, как говорили мы, молдаване. Ну, обозвал я его выскочкой, ну послал его... куда Макар телят не гонит, а он – в обком партии с жалобой.

– Не буду с ним вместе работать, – заявляю Николаю Николаевичу Нивалову. – Он очень гоноровый и не совсем честный.

Но все же через несколько месяцев, когда его сын «попадется» на таможне с контрабандой, я как член обкома партии еще и отстоял его от исключения из партии. Николай Николаевич даже обнял меня за плечи, повторяя:

– Я никогда не думал, что ты поступишь так искренне.

Не подводить других я учился у Леонида Юлиановича Яблонского. Он и сейчас для меня большой авторитет – высококлассный специалист сельского хозяйства, настоящий хозяйственник, он никогда не отступал от истины, какой бы горькой она ни была.

Своим старым, закадычным другом считаю зодчего Бориса Иосифовича Кириченко. В числе других «великих украинцев» я бы поставил и его имя. С ним я познакомился уже тогда, когда Маршинцы и Строинцы объединились в один колхоз имени Жданова. Знакомство состоялось в квартире уважаемого пенсионера Ивана Михайловича Далинюка, и дружба наша длится вот уже несколько десятилетий подряд.

Когда-то Борис Иосифович Кириченко был начальником передвижной механической колонны №152, которая временно располагалась в Новоселице, подвластной Ивану Михайловичу. Теперь Далинюк был уже не у дел, его деятельность на посту председателя колхоза призабылась, и о нем уже почти никто не вспоминал.

Зная об этом, я пригласил Ивана Михайловича к себе для беседы. Расспросил его, в чем нуждается, на какую помощь надеется, – колхоз ему поможет.

Расплакался старый аксакал, чувствуя такую заботу о себе, обратился к Борису Иосифовичу с просьбой отблагодарить меня своим вниманием, – подружиться с хорошим человеком.

Я же считал, что как раз таким есть сам Борис Иосифович – общительный, во всем компетентный, скромный, интеллигентный. Он создавал приятное впечатление на всех окружающих. Кем только он ни побывал за свою жизнь – от рядового строителя до начальника колонны, до заведующего сектором ЦК КПСС по международным отношениям.

В этой ипостаси он предложил мне посетить одну из социалистических стран Европы по программе сотрудничества в сельскохозяйственной отрасли.

Поскольку мне было известно, что тогда самыми развитыми странами из соцлагеря были ГДР и Венгрия, я решил установить связь с хозяйствами последней.

В то время на очень высокой уровень была там поставлена селекционная работа в животноводстве, и в первую очередь – в молочном скотоводстве. Борис Иосифович Кириченко связался с ЦК компартии Венгерской Республики и, образно говоря, проложил мост дружбы между нашей агрофирмой и венгерским кооперативом «Петефи», хозяйством, расположенным под Будапештом.

Я поехал туда с целой делегацией колхозных специалистов, ознакомились с кооперативом, его хозяйственной деятельностью, заинтересовались селекционной работой.

Оказалось, венгры для оплодотворения своих коров использовали семя племенных быков из США, Канады и Германии. Вот бы и нам такой материал, подумалось, а когда делегация работников кооператива «Петефи» приехала к нам, составили и подписали договор о сотрудничестве между нашими хозяйствами на пять лет.

Венгерские коллеги обязались ежегодно проводить трансплантацию 100 эмбрионов, полученных от самых лучших коров, а остальные стада осеменить материалом племенных быков.

Таким образом, на протяжении пяти лет мы получали сперму с помощью Аэрофлота напрямую. Кроме этого, закупили в ГДР 300 нетелей, благодаря чему за четыре года наше хозяйство удвоило надой молока на фуражную корову и добилось того, что каждая из них давала за год по шесть тысяч (и даже больше) литров молока.

Но и этого оказалось мало. Поэтому в своем хозяйстве мы разработали и утвердили четкую программу интенсификации молочного скотоводства, увеличения поголовья дойного стада до 1050 голов, продуктивности всего стада до

5500 килограммов, а производства молока на 100 гектарах сельхозугодий – до 1500 центнеров.

Посещая множество стран, общаясь со многими специалистами за рубежом, а также на территории страны, я убедился, что самое большое богатство страны – это кадры. Кадры – это движущая сила всей экономики.

Благодаря Борису Иосифовичу, я имел хороших друзей во всем Союзе и далеко за его пределами. Пребывая на высоких партийных постах, он никогда не забывал обо мне – помогал и поддерживал во всем. Благодаря ему я нашел верных друзей в Венгрии, Чехословакии, Румынии, Польше, где учился правильной технологии выращивания кукурузы, сахарной свеклы, а еще благодарен за то, что он, будучи заведующим сектором ЦК КПСС, в 1986 году отправил меня на учебу в Великобританию.

Англия – страна удивительная, одна из более демократических и более жестких в отношении конституционных прав. Хотелось узнать о ней как больше нового, того хорошего, что можно было бы внедрить в своем хозяйстве. Как раз здесь я впервые узнал (да нет, об этом что-то рассказывал еще мой дед) о сухой подстилке на животноводческих фермах, о содержании скота без затрат ручного труда, без транспортеров. Здесь 400 – 500 коров обслуживали всего два-три человека, здесь интенсивно выращивались ягоды без применения гербицидов – экологически чистые. Здесь, просто в поле, работали магазины по обслуживанию рабочих непосредственно на месте их деятельности.

Я побывал в Германии, Швейцарии, Австрии, в других странах социалистического и капиталистического лагеря и всюду брал что-то полезное для развития своего хозяйства.

В этой книге я очень много вспоминал о прекрасном руководителе, председателе колхоза «Ленинский путь» Банаре Василии Романовиче. Но оказалось, что все о В. Р. Банаре, о

его сильных личных и деловых качествах просто невозможно описать в одной книге.

Это человек высокого уровня компетентности, исключительно порядочный и преданный государству и народу. Человек, который всегда ставил интересы общества превыше всего. Человек, который всю свою трудовую деятельность посвящал трудовому коллективу, направлял все усилия на экономическое развитие колхоза, а также на укрепление социальной сферы села.

Колхоз «Ленинский путь» был одним из ведущих хозяйств не только на территории области, но и во всей Украине. К сожалению, с уходом Василия Романовича из должности председателя колхоза, хозяйство почти полностью было уничтожено. За несколько лет это хозяйство семь раз переходило из рук в руки.

В 2010 году мои земляки попросили взять разрушенное хозяйство к себе и восстановить былую славу. В итоге было создано дочернее предприятие «Ванчиовецкий Золотой колос».

И вот за несколько лет нам удалось практически с нуля восстановить экономику этого хозяйства. За этот период полностью возобновили основные средства, технику, склады, помещения, построили новый элеватор с мощным сушильным агрегатом, завод по производству пеллет из соломы, созданы идеальные условия для работы людей.

Огромное внимание уделяется социальному развитию села. Я горжусь тем, что родился и был воспитан в Ванчиовцах. И никогда не забуду, в какое тяжелое время я родился. Начало войны, голодовка – это все я пережил. Учился в трудные послевоенные годы, как говорится, голым и босым, без ручки и тетради, прошел курс трудового воспитания у самых мудрых руководителей, как Баранчан Семен Сергеевич, Банарь Василий Романович и многих других. Я чувствую большой моральный долг перед моими учителями и перед всеми моими односельчанами за то, что я у них

научился жить и трудиться, быть таким, какой сегодня я есть.

Присоединением к основному предприятию АЧАП «Золотой колос» с. Строинцы вновь образованное хозяйство я всегда стремился максимально сделать в Ванчиковцах то, что я сделал в Строинцах за десяток лет, – превратить с. Ванчиковцы в настоящее европейское село.

За такое короткое время мне удалось провести реконструкцию дома культуры, церкви, построить большой стадион и спортивный комплекс, построил новое кладбище и реконструировал старое, построил новый центр культуры и отдыха с прекрасной детской спортивной площадкой, построил дамбу вдоль реки Прут, которая защищает село от наводнения. Всё это делалось с людьми и для людей.

Считаю, что только через труд, реальный патриотизм и преданность своему селу и людям можно восстановить наше разрушенное государство.

Мы создали высокий уровень комфорта и блага для людей, для работы всех институций, и в 2019 году на базе с. Ванчиковцы создается объединение, в которое входит 7 сел: Ванчиковцы, Тарасовцы, Костычаны, Черлена, Щербенцы, Форосна, Жиловка. Первым председателем объединения избирается один из сильнейших хозяйственников, житель с. Костычаны Лупой Владимир Сергеевич.

Наше хозяйство побеспокоилось об условиях работы нового объединения, мы приобрели и подарили ему новое здание, где разместили все необходимые службы.

Только таким образом можно и нужно двигать дела в нашем государстве.

Великая Британия, да – чужая

Казалось бы, эта страна лежит где-то за горами, за морями от нас, нет в ней ничего интересного для восточных народов. Бритты – вот и все, что мы могли вынести из сво-

их учебников – народ, заселяющий Англию, занимающийся овцеводством. Люди угрюмые, негостеприимные.

– А я хочу их видеть, – настаивал Евгений Иванович Дмитриев при каждой встрече со мной. – Степан Саввич, давайте съездим туда вместе. Посмотрим, может быть, что-то интересное в технологическом плане найдем и у них и применим здесь на месте.

– Обожди, Евгений Иванович. Сейчас попробую набрать телефон одного своего знакомого в Великобритании.

Телефон некоторое время молчал, но потом в трубке раздался уже немного забытый, но приятный голос Джона Бенита.

– Хелло! Степан! О'кей! Нет проблем. Приглашение высылаю немедленно.

В то время за границу можно было попасть только по приглашению гражданина этой страны, без него ожидание поездки могло бы затянуться на месяцы, если не годы.

Евгений Иванович быстро отправляется в ЦК Компартии Украины, просит разрешения на поездку. Получает добро. Вместе с ним быстро оформляем визы и – в путь!

Прилетели в Англию. Приезжаем домой к Джону, а Дмитриев от удивления рот разинул.

– Как? Этот дворец – собственность Бенита?!

Позже он ознакомился с домом, в котором было 28 спален, большой танцевальный зал, бильярдная, кинозал, разные офисы. Дому было более ста лет. Красная черепица на крыше обросла зеленым мхом, но камни оставались все такими же свежими и твердыми, как и во время стройки. Внутри дома все сияло, со всех уголков струилась красота. Ванны, туалеты, спальные комнаты, умывальники – все звало отдохнуть, расслабиться. Когда-то в этих апартаментах жил сам Уинстон Черчилль.

Обращаюсь к Евгению Ивановичу:

– Вы располагайтесь здесь, где спал Уинстон Черчилль, а я постараюсь встретиться со своим другом.

Останавливаюсь во дворе возле бассейна. Слышу какой-то крик. Смотрю, Бенит бежит по поляне. Куда? – спрашиваю свою переводчицу Нину (жену будущего депутата Верховного Совета Украины).

– Не беспокойтесь. Все в порядке. Брат из Канады приехал. Джон пятнадцать лет его не видел. Вот и побежал.

Ну, если так, мы спешно начали готовиться к этой встрече. Говорю Евгению Ивановичу:

– Слушай, как-то неудобно будет просто отсиживаться.

– Да, да. Надо подготовиться. Какой-то сувенир преподнести, что ли? Открывай чемоданы!

Бенит долго не возвращался, и мы на поляне еще поиграли в гольф – истинно английскую игру. И только вечером Джон заходит к себе на кухню и о чем-то задумывается. Когдаходишь в дом с тыльной стороны, по правую руку открывается большое окно, сквозь которое видно всю столовую и кухню. Смотрю, стол сервирован на пять персон. На четыре и он – пятый?

Рано утром Бенит решил показать нам свое хозяйство. Рядом была молочная ферма, обнесенная большущим парком, к которому прилегал целый мини-городок, где в коттеджах жили животноводы. На одной из ферм Джон подошел к работнику, стал о чем-то быстро разговаривать и вдруг покраснел, как свекла.

– Что случилось, Нина? – спрашиваю переводчицу. – Чем он так взбудоражен?

– Да утром не пришел холодильник, – объясняет Нина, – а он должен был охладить молоко. Но опоздал на два часа.

– Почему?

– У него жена родила.

– Так это же – праздник! – отвечаю.

– Да нет. Какой там праздник – Джон не только его с работы выгнал, но и из квартиры.

Как-то больно сдавило мне грудь. Говорю Бениту:

– Джон, ты подумал, что сделал? У него же ребенок родился!

– Мистер Глигор, это его проблема. Это его ребенок. А мои проблемы – молоко! Сначала – работа, потом ребенок...

Это была диктатура собственника. Это было для меня непонятным. Опять обращаюсь к нему:

– Джон, а представь себе, что ты холодильник, а он (показываю на пострадавшего) капиталист. Как бы ты поступил?

– Если бы было так, пусть увольняет меня. Дело всегда дело.

Он никак не мог понять человеческие отношения в социалистическом лагере. И твердо отвечал:

– Я знаю, у вас не так, как у нас. У вас – демократия, у нас – диктатура. И это спасает наши хозяйства.

На какое-то время он оставил нас одних и уехал, как сказал, «по делам». Вернулся к обеду. Усадил всех за стол и произнес:

– Мистер Глигор, ты должен задержаться здесь на два часа. Я хочу сделать тебе сюрприз.

«Какой сюрприз? – думаю. – Вроде бы праздника никакого, да и своего дня рождения никто не отмечает».

– Не догадаешься, – говорит шутя. – Я пригласил сюда со всей провинции, со всей страны всех, кого ты знаешь.

И вот в три часа дня садятся за стол брат Джона из Канады, сын с невесткой, два малыша, а Бенит торжественно заявляет:

– Пообедаем на лоне природы.

Возле бассейна мы увидели два деревянных комплекта дачной мебели с вазами, наполненными пряниками, печеньем, а рядом небольшие кофейные стаканчики. Вот и все. Вот и все угощение! До сих пор не знаю, это у них такой

обычай или Джон поскупился на другое угощение, но нам пришлось довольствоваться стаканчиком кофе и печеньем.

В понедельник мы отправились в Шотландию на другие животноводческие фермы, потом машиной нас две недели возили по всей Англии. Было все приятно, но как-то утомительно.

Хотелось скорей плюхнуться в кровать и отоспаться. Друзья нам предоставили отдельные комнаты, но без суеты, раболепствования и угождений. И когда мы возвратились опять в Ливерпуль и увидели вокруг богатство, наш товарищ начал все снимать кинокамерой. Его вдруг предупредили, чтобы не делал этого, ибо камеру у него просто отберут.

Чтобы как-то замять дело, Бенит обращается ко мне:

– Спроси мистера Дмитриева, не хочет ли он подобрать здесь какой-нибудь сувенир, – и указал глазами на самые дешевые товары, какие тогда продавались у нас в уцененных магазинах.

– Да нет, – отвечает Евгений Иванович, – разве магнитулу к машине.

Джон что-то прикинул в уме и говорит:

– Степан, не думай, что я целыми днями разъезжаю своей машиной. Нет-нет. Я езжу на общественном транспорте.

И это заявил крупнейший капиталист! А у нас только-только кто-то подсоберет надлежащую сумму денег, и сразу – «тачка»! А будет ездить на ней или нет – это уже другое дело.

Когда-то на одной вечеринке Джон Бенит предлагал мне остаться в Англии. Здесь, мол, ты станешь крупным капиталистом. А зачем это мне? Люди и так относились ко мне нормально, я пользовался у них хорошим авторитетом. Зачем же мне было ставать капиталистом? В чем здесь удовольствие? Здесь человек человеку – волк, у нас – друг, товарищ и брат. Да и социальная защита человека в нашем Союзе была значительно выше.

Бенит догадывался об этом, и поднимая следующий тост, промолвил:

– Ребята, я бы не прочь объединить наш труд с вашей защитой человека. Какое бы государство получилось!

Да, какое бы было государство! Разве мы тогда могли подумать, что через несколько лет это государство, этот конгломерат рассыплется как песок. Многообещающая перестройка перевернула все с ног на голову. Но об этом – позже. А тогда мы стремились как больше хорошего, ценного почерпнуть для себя в мире капиталистическом.

Евгений Иванович Дмитриев просто цеплялся за все, что могло бы пригодиться дома, даже – семена газонов, чугунные отражатели для освещения дорог. Очень удивлялся тому, что все поля и дороги здесь освещались, как днем.

– Слушай, Степан Саввич, давай что-то подобное сделаем и у нас. Ну хотя бы такую вот дорогу.

Тогда депутатов Верховного Совета СССР на таможенные очень-то не проверяли, поэтому Евгений попросил меня «прихватить» с собой один отражатель, чтобы сделать подобное на Черновицком машиностроительном заводе. И несколько граммов семян для газонов.

Бенит улыбнулся и заметил:

– Это чистейшая контрабанда, – и скаламбурил: – Кто много своего не покупает, а кто голодает, – тот ничего тоже не покупает, ибо не за что. Производство и рынок неразделимы. Запомните, ребята.

Слова, брошенные Джоном между прочим, запомнились мне на всю оставшуюся жизнь. Да, производство и в других западных странах – на высоком уровне, а люди живут одинаково скромно. Там нет миллиардеров, которые стали самыми богатыми людьми за пять-шесть лет. Нет, свое состояние они сколачивали сотни лет, живя скромно и экономно, не то что наши нувориши.

Еще в 1986 году, когда я учился в Англии, Джон Бенит, говоря о нашей стране, о перестройке, как-то заметил: «У вас только начинается большая беда, ваша начинающаяся демократия может уничтожить все государство. Стерегитесь ее, – и добавил: – Мистер Глигор, чтобы ты знал, ни одна страна мира не развилась на основании демократии. Она приносит только разрушения. Везде и во всем должен быть жесточайший порядок.

Я и соглашался, и не соглашался с ним. Надеялся, что в результате реформ изменится ситуация в обществе, изменится само общество. Это главное. Но так я думал в начале перестройки, что со временем все утрясется, и ставить вопрос о власти новой номенклатуры было некорректно. Вопрос ведь был не в том, осталась ли номенклатура у власти, вопрос был в другом: начала ли и ведет ли она реформы? Если она реформы не ведет – одна ситуация. Тогда надо бороться с ней – не потому, что она номенклатура, а потому, что она, эта номенклатура, не ведет реформы. Ведь сначала, в некоторой степени, и с КПСС мы боролись потому, что она не вела провозглашенную ею же перестройку.

В демократических нападках на номенклатуру и ее реформы я часто улавливаю личную озлобленность и раздражение оказавшихся не у постов людей. Отношение к власти, к постам в ней во многом зависит от представлений о будущем общества. Сегодня власть – все, вся экономика в том числе. Мне кажется даже опасной эта страсть иных демократов к должностям в аппарате – если так упорно их добиваться, то как потом с ними расставаться! А ведь расставаться придется обязательно: или после поражения на выборах, или, уж обязательно, после приватизации, которая сделает ненужными – во всяком случае, в прежнем виде, в прежних объемах, с прежними полномочиями – все органы управления промышленностью, сельским хозяйством,

культурой, медициной, образованием, наукой, строительством и т. д. и т. п.

Это надо обязательно помнить: самое худшее – обладание властью без должных условий.

Как мы жили до перестройки

Прежде чем писать о перестройке, хочу сделать несколько шагов назад, еще в «хрущевскую оттепель». О Никите Сергеевиче Хрущеве, казалось тогда, говорил весь мир. Это ведь именно он приоткрыл железный занавес, он заставил мир прислушаться к голосу самого большого государства в мире – СССР. Да, он был разный. Но это ведь именно он вскрыл правду о «культе личности Сталина», это он положил конец «холодной войне», именно он сделал как много хорошего, так и много горького для сельского хозяйства. Он! Этого не замолчать. Но он и самый бескультурный руководитель Советского Союза.

Относительно меня, к личности Хрущева у меня сложилось два мнения. Первое: Никита Сергеевич один из когорты мощных деятелей государства. Он первым разрешил паспортную проблему в селе, разрешил крестьянам выезжать в промышленные города, создавать свои тракторные бригады, использовать заработанные деньги на хозяйственные нужды. И второе: заставил (ну, хотя бы кризис в Карибском море) уважать антивоенные действия Советской страны.

А с приходом к власти Л. И. Брежнева в 1964 году была введена гарантированная оплата труда в сельском хозяйстве, люди поверили в завтрашний день и вскоре ощутили на себе плоды этого нововведения.

Благосостояние народа – вот что стало главным для руководителей страны.

До 1965 года колхозники, словно крепостные, трудились на земле, почти ничего не получая за это: всего 200-300

граммов зерна за каждый трудовой день, – собственно, где-то по 4-5 центнеров за год и, позже, по 40-50 рублей после Нового года. Перед этими праздниками правление колхоза по 20-30 рублей давало только девушкам, чтобы они могли традиционно весело встретить Новый год.

Остальную часть заработанного колхозникам выдавали только после отчетно-выборного собрания в феврале-марте следующего года. Но с принятием постановления ЦК КПСС и Закона о введении в сельское хозяйство гарантированной оплаты труда отношение крестьян к труду совершенно изменилось. Да еще бы! В этом году были введены отпуска, было разрешено получать паспорта, везде чувствовалось ослабление напряжения в жизни советских людей. Чувствовался государственный контроль над исполнением принятых постановлений, выполнением своих обещаний. Люди стали уверенными в том, что правительство не бросает слов на ветер.

Чувствуя поддержку партии и правительства, мы начали искать новые формы сельскохозяйственной деятельности – ввели аккордно-премиальную оплату труда на выращивание свеклы, кукурузы, других культур, люди старались побольше сделать и больше получить денег за свой труд.

Сейчас, к сожалению, все обстоит по-другому – государственное руководство, чиновники сначала наобещают всех благ, а со временем те обещания забываются, правительство не принимает никаких решительных мер по укреплению экономики страны на основе, на которой могло бы значительно улучшиться благосостояние народа. Также принятые на сессиях Верховной Рады Украины законы не выполняются, и народ разуверился в своем правительстве. И не только потому, что жить стало труднее.

Помнится, в 50-60-х годах прошлого столетия народу жилось намного труднее, но с каким энтузиазмом люди работали на полях и животноводческих фермах колхозов!

Они соревновались между собой, между фермами, между бригадами и звеньями за лучшие показатели в работе, в напряженные периоды года работали почти круглосуточно, но ни на что не жаловались.

Помню, когда в ванчиковецком колхозе «Ленинский путь» из двух бригад создавали одну, Семен Сергеевич Баранчан, который возглавил ее, был, как ни удивительно, против такого объединения и почти растерянно спрашивал меня:

– С кем я теперь буду соперничать? На кого равняться, Степан Саввич?

Он был по-своему прав, но не все учел.

– У тебя, Семен Сергеевич, сколько звеньев в бригаде? Вот пусть и соревнуются между собой.

Баранчана я знал еще с 1959 года, ещё до призыва в армию. Он уже тогда был бригадиром полеводческой бригады, зарекомендовал себя одним из лучших руководителей среднего звена. Начиная с 1 сентября и до 7 ноября, когда начиналась уборка поздних культур, он почти два месяца не разувался даже во время короткого сна – или в тракторе, или на весовой, или в сушарке.

Но со всеми работами колхозники справлялись вовремя, поэтому бригадиру надо было находить правильный выход и в экстремальных условиях. Кукурузоуборочных комбайнов не хватало и женщины резали кукурузные стебли вручную, очищали початки от обверток, грузили на прицеп, и трактор отвозил их на ток. Семен Сергеевич Баранчан строго следил за тем, чтобы среди ночи заменить одну группу женщин другой. Работа велась посменно. Люди уставали, но трудились, – ведь ночью Баранчан ходил от дома к дому и будил их на работу.

Трудно было всем. В 1964 году я поступил в члены КПСС. Ночью работал на тракторе – культивировал почву, а днем спешил в райком – готовил необходимые документы. И так целую неделю. Это требовало сил, а они все истощались и

истощались. И как-то во втором часу ночи я почувствовал такую усталость, что не мог справиться с рулевым управлением. Все, думаю, еду на тракторную бригаду и отосплюсь!

Но не тут-то было. Трактор поставил подальше от механизаторов, а сам улегся на топчане спать. Да так и не уснул – беспокоился, что кто-нибудь увидит, что я остановил работу.

Не только я один так работал. Все были преданы общему делу, день за днем сколачивали колхозное богатство.

У природы нет плохой погоды – поется в песне. Вот если бы поэт или композитор, которые написали эту песню, побывали на наших полях осенью 1968 года.

Третьего сентября Зарожанский сахарный завод запустили в работу. Запаса сырья хватало только на пять дней, следующие тонны свеклы должны были поступать непосредственно с поля. И вдруг на землю хлынули проливные дожди, несколько суток дождь лил как из ведра. Свеклоуборочные комбайны остановились, но завод остановить невозможно и, зная это, люди вручную убирали свеклу, грузили ее на автомобили и отправляли на завод, только бы он не остановился. Это был будничный героизм наших колхозниц. Им бы всем за это – по ордену, но разве они были лучше других?

Нет, они просто были дружны, поддерживали друг друга в трудную минуту. Они, не унывая, творили жизнь.

Вряд ли сейчас услышишь, чтобы кто-то из женщин пел в поле. Прошли те времена, когда люди, уставшие, в дорожной пыли, забыв обо всем на свете, пели свои песни. Они, как сестры, сидели на открытых грузовых машинах – одна за другой (бригадами) и от них высоко в небо взлетали песни о любви, о родине. Казалось, и здесь они между собой соревновались.

Тогда во всех селах создавались кружки художественной самодеятельности, в которых активное участие принимала не только молодежь, но и старшие колхозники. Пели потому, что

были уверены в завтрашнем дне. Каждый рядовой труженик знал, что «завтра будет лучше, чем вчера», лучше, чем сегодня. Благополучие людей улучшалось с каждым годом.

Сегодня мы воспринимаем повышение цен как должное, как десятка полтора-два лет назад – снижение цен. Мы, было, привыкли к тому, что по два-три раза в год снижались цены на товары первой необходимости: хлеб, спички, соль, лекарство, детскую обувь и одежду. Разве что не снижались цены на предметы роскоши – золото, автомобили и т. п. И, что удивительно, образование и лечение были не только бесплатными, но еще и прибыльными – студенты получали стипендии, больные – путевки в санатории. Люди просили единственного – «Дай, Бог, мира и здоровья».

Думаю, именно поэтому большая часть народа сейчас тоскует по тем временам, я бы назвал это определение ностальгией по прошлому...

И обидно становится, когда наши журналисты спрашивают молодежь, которая еще ничего путного не видела, как они оценивают жизнь в прошлом. Да спросите вы об этом старшее поколение, и оно ответит вам правду!

Тот, кто жил при социализме, никогда не смирится с тем, что делается сегодня в нашей стране. Если они поддерживают компартию, то только потому, что в своей программе она поддерживает тот строй. Многие из них сейчас говорят, что жили, мол, почти при коммунизме и не ведали о том.

Тогда человек труда был превыше всего. Слово рядового труженика ценилось больше слова какого-то руководителя – не дай, Господь, чтобы тогда кто-то кого-то обидел, это было бы большим скандалом, за это руководителей отстраняли от работы, исключали из партии.

Расскажу такую историю. В 1969 году я работал председателем Ванчиковского сельского совета. Осенью этого года в Доме культуры проводилось отчетно-выборное комсомольское собрание. Зал был полон народа. На собрании

присутствовал и председатель колхоза Василий Романович Банарь. Ну, а молодежь как молодежь – то в том углу, то в другом нет-нет, да и засмеется, зашумит. Не выдержал Василий Романович, предупредил весельчаков раз, другой, а они продолжают хихоньки. Ну, рассердился председатель и попросил всех тех, кто не состоит на комсомольском учете, освободить помещение.

Собрание возобновилось. Сельские ребята, как говорится, от нечего делать, через 20-30 минут вырубili свет, думали, собрание сорвется. Но мы провели его при керосиновой лампе. Банарь не смог смириться с таким хулиганством. На следующий день поручил мне выяснить, кто из ребят это сделал.

Пригласил я кое-кого из них к себе в кабинет вместе с моим соседом Никанором Васильевичем Глигором, спрашиваю: у кого еще есть ключи от Дома культуры? Они указали виновных. Наказать бы их по делу и годилось бы. Но все получилось как-то не так, как думалось.

В кабинет зашли трое парней, нечесаных, нестриженных – один побольше, другой поменьше и третий совсем маленький. Окинул я их взглядом, вынул пару рублей из кошелька, даю им: вот, мол, даю вам деньги, сходите сперва в парикмахерскую, постригитесь, а потом уж возвращайтесь ко мне для разговора.

– Я не буду стричься, – заарканился тот, что постарше.
– И я не буду, – повторил другой
– Ну, если не хотите по-хорошему, я поступлю по-другому, – отвечаю.

Приглашаю дежурного сельского совета и посылаю его за машинкой. Через несколько минут орудие труда в моих руках. Даю машинку старшему, – стригись, если хочешь, бесплатно.

– Пускай сначала стрижется он, – показывает на среднего, – потом я.

Но вдруг, на что-то решившись, забирает парней с собой, садятся они в машину – и прямо в райком партии: так и так, мол, секретарь сельского совета над нами издевается.

Где-то после обеда звонит ко мне первый секретарь райкома партии Борис Семенович Мельничук и приказывает:

– К вечеру чтобы ты вместе с Банарем были у меня в кабинете.

Мы с Банарем думали, что нас вызывают в райком по каким-то хозяйственным делам, а оказалось – через лохматиков. Зашли мы с Василием Романовичем в кабинет, а первый вынимает из стола машинку, приглашает нас сесть на стул и вполне серьезно говорит:

– Я пригласил вас сюда обоих, чтобы тоже постричь.

«Вот оно в чем дело», – думаю, а сам отвечаю:

– Стригите, Борис Семенович, если этого заслужил.

– «Заслужил», – передразнивает секретарь. – Как вы додумались до этого – постричь детей? Да за такие вещи я вас из партии выгоню!

– Мы не стригли, – отвечаю. – Они сами постриглись. Я дал им машинку, чтобы они это сделали сами.

Насилу умолили Мельничука, чтобы обошлось без выговора.

Вот так тогда защищали людей в Советском Союзе. Крайними всегда оставались руководители, а не рядовые.

Вот еще один пример. В колхозе «Дружба народов» вдруг забастовали доярки – им не так начислили заработную плату. Эта весть молниеносно разнеслась по всей области. В колхоз сразу прибыли работники службы безопасности, прокуратуры, районного и областного комитетов партии, – дело ведь неслыханное, советская власть – и вдруг забастовка.

Посыпались вопросы: кто? где? когда? Председатель колхоза, секретарь партийной организации тогда имели большие неприятности. В то время не так-то просто было наказывать других без согласия партийных руководителей обла-

сти. Когда я стал секретарем райкома партии, председатель партийной комиссии, уже пожилой человек, Борис Владимирович Теут заметил: «Кто виноват, кто прав – должно определиться только в райкоме, в его партийной комиссии, поэтому место ее председателя должен занимать человек с большим партийным опытом. Иначе нельзя. Иначе можно и дров наломать».

А что сейчас? Иногда мне кажется, что нынешние партии приносят людям больше вреда, чем пользы. Все они клановые, все работают на какую-то отдельную группу людей, которые во всем преследуют свой интерес. Нет сейчас такой партии, которая бы боролась за рядового гражданина. Что касается меня, я бы вообще запретил партиям принимать участие в выборах, пусть избиратели рекомендуют кандидатами в депутаты сами тех, кому верят. Ведь надо помнить, что для нас власть – всего лишь инструмент для того, чтобы мы могли эффективно делать свое главное дело.

Наша цель – создать общество, в котором у власти будут стоять те, кто и далее будут заботиться о нашем спокойствии и благосостоянии.

Иногда, вспоминая о том, как нам жилось раньше, с болью констатирую, что перестройка в нашей стране стала не созидательной, а разрушающей силой. С пятидесятых по восьмидесятые годы экономика нашей страны развивалась бурными темпами – строились заводы, фабрики, электростанции, становилось на ноги сельское хозяйство. А что мы соорудили за перестроечное время, что строим сейчас?

Ах, не те времена, не те руководители страны. Когда еще в 1989 году по поручению зампреда Черновицкого облисполкома я поехал Москву на прием к министру мелиорации тов. Васильеву по вопросу создания треста Минводхоза в Черновицкой области, в приемной министра познакомился с интересным маленьким, щупловатым старичком – оказалось, заместителем Васильева. Увидев на

лацкане моего пиджака значок депутата Верховного Совета СССР, он приветливо поздоровался, предложил выпить чашечку кофе и некоторое время обождать министра, ибо он сейчас находится в Совмине, но к 17-18 часам появится здесь обязательно. Ничего другого делать мне не оставалось, и я присел за столик. Между нами завязалась интересная беседа. Он спросил, кем я работаю. Ответил, что председателем колхоза в Черновицкой области.

– А вы здесь давно работаете? – поинтересовался, в свою очередь, я.

– Нет, – отвечает. – Я сюда от Черненко пришел. А до этого работал в секретариате первых лиц страны – от Сталина до Брежнева.

– Да что вы говорите? – удивляюсь. – Расскажите хотя бы кое-что о них. Интересно же.

– Ничего интересного в этом нет, а вот кое-что об их характерах расскажу. Знаете, как не удивительно, но из всех этих личностей самым скромным был Иосиф Виссарионович Сталин. Он лично подписывал бюджет на содержание собственной семьи – столько-то на хлеб, столько-то на сахар, даже на спички. Сам выдавал деньги детям на кино, на мороженое и другие мелочи – всегда знал, сколько и что стоит. Одевался скромно, да и вообще скромнее его не было.

Другое дело Никита Сергеевич Хрущев – и неаккуратным был, и вульгарным. Когда он приезжал на работу, слышно было на пятом этаже ЦК, как он ругал матом всех подряд, кто попадал ему под руку. Первое лицо в стране и такой бескультурный, ни в чем не предсказуемый, какой-то взбалмошный. Но был оратором, умел переубеждать своих оппонентов, зажигал их на новые свершения. Если бы не вмешивался во все отрасли народного хозяйства, мог бы еще руководить и руководить и партией, и Советским Союзом. Но кукуруза, отказ от черных паров, неурожайные годы последних лет и раскол в рядах членов Политбюро привели к

тому, что его освободили от занимаемой должности как некомпетентного во многих делах государственной деятельности.

Не очень-то сильным в этом отношении был и Леонид Ильич Брежнев. Но работая вместе с Хрущевым, он очень многим коммунистам помог устроиться секретарями обкомов партии во всех республиках Советского Союза, которые и поддерживали его во время отчетно-выборной конференции КПСС.

Так вот, не будучи великим оратором, насилу читая ранее написанное ему в отчете, он все же представлял собой личность в аппарате ЦК. По своей натуре Брежнев был самым добрым из руководителей.

Многие аппаратчики ЦК нарушали дисциплину. Леониду Ильичу докладывали об этом, он вызывал таких к себе в кабинет, ругал, предупреждал, просил быть примером для других – ведь мы же должны быть зеркалом страны, – говорил, и отпускал их восвояси. Все повторялось сначала. Он казался каким-то добродушным, доверчивым. А почему бы и нет? Страна была экономически стабильной – достигла самого высокого в мире уровня жизни, люди были довольны политикой партии и правительства, казалось, другого и не надо. Появились книги о жизни и деятельности Брежнева в годы Великой Отечественной войны, поднятия целинных земель. Многие журналисты наперебой начали славить своего зодчего. Но смерть оборвала жизнь этого удивительного человека, который «и сам брал, и другим давал».

За время правления Юрия Владимировича Андропова Союз достиг самого высокого уровня производительности труда – 18 процентов прироста. Это было неслыханно. Да по-другому и быть не могло. Андропов был человеком слова, требовал точного исполнения своих приказов. Более двух предложений подряд он не произносил никогда. Его лексикон слагался из нескольких вопросов: когда? по-

чему? Надо, не надо. Среди аппарата ЦК партии Украины строжайшая дисциплина. Даже на улицу никто не выходил без разрешения на то Юрия Владимировича. Подчиненные предупреждали своих напарников о том, где, кто в сию минуту находится. Многим это не нравилось. Но они молчали, боясь за свою должность.

На этом наш разговор оборвался, а я вспомнил, как в 1983 году, в мою бытность члена бюро райкома партии, на одном из заседаний бюро мы обсуждали закрытое письмо Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова относительно «вольношатающихся по городам и селам страны лиц». В период Андропова каждый человек должен был работать, занимать свое место в обществе. Каждый должен был работать на экономику, на развитие своей страны.

Когда на смену Андропову пришел Константин Устинович Черненко, казалось, вся жизнь остановилась. Мало того, что он был дряхлым, он был каким-то временным. И это чувствовалось во всем, и казалось, дальше так быть не могло. Вот тогда и пришел на смену ему один из самых молодых членов Политбюро ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев.

Кто есть кто

Горбачев начал свою деятельность, как он считал, с демократизации общества. В его понятии развал экономики страны должен был дать людям свободу действий, и они, якобы, сами сделают то, что надо, как он говорил: «Я буду давить руководителей сверху, а народ – снизу и тогда перестройка пойдет». Не пошла, Михаил Сергеевич. Это была огромная ошибка в вашей деятельности. Вы необоснованно называли всех руководителей сельскохозяйственной промышленности красными директорами.

Генсек, попросту, одурманил людей, говоря, что под руководством Брежнева в конце 70-х и в начале 80-х годов экономика страны развивалась очень медленно, наблюдался такой себе застой в ее развитии. Утверждение было ложным. В конце 70-х годов Советский Союз имел очень сильный потенциал, хотя немного и ниже послевоенного, когда страна подымалась из разрухи. Но так и должно быть. Ведь жили мы тогда в мирное время и ни с кем воевать не собирались. А простые люди ему поверили, что далее так жить невозможно, что надо что-то делать такое, чтобы страна развивалась быстрее и быстрее.

Надо сказать, что Михаил Горбачев не очень был силен в экономике, да и в политике – не очень. Не берусь гадать: куплен он был Западом или не куплен, но все дела, которые он совершил в Советском Союзе, были губительными для страны. Он работал... против народа. Это убедительно видно было по результатам за десять лет, его деятельность нанесла большой ущерб для советского народа.

Я тогда был депутатом Верховного Совета СССР и видел, как Михаил Сергеевич просто играл со своим народом в кошки-мышки – то ввел глупый закон о борьбе с алкоголизмом, внедрил понятия «ваучер», «сертификат» и все старался унижить руководство страны, показать, как он любил повторять, кто есть кто, словом, показал технологию разрушения экономики страны.

Можно было делать все, что не запрещалось законом. Появились любители дармовой наживы, которые объединялись в кланы, диктовали свои условия другим. Партийные боссы, обогащенные дармовыми деньгами со времен советской власти и накопленными во время челноковой торговли с Западом, начали за копейки скупать ваучеры на фабрики, заводы, объявляли их частной собственностью; на дорогах развелось сотни и тысячи рэкетиоров, которые ради быстрого обогащения терроризировали, убивали своих жертв.

Свиристели банды, которые жили по законам сильнейшего, без суда и следствия прибирали к рукам все, что плохо лежало. Разве это развитие демократии, разве к этому стремились мы во второй половине прошлого столетия?

Когда Горбачеву заметили, что, мол, нельзя одному сидеть на двух креслах – Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Верховного Совета СССР, он категорически отбросил это обвинение, мол, я сижу на одном. Он был уверен в этом, но действия его говорили о другом.

За девять месяцев 1987 года 60 процентов машиностроительных предприятий страны сорвали договорные обязательства по поставках продукции. Причины, казалось бы, простые: кто-то один не справился с заданием, нарушил слово и будто спазматическая судорога прокатывается по цехам, заводам и целым отраслям. Тысячи предприятий ждали от машиностроителей продукции на многие сотни миллионов рублей. И – не получили ее. А значит, и сами оказались должниками перед кем-то, а те – перед своими партнерами...

Нельзя навести порядок, опираясь на беспорядок. Дисциплина перестройки должна была коснуться всех отраслей народного хозяйства, положить конец расхлябанности, необязательности, пренебрежению интересами дела – мы не имели права на ошибку, слишком много надежд возлагали на нее простые граждане, и поэтому должны были выработать наиболее верную стратегию, ввести новые и усовершенствовать старые законодательные акты. Серьезным шагом на пути к укреплению братского сотрудничества союзных республик мог бы стать региональный хозрасчет.

Уверовавши в это, наше хозяйство предложит свои услуги отстающему хозяйству в Херсонской области, о чем заметил М. С. Горбачев во время своей поездки в Эстонию. Это, конечно, было приятно, но осознавать, что система подря-

да использовалась еще недостаточно широко, было обидно. Ускорения не получилось. А ведь именно на основании социально-экономического ускорения наше общество и должно было выйти на новые рубежи, когда наиболее раскрывается потенциал социалистического общества, решаются проблемы, которые перешли нам в наследство от предыдущих этапов.

Оказалось, дело перестройки – вещь трудная, причины и корни накопившихся в обществе проблем – более глубокие, чем это представлялось в начале перестройки. Партия продолжала призывать работать творчески, смело, инициативно, решительно устранять недостатки, преодолевать консерватизм и застойные явления, активнее поддерживать все передовое, все новое, что рождается в ходе перестройки, но это были только слова. Надо было осуществлять практические меры по улучшению работы с кадрами.

Слово «перестройка» и для нас означало – делать все возможное, чтобы страна двигалась вперед: надо омолаживать правительство, давать больше свободы коллективным хозяйствам, тщательнее отбирать и готовить кадры руководителей, в некоторой мере, переосмыслить национальный вопрос, дать экономическую свободу народному хозяйству, умело использовать творческие таланты советского человека. Но многие, особенно после распада огромного государства, решили, что это сама судьба призвала народы СССР обрести свободу, совершенно отказаться от советской власти. Подобные настроения царили и здесь, на Западе Украины, кто-то даже винил ее в том, что это она задержала развитие наших республик, а сейчас – отдельных, суверенных государств со своими знаменами, гимнами, гербами.

Припоминаю, отмечали мы 7 ноября день рождения моего свата Флориана Трифоновича Гуцуляка. Тогда как-то зашел разговор о советской власти, о ее последствиях. Кто-то

пробовал ее чернить, другой – защищать. Попросил слова и я как один из гостей Гуцуляка.

– Кто из вас неграмотный? – спрашиваю застольщиков. Все мило улыбаются, мол, что за вопрос такой – у нас все школу окончили, все – грамотные. – Так почему же об этом забываете? – опять задаю вопрос как самый старший между ними.

– Говорите, говорите, Степан Саввич, – начали подбивать меня присутствующие. – Сегодня у нашего хозяина двойной праздник.

– Двойной, – поддерживаю. – Поэтому и поздравляю с днем рождения свата и с праздником Октябрьской всех нас, пью за доброе здравие, желаю счастья, успехов и в личной, и в общественной жизни.

Люди улыбнулись. Об Октябрьской революции все просто забыли.

– Я хочу сказать, – продолжаю, – что Великий Октябрь дал нам светлое будущее, это социалистический строй сделал из бедных хозяев, из полусирот великих людей. Вот мой сват рос полусиротой, отец его погиб на фронте, рядом с ним сидит прокурор района, который тоже вырос без отца, Василий Григорьевич Полковник, дальше – снова председатель народного суда Николай Степанович Дутка, без отца выросли Михаил Иванович Васильчук, Василий Васильевич Васкан – председатель райгосадминистрации.

Разве до Октябрьской революции возможно было таким детям, как эти, стать прокурорами, судьями, директорами промкомбинатов, главами администраций, людьми, занимающими другие важные государственные посты?

– Правильно, согласны, – зашумели гости. – Путевку в жизнь нам дала советская власть. Спасибо ей за это.

Спасибо за то, что она нас учила. Притом мы учились на разных языках – украинском, русском, молдавском. Никто не обращал на это внимания. Сегодня нагло врут, что при-

теснялся украинский язык. В Новоселице были три школы: украинская, русская, молдавская. Никогда при советской власти не притеснялся никакой язык. Каждое село имело свою языковую школу, исходя из национальности жителей села.

Віктор БАРАНОВ

ДО УКРАЇНЦІВ

Я запитую в себе, питаю у вас, у людей,
Я питаю в книжок, роззираюсь на кожній сторінці:
Де той рік, де той місяць, той проклятий тиждень і день,
Коли ми перестали гордиться, що ми – українці?

І що є в нас душа, повна власних чеснот і щедрот,
І що є у нас дума, яка ще од Байди нам в'ється,
І що ми на Україні – таки український народ,
А не просто юрба, котра в звітах населенням зветься.

І що хміль наш – у пісні, а не у барилах вина,
І що щедрість – у серці, а не у крамничних вітринах,
І що є у нас мова і що українська вона,
Без якої наш край – територія, а не Україна.

Я до себе скажу і до кожного з вас: «Говори!»
Говорімо усі, хоч ми й добре навчилися мовчати.
Запитаймо у себе: відколи, з якої пори
Почали українці себе у собі забувати?

Запитаймо й про те, як ми дружно дійшли до буття,
У якому свідомості нашій збагнути незмога,
Чом солодшим од меду нам видався чад забуття
Рідних слів, і пісень, і джерел, і стежок від порога.

Українці мої! То вкраїнці ми з вами – чи як?
Чи в «моголах» і вмерти судила нам доля пихата?
Чи в могили забрати судилося наш переляк,
Що розцвів нам у душах смиренністю «меншого брата»?

Українці мої! Як гірчать мені власні слова...
Знаю добре, що й вам вони теж не солодкі гостинці,
Але мушу казати, бо серце мов свічка сплива,
Коли бачу, як люто себе зневажають вкраїнці.

І тоді в мені ние крамоли осколок тупий,
Мене думка одна обсїдає і душить на славу:
Ради кого Шевченкові йти було в Орські степи,
Ради кого ховати свій біль за солдатську халяву?

То хїба не впаде, не закотиться наша зоря,
І хїба не зотліє на тлін українство між нами,
Коли навіть на згарищі долі й зорі Кобзаря
Ми ще й досі спокійно себе почуваєм хохлами!

Українці мої! Дай вам Боже і щастя, і сил.
Можна жити й хохлом, і не згіркне від того хлібина.
Тільки хто ж колись небо нахилить до ваших могил,
Як не зраджена вами, зневажена вами Вкраїна...

– Я и говорю: главное, если ты способный, трудолюбивый, то и государство шло тебе навстречу. Да, вначале пути были и репрессии, и голодовка, но все же народ поверил в свое будущее, с энтузиазмом, с большим патриотизмом поднимал страну из послевоенной разрухи, люди были дружны, всегда выручали друг друга.

Вся Украина и частично Россия после войны остались без заводов, фабрик. Но за несколько лет их нельзя было узнать. Такого темпа экономического развития не знала

никакая другая страна мира. Зарботки были мизерными, люди работали за копейки, но со временем все изменилось, даже колхозники почувствовали себя свободными, окрыленными, хотя и с некоторой обидой за недостаточное внимание правительства к их нуждам.

Испокон веков принято, что село должно кормить город. Притом кормить дешевыми продуктами питания. А как они могут дешеветь, когда все горюче-смазочные материалы, техника, удобрение, гербициды стоят во много раз дороже единицы сельхозпродукции – пшеницы, молока, мяса.

Во всем мире принято: если земля работает, государство живет, не работает – государство мертвое или полумертвое. Если правительству не хватает сил и ума, чтобы поднять сельское хозяйство на высокий уровень, значит, там сидят случайные люди.

Независимость Украины люди воспринимали по-разному. Кому-то хотелось жить в отдельном государстве независимо от России, кому-то хотелось жить в братском союзе со всеми славянскими народами. Но самое страшное, что люди боялись разрушения экономических связей между союзными республиками, боялись разграбления государственного, общенародного богатства, которое было создано большим многолетним трудом трудящимися всей необъятной страны, через большие муки, без какой-либо техники, с ручными тачками, ломami, кирками, топорами и другим ручным инвентарем.

Но эта боязнь превратилась в реальность. С первых дней независимости Украины под руководством Леонида Макаровича Кравчука началась массовая приватизация всего народного богатства, начали «хапать» кто как мог. С этого момента и поделилось общество на бедных и богатых. Люди оказались в растерянности.

Поэтому на выборах в 1994 году народ не избрал больше президентом Украины Л. М. Кравчука. С приходом к власти

Леонида Даниловича Кучмы люди поначалу верили ему, что он сделает большой рывок в экономике ввиду того, что он работал директором завода, т. е. был хозяйственником.

Как-то сразу после выборов президента осенью 1994 года ко мне в хозяйство приехал родной брат бывшего министра обороны Украины Морозова. И спрашивает меня:

– За кого ты голосовал?

Я и мой коллектив, да и все село голосовало за Л. Д. Кучму.

– Ну, как ты думаешь, не ошибся?

– Да нет, – говорю я. – Ведь это хозяйственный руководитель. Бывший директор завода.

– Да, он бывший директор завода, но ведь он на своей работе ничего не начал, чтобы довести до ума. Ведь это был военный завод, он получал все готовое от государства.

Поначалу я этому не верил. Не верил потому, что первый указ Л. Д. Кучмы был о борьбе с коррупцией. В первое время Кучма у меня ассоциировался с Ю. В. Андроповым. Думал, что именно он наведет порядок в стране.

Но мои мечты не сбылись. Коррупция и растратничество государственного богатства приобрели невиданные масштабы. Массы народа поднялись под лозунгами о досрочном прекращении президентских полномочий под девизом «Украина без Кучмы». Я не мог спокойно воспринимать выступления и рекомендации президента, поскольку они шли вразрез с интересами народа.

Но одно было положительным, что Л. Кучма добился некоторого спокойствия в Украине. Не было столько ненависти между нашими восточными и западными областями, между ними существовал нормальный баланс. Отношения с Россией и Европой были абсолютно одинаковыми.

И когда Леонид Кучма сказал, что Кучма без Украины будет, но не знаю как Украина без Кучмы? – для меня это было смешно, но время-доктор все расставило на свои места.

С уходом Л. Д. Кучмы с политической арены в стране не прекращаются политические скандалы. Три тура президентских выборов, очередные выборы в Верховный Совет, невиданные противостояния между востоком и западом, между отдельными партиями, кланами. Народное хозяйство брошено на произвол судьбы. Сегодня не только не видно, кто занимается экономикой, да никто и не вспоминает об экономическом развитии страны.

Хорошие, мудрые народные слова – время все покажет.

Когда-то народу показалось, что Леонид Данилович Кучма как президент Украины мало что сделал для страны, даже в отдельных случаях со своими реформами много навредил государству. Однако в сравнении с последующими президентами он был золотой.

Поэтому я считаю, что когда первое лицо государства начинает свою работу со словами реформы – это очень опасный руководитель для страны. Для начала нужна просто стабильность. На крепком фундаменте дома стоят надежнее.

Руководитель любого ранга должен просто хорошо, грамотно работать и видеть перспективу, как вывести не свое личное богатство, а народ и государство на благополучный путь.

Народ Украины очень трудолюбивый, свободолюбивый и в то же время очень доверчивый – он быстро поддается искушению. Видя, что в стране плохо, пытается что-то своими действиями изменить. Но, к сожалению, как правило, остается обманутым.

Так, в 2004 году миллион человек поднялись на защиту и поддержку нового будущего. И только через третий тур выборов был избран новый президент Виктор Андреевич Ющенко. У людей появилась надежда, вера, что Ющенко, грамотный финансист, честный человек, руки которого не крали, поведет страну к большим вершинам.

Но получилось совсем не так, как народ наш думал. В. А. Ющенко оказался бездарным политиком, без инициативы и перспективы, без твердости в управлении. Он обострил обстановку между западом и востоком, ухудшил отношения с постсоветскими странами. При Ющенко коррупция получила новый импульс развития.

Постоянные скандалы между президентом и премьер-министром Украины Юлией Владимировной Тимошенко, поднятие таких национальных вопросов, как голодомор, переписывание в истории Украины роли националистических организаций, поднятие вопроса государственного языка – все это привело тогда к большому обострению обстановки в стране и, соответственно, к падению экономики, ухудшению уровня жизни людей и, что самое страшное, – развитию непонимания между востоком и западом Украины на основе национальных вопросов, которые нельзя было поднимать ни в коем случае.

Ющенко потерял доверие людей, его рейтинг упал до невозможного, и больше его народ не избирал.

В 2010 году был избран новый президент Украины Виктор Федорович Янукович. Со сменой правительства у народа появилась новая надежда.

В. Ф. Янукович был более сильным хозяином, чем Ющенко. За время его правления экономика страны была более стабильная. Было построено много объектов, связанных с проведением футбольного чемпионата Евро-2012 в Украине, строились дороги, аэропорты, мост через Днепр в Киеве и новые станции метро.

Однако близкие президенту люди занимались поборами, взяточничеством, была развита система так называемых откатов, государственные службы были превращены в инструмент поборов предпринимателей и простых граждан. С легкой руки Януковича был создан «Земельный Банк», который планировал забрать все государственные земли

Украины у местного самоуправления с целью их дальнейшей «прихватизации».

Людям это не понравилось и уже с осени 2013 года начались массовые волнения. Все это недовольство превратилось в большое противостояние на Майдане в Кйеве, которое привело к гибели множества людей. Это противостояние длилось более 4 месяцев, и 23 февраля 2014 года был свергнут режим Януковича, вследствие чего пришла к власти новая политическая сила.

Участники Майдана, а также многочисленное население страны надеялось на улучшение жизненного уровня. Надежались на честность и порядочность нового правительства, на высокий уровень профессионализма и патриотизма к своему государству и народу.

Но вышло все наоборот. Мы вновь были обмануты.

С первых же дней новая власть пустила на самотек экономику страны, резко упал и без того низкий уровень производства, в три раза обесценилась национальная валюта. Цены на товары, на коммунальные услуги, газ, электричество взлетели до непосильного для простого люда уровня. За это время руководство страны лишило практически все категории нуждающихся всяческих льгот: начиная от детей начальных классов, которым выдавали за счет государства булочку, кружку молока или чая, и до детей войны; ввели налог на пенсии, а ведь люди платили налоги, когда получали зарплату и зарабатывали эти пенсии. Обидели всех афганцев, чернобыльцев. Додумались даже уменьшить оплату по больничным. Но самое позорное, что придумали власти, это обложение налогами благотворительной помощи воинам АТО, детям в детских садах или школах, бедным старикам или больным, – это, оказывается, наказуемая мера, т.е. за все это надо платить государству в виде налога. Невозможно перечислить все безобразия, которые придумали наши правители для обнищания своего

народа. Миллионы людей оказались за чертой бедности. Тут будет уместной цитата Н. Чаушеску: «Почему я отказался от демократии, потому что при коммунистах весь народ воровал у государства и государству все хватало; у демократов государство ворует у своего народа и ему никогда ничего не хватает. Это вы хотели – это вы и имеете. Румыния была единственной страной в мире, которая не имела внешних долгов».

В связи с этим в стране началась не демократия, а полный хаос. Коррупция захлестнула все общество и достигла невиданных масштабов. Из-за некомпетентности и недальновидности правительства страна начала распадаться. За это время Украинское правительство не смогло отстоять Крым, начались волнения на востоке страны, которые переросли в вооруженный конфликт, где без крова осталось около двух миллионов человек, вся инфраструктура была разрушена, производство остановилось и, что самое страшное, – погибли тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей: детей, стариков, молодых ребят.

В стране создалось многочисленное количество незаконных вооруженных формирований, которые стали неуправляемыми. Неизвестно, кто и когда сможет разоружить эти незаконные военные формирования и укрепит нашу государственную армию, которая была бы подвластна государству. Армию, которая защитит независимость, суверенность и народ Украины от хаоса.

Украина находится в критическом состоянии, а экономика страны – в состоянии комы. Страна как никогда нуждается в немедленном принятии конкретных политических и экономических решений по наведению порядка во всех направлениях, чтобы добиться хоть небольшой стабильности.

В первую очередь, нужно приостановить этот хаос. Прекратить пополнения бюджета из МВФ и стать независимым

от этой финансовой аферы. Прекратить военный конфликт на востоке страны любой ценой. Заняться производством, экономикой страны – реальным источником независимости и суверенности любого государства.

Если производство в стране налажено, тогда и государство может разбогатеть за счет собственной экономики. История не знает такого случая, чтоб за счет чужих денег человек, предприятие или целое государство смогло разбогатеть и стать реально независимым.

Одним из самых главных решений должно стать решение прекратить разворовывание государственного бюджета и национальных богатств. Коррупционеры для страны – это как грызуны, в любом хозяйстве они все раздирают. Прекрасные и мудрые слова когда-то мне сказал мой друг из Англии господин Бенит – «Не тот богат, кто много зарабатывает, а тот, кто мало тратит».

Неужели в нашей стране не найдется силы и ума, мудрости и спокойствия для стабилизации и улучшения обстановки?

При распаде Советского Союза Украина среди всех постсоветских республик была самая развитая и богатая. Сейчас страна стала одной из самых бедных в мире наряду с отстающими странами Африканского континента. Неужели руководители страны этого не видят, и не стыдно ли им, что довели страну до такого состояния, до грани банкротства? Довели такой трудолюбивый и мудрый народ, с прекрасными землями, с огромными природными ресурсами до нищеты.

Почему миллионы молодых людей выезжают в те же постсоветские страны, такие как Россия, Белоруссия, на заработки? Почему в этих странах находят работу и для своих, и для наших граждан, а наше государство не в состоянии создать рабочие места для своих же людей, не говоря о том, чтобы к нам приезжали чужие? Масса молодых людей ходят без работы и не видят никакой перспективы в будущем.

Это аксиома: нет производства – нет рабочих мест – не может быть и экономики.

Как нынешнее руководство страны представляет себе ситуацию, когда занимает миллиарды и миллиарды долларов у МВФ на содержание бюджетных организаций, на проведение денег при нынешней экономике, а завтра при этой же экономике, а может быть и хуже, этот же бюджет надо пополнить за счет собственного производства и, кроме того, надо вернуть этот колоссальный долг, да еще с процентами.

Международный валютный фонд – это такая финансовая организация, которая никогда и никому ничего не простит. Раз мы попали в зависимость от нее, она нам всегда будет диктовать свою волю. Это такая хищная рыба – как акула.

Не надо быть большим экономистом, чтоб видеть, каким методом уничтожается государство. Дайте нам, товаропроизводителям, нормальные условия для развития экономики и нам не нужны никакие иностранные инвесторы, и тем более, те миллиарды долларов, которые занимают в МВФ. Второй и очень простой вариант – отказ от займа МВФ, а вложения миллиардов своих украинских олигархов, их у нас достаточно.

Все миллиарды, накопленные нашими олигархами, – это общенародные деньги, они накоплены разными методами. МВФ и олигархи – это собратья-хищники. Если мы хотим вывести страну из руины, каждый из нас должен быть патриотом. И в первую очередь – самые большие магнаты, но у нас получается наоборот: у бедного собирают по пять гривен на содержания армии, а у миллиардеров – ничего. Есть множество вариантов, как вывести Украину на нормальный путь. Главный в этом – честность, порядочность, преданность, патриотизм не на словах, а на деле своему народу – и будет все нормально.

Так думают, так решают правители судьбы людей... Они думают больше о себе, и лишь потом о порядке. Большин-

ство решают личные проблемы, и абсолютно не останавливают курс на разорение государства, который был начат при Л. М. Кравчуке и Л. Д. Кучме, В. А. Ющенко и В. Ф. Януковиче и продолжается при П. А. Порошенко.

Нет должной заботы о простом человеке, о завтрашнем дне. Испокон веков было принято, что родители должны заботиться о своих детях, и не только сегодня, но и на перспективу.

Чтобы иметь кое-что самому, сначала надо этим обеспечить других, которые тебе доверяют. Они – твои дети, они – твоя Родина. Поэтому «сразу думай о Родине, а потом – о себе», заботясь о судьбах других, так или иначе ты позаботишься и о себе. Если я хочу, чтобы человек полностью отдавался работе, предприятию, то в первую очередь должен побеспокоиться о его домашних делах, о его счастье, о его спокойствии. Если же думать только о себе, это никогда не принесет благополучия народу.

Многие из нынешних депутатов местных советов и Верховной Рады Украины восприняли это предложение как план к своим действиям. Зная, что они у власти люди временные, они старались и стараются ныне побольше прихватить себе от государственного корова, за что в народе их называют просто хапугами.

При советской власти я работал стабильно, с перспективой на будущее, стремился значительно повысить благополучие рядового труженика и только позже – своего.

Сейчас же цель большинства депутатов – быстрее наворовать, обмануть, любой ценой обогатиться. Так ли было несколько лет назад?

Будучи депутатом Верховного Совета СССР, я часто обедал вместе с первым заместителем министра обороны Константином Алексеевичем Кочетовым, который, в свое время, познакомил меня со своими коллегами: Ахрамеевым, Яшиным. Фамилия Яшин во мне всегда вызывала ассоци-

ацию знаменитого вратаря сборной советских футболистов. Этот же Яшин был командующим ракетными войсками. Меня Константин Алексеевич всегда представлял кормильцем, ссылаясь на мою сельскохозяйственную профессию, а себя и подобных себе, смеясь, называл бездельниками. Как-то раз спрашивает Яшина:

– Ты можешь подарить Степану какую-то ракету?

– Могу. Только не ракету, а самолет, – бросил шутя.

(Немного позже, после моего возвращения домой, рассказав об этом Евгению Ивановичу Дмитриеву, он предложил не отказываться от такого подарка, а взять самолет под детский кинотеатр в парке культуры и отдыха).

– Нет, – протестую против предложенного. – Он пригодился бы нам для вентилирования сена. Вот это была бы мощь.

Эх, Дмитриев! Сколько вместе с ним мы поездили по Союзу – были в Прибалтике, в Сибири, даже за границей побывали. Мы хотели все посмотреть, все знать, все использовать на практике.

А сейчас что? Кто они, нынешние депутаты? В большинстве своем миллионеры. Я не говорю об их ежемесячных заработках. Ведь для нормального человека этого месячного оклада вполне бы хватило на полтора-два года. Когда их избрали депутатами, они обещали делиться своими прибылями с другими. Президент Ющенко бросил такой клич: богатые поделятся с бедными. Нет, не делятся. Даже миллиардеры. Слова президента остались только словами.

А тем временем страна вымирает, людям не за что лечиться, многим нечего кушать. В больницах не хватает белья, столовые (и то не всегда) готовят лишь сухие каши да пародию на чай, в домах престарелых голо, хоть шаром покати. Поделитесь же с ними, депутаты! Да куда там. Видите ли, им самим вечно не хватает на жизнь... Билеты в театр

по 100 и больше долларов за место, часы – по несколько сотен тысяч, золотые запонки, туфли, галстуки...

Я, например, сейчас руковожу агропроизводственным частно-арендным предприятием «Золотой колос» и мог бы себе позволить самый высокий уровень заработной платы. Это было бы законно. И все же установил себе зарплату, даже меньше сельскохозяйственной. Если по предприятию она составляет более 6800 гривен, то я получаю 7200 гривен. Люди видят, сколько получает первое лицо, и поэтому честно отработывают свой заработок.

В этом году исполнится 65 лет моего трудового стажа. А на руководящей работе я тружусь 55 лет, из них 49 лет руковожу хозяйством, притом самым крупным в области. А живу в саманном доме, построенном в 60-х годах, забор и ворота – как у всех, ничем не отличаются от рядовых труженников.

В то же время наш депутатский корпус получает денег в десятки раз больше, чем средняя заработная плата по Украине. А почему бы и нет, если государственные законы они пишут «под себя». И все шито-крыто. Все по закону.

Дорогие мои, хорошие... Ну не может даже самый умный, но честный человек стать миллиардером за несколько лет. При советской власти я был председателем самого крупного хозяйства в области – агрофирмы «Маяк», и мой ежемесячный заработок составлял 830 рублей. Тогда тот, кто работал на производстве, был высокооплачиваемым, а вот всякие «надстройки» над ним – намного ниже. Вторым секретарем райкома партии я получал уже только 215 рублей, почти в четыре раза меньше председателя, хотя и управлял всей экономикой района.

Прошу прощения, но думаю, что сегодня наши районные и областная администрации ничем не управляют, никакой информацией не владеют, не знают, что делается в низах, но получают зарплату в пять-шесть раз большую,

чем рядовой труженик. Это абсурд. Это развал народного хозяйства – никакой экономии, только развал, хищение, нажива.

Посмотрите, сколько в наших городах, селах появилось дворцов, особняков, загородных дач. А сколько машин самых разных марок. Стоят они и в Киеве на Банковой, и возле Верховной Рады, и возле каждого здания административных учреждений. Почему же подобного нет в других экономически развитых государствах?

Немецкий парламент обслуживают четыре легковых автомобиля, большинство депутатов ездят на велосипедах, мотоциклах, мотороллерах. И все это в порядке вещей. Бывший канцлер Германии Шредер сейчас живет со своей семьей в Ганновере – не построил под Берлином ни своих домов, ни особняков. Так бы и нашим властителям!

Да куда там! Разве они платили деньги на выборах для этого? А партии? По партийным спискам попадают лишь те люди, которые защищают только личные дела. Поэтому и радуются, поэтому с восторгом и восклицают: «Мы победили!». А ведь до этого мы, депутаты, такого не говорили, ибо каждый из нас проходил такие проверки – от себя до дедов, что очень-то ликовать о победе не приходилось. Мы просто служили Родине, были равны между собой, слово избирателей для нас было законом.

А сейчас? Большая часть депутатов – миллионеры. Разве они станут заботиться о судьбах своего электората? Об этом должно беспокоиться само государство – хотя бы налогообложением дач, особняков, дворцов, иномарок. Он ведь, скромно говоря, частник, какие деньги выбрасывает на обслуживающий персонал, на топливо, на газ, что налог в несколько сотен тысяч гривен на его бюджете даже не отобьется.

К сожалению, государство пока что до этого не дошло, и тот, кто был богатым, становится еще богаче, и наоборот. Ока-

зывается, государство не имеет такого механизма, чтобы проверить толстосумов, откуда у них такие доходы? Мы же знаем, что эти прибыли не что иное, как ограбление народа, присвоение общенародного благосостояния. Заграбастали, казалось бы, чужое, общее. Теперь оно стало «своим». Попробуй отобрать у него это добро назад – ничего не получится. Мой брат Владимир говорит, что вернуть его назад можно разве только с кровью. Забрать наворованное у богачей мирно невозможно. Как невозможно верблюду пройти сквозь ушко иглы.

Да, они победили и радуются этому. Да, они победили и ни за что, по существу, не отвечают, казалось, избирателей не помнят. Не то что мы – советские народные депутаты. Тогда мы всегда чувствовали свою ответственность за дела вверенного участка, мы знали, что не мы выиграли избирательную кампанию, а это люди доверили нам свои судьбы. Потому-то никто просто так не соглашался быть депутатом, знал, что с него будет большой спрос избирателей. Даже в местных советах. А сейчас на пост председателя госадминистрации и других руководящих должностей в очереди стоят по 10-15, а то и больше претендентов. А почему нет? Ответственности почти никакой, а заработок выше всех.

Оплата председателя местного совета сегодня в пять-шесть раз выше, чем у председателя агрофирмы. Обеспечен высочайшей пенсией. А спроси его, чем занимается целый день, – четко не ответит. Труд шахтера считается высокооплачиваемым, но он в три-четыре раза ниже государственного служащего. Почему?

Нынешние власти, к сожалению, даже не знают, чем занимаются люди в низах, ну, скажем, в нашем хозяйстве. Они не ведают, что мы сеем, как и чем обрабатываем посевы, чем и когда их убираем. Тем более не знают они и того, чем занимается частный сектор. Каждый живет сам по себе, сам по себе и решает все свои жизненные вопросы. Откуда же им

знать, сколько и какой продукции вырастят и продадут эти частные хозяйства?

Совершенно по-иному было раньше. Райисполком, райком партии всегда знали структуру посевных площадей, ведали, кто и что сеет. Тогда каждый клочок земли был под контролем, даже под скирдами соломы.

Почему же нельзя так построить работу и сегодня? Зачем мы хвалимся – мы сделаем то-то и то-то. Да откуда мы знаем, какой доход получило то или другое хозяйство, тот или иной хозяин? Как же мы можем определить доход на душу населения? Мы не умеем или не хотим считать, а в СОТ стремимся. Словно бы нас там ждут с раскрытыми объятиями...

Чтобы брать, сначала надо давать

Во все времена в Украине рождалась сила добрых замыслов, но часть дела проваливалась через неумелое их осуществление. В этом одна из главных причин падения партийного авторитета. Под пристальным прикрытием демократического централизма и дисциплины в партии глушилась принципиальная требовательность и сила собственного примера. Образовался вакуум, который начал наполняться шепотливой философией перестраховочной осторожности. А ситуация требовала, чтобы сельскохозяйственные генералы были не свадебными, а настоящими, боевыми, что прошли полный курс солдатских наук. Но вместо этого в ЦК КПСС создалось два командных центра.

Один – с неформальным лидером, опальным Егором Лигачевым, жаждущим продолжения строительства экономики. Другой – возглавляемый Михаилом Горбачевым, в руках которого находились рычаги власти, – нещечком демонтировал социализм, переделывая государственные органы в аморфные образования. Так, уже не решались серьезные вопросы и глушились волны инициативы.

Работники аппарата, в котором было много значительно компетентнее Горбачева державников и управленцев, первыми начали осмысливать, что эта паническая политика творится не на благо наших народов, а есть примитивным стремлением демонстрировать иностранцам – партнерам по переговорам свою реформаторскую готовность. С грязной водой выплеснув десятилетиями нянченное дите, не осмыслив, что без него и им, новоявленным геростратам, нечего делать в Кремле, – советская империя распалась на полтора десятка новых суверенных государств.

В это смутное время политики просто играли с народом. Повышая заработную плату, пенсии, они вроде бы заботились о повышении благополучия граждан, и те им верят, а тем временем политики решают личные вопросы. Дорвавшись к власти, они всякими путями стараются плотнее набить свои кошельки народными деньгами.

А что такое деньги? Это просто бумага, которой покрывается какой-то вид продукции. Есть продукция – есть и деньги, точнее, заработная плата. Как хозяин, я могу платить только за произведенную продукцию: зерно, сахар, бобы, мясо, молоко и т. п. А нет продукции – что купишь на увеличенную пенсию? То есть, я исхожу из валовой продукции, а не из денежных поступлений. Сумму можно увеличить за счет налогообложения, но что ты обложишь, если продукции нет? Можно продать фабрику, завод. Но такие деньги назад не возвращаются. Значит, нужен круглогодичный оборот денег, а значит, круглогодично производить все новую и новую продукцию, иметь непрерывный денежный оборот. Продажа фабрик, заводов накапливает денежный вал, но не валовую продукцию.

При Советском Союзе мы тщательно следили, чтобы денег было не меньше и не больше произведенной продукции.

Это аксиома. Только при этом денежная масса будет один к одному.

Хочу привести такой пример. В 1947 году, сразу же после военной разрухи был такой стремительный темп роста экономики, что в этом же году это помогло провести денежную реформу и при замене купюр в три-четыре раза снизить цены на все производственные товары. Их было тогда намного больше, чем денежной массы. Вот и вся арифметика обогащения. Средняя заработная плата составляла 25-30 рублей. Кстати, хлеб тогда стоил 15-20 копеек, молоко – 25 копеек, спички – 1 копейку, а тонна угля – 12-15 рублей.

После превращения Украинской Советской Социалистической Республики в независимое суверенное государство, с приходом рыночного управления и введения в обращение купонов цены резко подскочили. Да и не удивительно. Мне кажется, вводить купоны вообще не стоило (тогда один рубль равнялся одной тысячи купонов!), а надо было рубль потихонечку доводить до перевода на гривну. Купоны легко подделывались, на печатном станке их можно было печатать сколько угодно. Перевод купонов на гривну был неизбежным, многие воспользовались этой необходимостью и на скупке купонов сколотили себе целые состояния.

Заработные платы, пенсии украинских граждан с годами возросли, но с их ростом подскочили и цены на продукты питания. Например, булка хлеба стала стоить 2 гривны, спички – 20 копеек, мясо – 30-40 гривен, молоко 2,5-3 гривны за литр. Тонна угля, цемента стала стоить 1400-1200 гривен. При этом невольно задумываешься, а что больше – 300 рублей или 1500-2000 гривен? Ведь в прошлом американский доллар даже уступал советскому рублю. Что же с нами случилось? Почему говорим об этом с сожалением?

Говорим только потому, что понимаем: денег брать неоткуда, ведь большинство фабрик и заводов простаивают, разорены или совершенно разворованы. Посмотрите на Черновцы из самолета. Нигде ничего не строится из промыш-

ленных предприятий, а наоборот, недостроенные заводы перестраивают в торговые центры. Разве что расширится Калиновский рынок.

Да и им радуемся, мол, он многим гражданам предоставляет рабочие места. В поисках рабочих мест подались за границу наши жены, дочери, отцы и деды. Они там занимаются трудовой деятельностью: производят товары, выращивают и убирают сельскохозяйственную продукцию. А мы только перепродаем товары: «Майдан», «Эпицентр», «Экватор», «Метро», «Колос», станции техобслуживания занимаются только куплей-продажей, не дают государству никакой материальной прибыли.

Именно такие люди и руководят страной. Они никогда не занимались производством, совершенно не знают, что такое экономика, что такое производство продукции, и довели Украину до такого состояния, что она теперь входит в состав малоразвитых стран. Промышленные предприятия проданы-перепроданы, переходят из рук в руки и... снова простаивают, ибо им никто не дает заказов на изготовление товаров, а предприятия легкой промышленности, не достав нужного сырья, надолго приостановили свою деятельность.

В стране уничтожено 60 процентов сахарных заводов. А когда-то мы производили по пять, пять с половиной миллиона тонн сахара. С получением независимости страны оказалось, что правительство совершенно незаинтересовано в этом. Когда-то в советской стране даже дополнительную оплату выдавали за перевыполнение плана, а всему админперсоналу насчитывали за это по шесть-семь месячных окладов.

Теперь Украина из собственной сахарной свеклы вырабатывает за год только один миллион тонн сахара, остальной сахар производим из сахарного тростника, завезенного к нам из других капиталистических стран.

В государстве почти полностью исчезли мясокомбинаты, а ведь они ой как нужны в народном хозяйстве. Когда в Строинцах мы возводили мясокомбинат, его строительство контролировал сам ЦК КПСС. Нам некуда было сбывать выращенное поголовье скота. Единственный областной мясокомбинат не успевал принимать продукцию, а наш Строинский, с приходом независимости, уже перед выпуском растаскали, разворовали и виновных не оставили. Таким образом в Украине были уничтожены тысячи подобных мясокомбинатов.

Печальная участь ждала и молочную отрасль. С распадом колхозов уничтожились и животноводческие фермы. Частный сектор имел тоже незначительное количество коров – нечем было их кормить. А не было молока, значит, не нужны стали и молокозаводы.

Но, что удивительно, и на промышленных, и на сельскохозяйственных предприятиях админперсонал оставался в том же составе, ежемесячно продолжал получать заработную плату. Откуда? С каких таких прибылей? Оказалось, с оплаты за аренду помещений, с вырученных денег от продажи некоторых машин, станков, отдельных металлоконструкций.

Много бед народному хозяйству причинили так называемые руховцы. Они взяли направление на раздробление коллективных хозяйств, приватизацию предприятий. Ваучеры, сертификаты будоражили умы, вносили какую-то неуверенность в завтрашнем дне. Конечно, развал Советского Союза был явлением естественным. Страна стала настолько неуправляемой, что трудно было бороться со всяким разгильдяйством, никто никого не слушал. Надежда на создание Союза Независимых Государств не оправдалась. Образование СНГ было большой ошибкой демократических политиков. Михаил Горбачев оказался политиком бездарным, первые секретари комитетов коммунистической партии во

всех постсоветских республиках чувствовали себя царьками, требовали к себе особенного отношения и уважения.

В числе образовавшихся независимых стран Украина, казалось, имела все возможности стать самой сильной в Европе, ведь производила большое количество молока, мяса, зерна, других сельскохозяйственных продуктов. Но не тут-то было – слепое равнение на Запад привело к экономическому кризису в государстве. За 30 лет существования независимости в Украине не было построено ни одной фабрики, ни одного завода. Вся энергия политиков была направлена только на приватизацию (в народе четко определили это понятие как прихватизацию), распределение и перераспределение наворованного.

Страна в один миг потеряла накопленное годами, и в первую очередь – предприятия военно-промышленного комплекса. Высококвалифицированные рабочие были выброшены за борт корабля, в стране начал развиваться бизнес... через спекуляцию.

А ведь бизнес – не что иное, как производство и переработка продукции, а не просто – купля-продажа. Украина потеряла монополию на производство и реализацию водки, табака, заводы приостановили выпуск сельскохозяйственных орудий производства, тракторов, комбайнов. Так называемые «новые украинцы» появились и разбогатели в бандитских стаях, которые тайно отрывали жирные куски от государственного бюджета, присваивали банковские кредиты, деньги обманутых мошенническими пирамидами людей. Приватизированную глупцами отечественную технику было утилизировано и продано за границу по цене пять граммов золота за тонну металлолома. Тысячи спрессованных остатков экскаваторов, бульдозеров на чужих кораблях уплывали за границу.

Вот так, словно бы невзначай, было уничтожено несколько сотен тысяч рабочих мест. Все пошло прахом, и ко-

рабли с самолетами, и экскаваторы с бульдозерами, и добро, и слава. Селяне были вынуждены добывать продовольствие буквально сапой, лопатой, вилами... Только за один год селу недодали почти треть тракторов, четверть автомобилей, половину металла и 90 процентов лесоматериалов. На 27 процентов снизились поставки минеральных удобрений, на селе собралось много проблем, без предупреждения дальнейших осложнений которых Украина неизбежно должна была и утратила ранее взятые рубежи.

И это в мирное время! Да что там – мирное? Я бы сказал, смутное время никому не нужной перестройки. Нет, я повторяю снова и снова, лучше социалистического строя в мире нет. Ведь это именно при нем на селе развернулось широкое строительство не только хозяйственных, но и культурно-бытовых объектов. Вот что мы построили и приобрели в Маршинцах и Строинцах, объединенном колхозе имени Жданова за 35 лет. В Маршинцах – трехэтажную среднюю школу, Дом культуры, административный центр, дом престарелых, ипподром; создали ансамбль песни и пляски «Маяк»; приобрели 11 спортивных лошадей; соорудили молочно-товарный комплекс на 3000-3500 голов крупного рогатого скота, сементальскую породу коров сменили на черно-пеструю, голштинофридскую, более продуктивную; построили автогараж, реконструировали сеносушильное хранилище, построили племенной завод по КРС, полиэтиленовый и хлорвиниловый цеха для изготовления пленки, пилораму; купили башенный кран; построили столярную мастерскую, реконструировали тракторную бригаду.

В Строинцах построили Дом культуры, памятник участникам Великой Отечественной войны, банно-прачечный комбинат, стадион, детское дошкольное учреждение, церковь; соорудили новое кладбище; газифицировали дома, асфальтировали все дороги, реконструировали школу; сементальскую породу коров заменили черно-пестрой поро-

дой; соорудили складские помещения. Люди верили своему правлению, а оно обязательно прислушивалось к их голосу, и село становилось прогрессивным, многообещающим. Честность, обязательность, преданность народу – вот три кита, на которых держится их вера.

Агрофирма «Маяк» находилась в центре района и была вынуждена построить в районном центре весь комплекс объектов соцкультбыта: Дворец культуры, Дворец спорта, здание Телекома, три многоквартирных дома, четыре двухквартирных дома для специалистов агрофирмы, провели газ в городе Новоселице.

В те времена мы мало уделяли внимание кредитированию. Да, собственно, и не задумывались над этим. Если деньги и брали в кредит, то под совершенно незначительные проценты, никаких налогов за это не платили, даже не ведали, что такое налогообложение. Так было. Так строилась экономика. Главной целью было накормить народ дешевыми продуктами.

А что сейчас? Цель та же, но заработки-то разные. У рабочих и служащих она во много раз выше, чем у сельских тружеников. Тем временем цены на горюче-смазочные материалы, на гербициды, удобрения значительно возросли, так с чего же браться дешевой продукции? Переход от плановой к рыночной экономике принес капитал и богатство тем, кто был у власти. Агропромышленный комплекс Украины, который ежегодно производил на тридцать с лишним миллиардов долларов продукции, оказался огромным лакомым куском. Вокруг него закружили крупные и мелкие, чужие и свои хищники. Их нахальство, некомпетентность и безразличие вконец «всколотили» экономическую среду. С развалом Советского Союза самоликвидировалась вертикаль централизованных закупок продукции и материально-технических поставок производства. Необходимо было сделать ей рыночную альтернативу, которая действовала бы

по коммерческим принципам и снабжала бы техникой, запчастями, горюче-смазочными материалами и средствами химзащиты. Но вместо этого министр сельского хозяйства Ю. Карасик организовал Главк продовольственных ресурсов, который проводил лицензирование, квотирование, устанавливал ценовые и другие ограничения на торговлю. Таким образом, получилось: если крестьянин не желал что-то практически даром сдавать в заготовку, а нашел денежного покупателя, то должен был приехать в Киев и все «утрясти» с министерскими чиновниками. Разве это могло называться рынком?

Сколько усилий приложила наша агрофирма, чтобы выгодно продать молоко! Ведь областная госадминистрация категорически запретила нам продавать свою продукцию за пределами области. Идея организации агросервиса по принципу кооперирования крестьян, как это делается во всем мире, в профильном министерстве поддержки не нашла. Множество частных фирм закупали в хозяйствах и поставляли им только выгодную для себя продукцию. Первоначально взялись снабжать село нефтепродуктами. Но как? Сначала искусственно сделали на них острый дефицит и подняли цены до немыслимых высот. Коммерсанты быстро вытеснили селян со всех доходных мест и стали главными попрошайками и вымогателями лицензий и разрешений, «стимулируя» добропорядочность некоторых работников продовольственного главка.

Кстати, при прямом участии министерства массово уничтожалось животноводство. Если вначале 1991 года в Украине содержалось 24,6 миллиона голов крупного рогатого скота (в том числе 8,4 миллиона коров, 19,4 миллиона свиней, 8,4 миллиона овец и коз да 246 миллионов голов птицы), то за короткое время осталась только половина животных, а сейчас еще меньше. Это было примитивное экономическое злодеяние, содеянное некомпетенцией и корыстностью. Люди

всегда хотели и будут хотеть видеть в своем меню мясо, молоко и яйца, а в стране их потребление резко снизилось. Еще бы! Ведь большое количество животных, словно в сказке, кораблями отплывало за моря.

Значительно уменьшилось количество сельскохозяйственной продукции. Чтобы собрать выращенный урожай зерновых в оптимальные сроки, стране не хватало 25 тысяч комбайнов стоимостью 450 тысяч долларов каждый. Специалисты подсчитали, что себестоимость намолота одной тонны зерна комбайном «Джон-Дир» стоила бы 24,6, а русским комбайном «Дон» – 15,4 долларов. Но в хозяйствах не было денег. Объемы экспорта зерна, сахара, мяса, овощей и фруктов сократились до невозможного. На внутренние рынки хлынул поток низкокачественного импортного продовольствия. Крестьянам перестали выдавать зарплату. Интересы тяжелобольного села оставались второстепенными.

Если раньше государство платило нам за литр молока всего 35-36 копеек, то килограмм дизельного топлива стоил 5 копеек, бензин – 10 копеек, то есть, за литр молока мы могли тогда купить 7 литров топлива. А сейчас? За литр топлива – 3 литра молока. В мою бытность руководителя хозяйства цены на горючее поднялись больше чем в 100 раз, за комбайн «Джон-Дир» – 440 тонн зерна. Тогда за тонну селитры мы платили 35 рублей, а сейчас – 2500 гривен, собственно, тогда за 300 килограммов зерна мы могли купить тонну селитры. Разница существенная. Если во всех европейских странах фермеры получают от государства по 200-250 евро на гектар дотаций, то мы по 100 гривен, и то по отдельных культурах. Эх! Пускай бы наши политические руководители поработали в таких условиях.

Я никак не могу смириться с тем, что новая власть в свое время решила необоснованно заменить руководство области, казалось, она делала все, чтобы уничтожить самые лучшие хозяйства Буковины. В первой половине 90-х годов

было очень большое гонение на «красных директоров». Не стало оно исключением и в нашей области. Лучшие руководители колхозов (особенно в Кицманском районе) освобождались от занимаемых ими должностей под любым предлогом. Под руководством главы областной госадминистрации Георгия Филипчука быстрее всех убирались самые сильные руководители, с тем чтобы они не стали помехой в деле приватизации земли. Он прекрасно понимал, что сильные руководители имели значительное влияние на массы, и в таких хозяйствах провести реформы будет очень трудно.

Он начал с Кицманского района. Более 70 процентов самых лучших руководителей он снял с работы и на их место поставил других, менее сильных, но более пронырливых председателей, иногда даже не хозяйственников. Тогда люди Филипчука добрались и до меня. Никаких мотивов, никаких компроматов на меня у них не было, но почему-то глава госадминистрации настаивал и настаивал на моем освобождении. И ничего другого не придумал, как собрать людей под предлогом о разделе агрофирмы «Маяк» на два хозяйства и немедленно начать приватизацию земли.

В 1997 году наш колхоз полностью получил сертификаты на землю. Честно говоря, я не очень-то верил в их силу и не спешил раздавать их труженикам, не мыслил разорвать хозяйство – раздать сертификаты полноправным хозяевам, то есть, не хотел транжирить землю. Не мыслил я тогда, что среди колхозников найдутся такие, которые добровольно выйдут из хозяйства. Я собирался раздать сертификаты красиво, организованно где-то в 1998 году. Хотел, чтобы каждый непременно имел большую пользу от своего надела при условии, что коллективное хозяйство работало бы на том же уровне, а может быть, и лучше.

В то время в колхозе, как и во всей стране, денег не было, все расчеты производились по бартеру, то есть, действовал простейший обмен товарной продукцией. Мы имели во-

семь тысяч тонн кукурузы, две тысячи тонн муки, тысячу тонн сахара, и таким образом я полностью рассчитался с тружениками.

А Филипчук продолжал гнуть свою линию. Он имел своих агентов в Маршинцах, Новоселице, на него работало все руководство района, прокуратура, все государственные службы, только бы прочь убрать неудобного ему Глигора. Силились изолировать меня от хозяйства.

Сертификат на землю, согласно указу Президента, имели право получать только те члены колхоза, у которых был открыт лицевой счет на август 1995 года. Кто его не имел, в списки пайщиков не включались. Именно таковых и решили собрать вместе посланцы главы администрации. Созвали людей из Тарасовцев, Маршинцов, Новоселицы и других соседних хозяйств и приняли решение о разделе хозяйства.

На собрание прибыло только 6 действительно работающих членов агрофирмы. Разобрались в чем дело, посмотрели на «концерт» опричников Филипчука и разошлись по домам. Но два работника бухгалтерии Мария Сурду и Аурелия Арсений остались и решили протокольно оформить незаконное решение о разделении агрофирмы.

Я сразу же обратился в районное управление сельского хозяйства, к прокурору района с просьбой показать этот протокол и сразу же удивился, что он был подписан даже не членами колхоза, а заместителем директора межрайбазы Облпотребсоюза Анатолием Ватаманюком и заместителем директора малого предприятия «Ритм» Василием Кириллом. Подписывать его они не имели никакого юридического права. В сельхозуправлении мне посоветовали не очень-то и возникать, мол, пока суд да дело, пройдет время, да и нового председателя уже избрали.

Ничего против я не сказал, а сам немедленно созвал собрание в Строинцах, рассказал присутствующим, что к

чему. Люди поняли, в чем речь, изгнали самозванцев и единогласно избрали меня председателем вновь. Фирма получила новое название, а я с большим чувством благодарности услышал заверения, что с этого дня без согласия коллектива никто меня не тронет.

Всякие тайны прекратились. Хозяйство заработало с новыми силами, экономически поднялось на еще высший уровень. Из этого вытекает, что в развале сельского хозяйства виноваты и сами руководители, поставленные местной властью у руля, и сами люди, которые слепо подчинились прихотям вышестоящих органов.

Приватизированные земли не пахались, не сеялись, на них разрослись сорняки, животноводческие фермы рушились, ставали убыточными, не стало молока, мяса. А ведь это были оборотные средства, за их счет жило село. Помня об этом, наша фирма преодолела запрет на продажу продукции за пределы области, начала продавать молоко в самых дорогих точках, в частности, на Коломыйский завод Ивано-Франковской области. Транспортировали продукцию под военизированной охраной, которая сопровождала груз на всем расстоянии между Черновицкой и Ивано-Франковской областями. Только после того, как я написал письма в судебные органы и обладминистрацию о возмещении ущерба, дела незамедлительно поправились. За удачно проданное молоко покупали горюче-смазочные материалы, топливо, другие необходимые для жизни села продукты – удобрения, гербициды.

Похожая картина царила во всех регионах страны. Надо было иметь большущую силу воли, чтобы бороться с таким натиском всяческих органов, банкиров и рэкетиров. Делали все возможное, чтобы сохранить то, что произвели. Во-первых, не допускали нарушений законов, во-вторых, производили продукцию только высококачественную.

Как-то председатель райадминистрации Леонид Гончарук предложил мне запущенные диновецкие земли присоединить к своим плодородным. Как раз тогда наша фирма ощущала нехватку хотя бы 300-400 гектаров земли. А здесь такое предложение!

Собрание в селе Диновцы Новоселицкого района уже началось, мы с Гончаруком немного опоздали. Но увидев долгожданных гостей, нас сразу же посадили в президиум. Я слушал и недоумевал: почти все выступающие критиковали работу своего председателя. Повесив голову, он растерянно молчал.

В конце концов, глава райгосадминистрации, не выдержав такой тотальной критики, предложил присутствующим:

– Люди добрые, прошу вас немного успокоиться. Я понимаю ваш гнев, ваше разочарование. Но не думаю, что из этого тупика нет выхода. Со мной вместе приехал Степан Саввич Глигор – председатель соседней агрофирмы. Он желает часть вашей земли взять под обработку. Пусть об этом скажет сам гость.

– Да, я не против взять под обработку гектаров 300-400. Но предупреждаю сразу: если возьму землю, то такого базара, который я сегодня увидел на собрании, не будет! – делаю ударение на последнем слове. – Но оплата труда и все остальное, что будет касаться земли, будут такие же, как и в Строинцах. Дисциплина труда будет жесточайшая. Если согласны с этим условием, землю беру. Пусть она плодородит!

Вижу в глазах что-то подобное на согласие, но какое-то силованое.

– Что же вы медлите с согласием? На чем будете работать? Часть техники разворовали, а вторую – раскурочили. Так вот, на ремонт и приобретение нужной техники и горюче-смазочных материалов обещаю выделить 500 тысяч гривен при условии, что вы не станете вмешиваться и

справляться за каждую мелочь. Где хозяйство управляется хором, там ничего дельного не будет.

– А откуда у вас такие деньги? – спросил кто-то из присутствующих.

– Я руковожу хозяйством более тридцати лет, а вы за это время поменяли двенадцать председателей и можете любоваться, что из этого получилось.

И опять кто-то бросает свое недоверие:

– Вырастите урожай, а куда его повезете? В Строинцы?

– Не-е-ет! – выкрикивает кто-то из зала. – Так дело не пойдет. Сами разберемся, что и куда...

Собрание так и поступило, и вот уже восемь лет та земля ничего, кроме сорняков, не родит.

Совершенно по-другому поступили земледельцы из Должка – выдали под обработку 500 гектаров земли, но и здесь доброе дело было сведено к нулю. Почти четыре месяца, через суд, я добивался полного оформления этих земель. И вскоре отказался от обработки отдельных пустующих земель, ибо ни район, ни область не поддержали моих начинаний.

И вот в 2010 году по просьбе моих земляков из с. Ванчиковцы я взял под свое полное руководство разрушенное местное хозяйство. За несколько лет оно было полностью восстановлено.

Я уже говорил, у моего дедушки была большая семья, но очень мало земли. И та находилась в разных местах. Вот и выделил детям по 20-30 соток с гектара земли каждому. А ты, мол, как можешь, так и пользуйся ею, чтобы семья не гибла с голода. Сейчас же по 100, а то и 1000 гектаров пахотной земли зарастает сорняками. Их нечем и некому обрабатывать. За несколько десятилетий колхозники отвыкли от ручной работы, ибо при сильном, талантливом организаторе коллективное хозяйство было высокорентабельным, в конце концов, прибыльным, и я думаю, что когда во время перестройки наши политики бросили клич о раздаче земли,

они допустили большую ошибку. Ни парикмахеры, ни учителя, ни библиотекари, ни, ни, ни.. не были готовы пахать землю, к тому же на малых участках. Нужны были специальные однокорпусные плуги, райборонки, конные сажалки. А их не было.

Страна, перейдя на индустриальные методы хозяйствования, давно от них отказалась.

Первые года два люди работали на своих участках не всегда вовремя вспаханных, удобренных, но видя, что с такой работы дела мало, начали предлагать свою землю арендаторам. Таких оказалось немного, да и те арендаторы почти ничего не платили за выращенный урожай. Сельскохозяйственное производство упало. Целые села остались без животноводческих помещений, без продовольственных складов. Разрушенные комплексы, как во время войны, без крыш и дверей тоскливо смотрели в небо.

Городские жители негодуют по поводу дороговизны молока и мяса, других сельхозпродуктов. А откуда же им взяться, этим продуктам? Откуда? Когда горюче-смазочные материалы покупались по бешеным ценам, когда минеральная вода стала дороже молока... Вот поэтому многие наши соотечественники старшего возраста и считают сейчас, что период застоя тогдашней страны Советов был чуть ли не коммунизмом, к которому стремились.

И что самое страшное – что чем дальше продвигаемся вперед, тем хуже и хуже. Кому-то не хочется, чтоб наши люди жили в достатке и развивали свое государство.

Простой люд непрерывно стремится что-то делать для развития экономики, сохранить свой экономический суверенитет, укрепить Родину, в то время как верхушка государства через какие-то мнимые реформы угнетает и уничтожает экономику страны.

После распада Советского Союза за года два все республики обнищали. В начале 90-х годов денег в обороте прак-

тически не было. Все работали по «бартеру». Миллионы гектаров не обрабатывались, земля осталась без хозяина. Разогнали колхозы, раздали землю. Оставшиеся предприятия не были готовы работать на земле самостоятельно. Прошло время, и за десятки лет экономика и производство сельского хозяйства восстановились. Однако правительство вновь выдумывает разные реформы для уничтожения аграрного сектора.

Во всех цивилизованных экономически развитых странах сельское хозяйство дотируется. В Украине за последние пять лет государство не оказывает никакой финансовой поддержки села. Наоборот, стремится любой ценой облагать селянина непосильными налогами, понимая прекрасно, что такое налогообложение приведет к уничтожению целой отрасли, что в будущем приведет к падению экономики и массовой безработице.

Руководство страны связалось с Международным валютным фондом (МВФ), который ставит свои условия и говорит: если вы не в состоянии дальше финансировать производство, мы вам поможем найти инвесторов за границей, которые никогда не будут работать на благо украинского народа.

Мы, аграрии, не хотим участвовать в этой безумной игре, когда правительство занимает колоссальные суммы валюты и неизвестно, когда и кто их вернет. Конечно же, не сегодняшнее правительство, а наши дети, внуки и правнуки. Эта дорога ведет не только к уничтожению аграрного сектора, но и самой страны.

Руководители страны подписали договор о вступлении Украины как ассоциированного члена в Евросоюз. Это хорошее дело, но производство и экономика страны должны соответствовать уровню европейских государств. Но когда мы, босые и голые, вступаем в ассоциацию с сильнейшими экономиками мира, которые имеют высокий уровень технологий, большую государственную поддержку, – это абсурд. Наша сельхозпродукция является неконкурентоспособной

на рынке Европы. Кроме того, во всех европейских странах есть перепроизводство продуктов питания (например, в Дании на 2 млн населения приходится 10 млн свиней), эти страны никогда не допустят того, чтоб на их рынки поступала украинская продукция, так как они со своей не знают что делать.

Приведу один пример. В начале 90-х годов ко мне обратились местные предприниматели с просьбой вывести их на связи с зарубежными бизнесменами, которые занимаются производством сыра. Я, конечно, связал их с моим другом в Англии Бенетом, который производит более 100 видов сыров. Через своего переводчика я уточнил, сможет ли он поставить в Украину определенное количество сыра.

Первое, что спросил меня господин Бенет, есть ли у меня разрешение на ввоз сыра из другой страны в Украину. У наших предпринимателей оказалось все в порядке, разрешение имелось.

Бенет в ответ сказал мне: «Мистер Глигор, ты самый счастливый человек на земле. Нет такой страны в мире, где бы разрешали ввоз чужого товара без выгоды для собственного государства. Государство может быть богатым лишь за счет экспорта. Экспорт дает возможность зарабатывать валюту, экспорт дает возможность увеличить собственное производство, экспорт дает возможность открыть новые рабочие места и т.д. И чем больше в страну импортируют, тем больше тормозится собственное производство».

Украина может импортировать только то, что не производит: нефть, газ и другие высокотехнологические товары, но не продукты питания. Это стыд и позор, имея самое большое количество чернозема в мире, импортировать сельхозпродукты. Если бы правительство создало нормальные условия для аграриев, мы в состоянии накормить не только народ Украины, но и половину Европы. А когда завозят в страну мясо из-за океана – из Канады или Бразилии, а фрукты из

Польши, – это позор для нас. Но мы четко знаем, что правители от нас, товаропроизводителей, ничего для своего кармана не имеют. А от импорта в карман поступает не один чемодан валюты. Вот почему мы и бедные. А экспортировать есть куда. Только надо наладить нормальные деловые отношения со всеми постсоветскими республиками.

Такое абсурдное явление и происходит в нашем государстве. Огромное количество товаров, не только продуктов питания, но и промышленности, импортируется. Так вот, все это в совокупности: импорт плюс кредиты МВФ – приводит страну к полному банкротству.

Страна наша очень богатая и самая большая в Европе. У нас самый трудолюбивый народ, самая плодородная земля. Но с каждым годом ее экономика слабеет и слабеет. В конце концов, народ останется крайним и будет нести ношу ответственности за допущенные правительством ошибки.

Как понимать последние события: Украина входит как ассоциированный член Евросоюза – товар всех развитых стран будет реализовываться на территории Украины, при этом себестоимость импортированной продукции из Евросоюза в несколько раз ниже, чем украинской. Потому что все страны Евросоюза дотируют своего сельхозпроизводителя от 150 до 500 евро за гектар. Если бы наше государство дотировало нашу отрасль в таком объеме, мы готовы отдавать свою продукцию бесплатно.

В это же время все страны Таможенного союза как главные импортеры украинской продукции закрывают свои границы для наших товаров. Одновременно наше правительство ужесточило налогообложение селян и других товаропроизводителей.

Когда-то мой близкий друг Иван Леонтьевич Рудик сказал следующее: «Если мы посмотрим на Саудовскую Аравию, то увидим, что вся их экономика основывается вокруг нефти, потому что Бог наградил их этим богатством. Нас

Бог наградил прекрасными землями, так не значит ли это, что вся экономика нашей страны должна быть построена вокруг сельского хозяйства, вокруг производства продуктов питания, молока, хлеба, мяса и т.д. Мы должны стать кормилицей Европы, а не наоборот».

У нас все наоборот. Не надо быть большим экономистом, чтоб видеть, куда наше правительство ведет нашу страну и к чему это приведет. А приведет это к уничтожению не только села, но и целого государства. На словах все патриоты Украины, а на деле во многих случаях они являются самыми большими вредителями нашей Родины, и они возглавляют страну.

А вот на Востоке препятствий нет никаких, нашу продукцию охотно покупали бы в Грузии, Узбекистане, Таджикистане, да и в самой России и Белоруссии.

Власть наша сейчас символическая. Она даже не власть, а так, прикрытие для тех, кто пока работают на высоких постах, спешат разбогатеть за счет народа, ибо знают, что за год-два с должности их снимут, а они хотят навсегда обеспечить и себя, и детей своих, и внуков своих деньгами, недвижимостью и всеми остальными благами.

Расскажу о нашем Новоселицком ликероводочном заводе, возглавляемом Нежурбедой. В свое время это предприятие наполняло бюджет не только района и области, а даже – республики. Но с первых дней приватизации спирт по самым низким ценам стали получать «Союз-Виктан» и «Немиров», и Новоселицкий ликероводочный, во-первых, не выдержал такой конкуренции, а во-вторых, свое черное дело сделали рэктеры. Завод, который раньше давал сумасшедшую прибыль, сейчас стоит мертвым капиталом.

Остановитесь, люди добрые! Что вы делаете с экономикой страны?

Да, государство должно быть богатым, но не только «куплей-продажей», а и своей продукцией или монополи-

ей на ее производство и реализацию. А вы поняли все по-своему: если оно государственное, то его можно продать олигархам за копейки. Собственно, государство само себя собственными же руками каждый день уничтожает. Наша страна непредсказуемая: мы совершенно не знаем, куда нам стремиться – на Восток или Запад, быть нашей Украине президентской, президентско-парламентской, парламентско-президентской или парламентской, поэтому и переливаем все из пустого в порожнее. Вот потому и инфляция поедает наши деньги, вот потому повышение пенсий так больно ударило по малозащищенным слоям населения. Продукция дорожает с каждым днем.

Да разве политикам, экономистам трудно понять, что можно продавать только имеющуюся продукцию, только ту, что производишь? Почему так трудно поднимается сельское хозяйство? На первый взгляд, сертификаты, ваучеры – дело хорошее, но оказалось... не для всех. Никто из честных, добросовестных людей богатым не стал – заводы, фабрики и часто даже землю отдельные проходимцы скупили, перепродавали их с рук в руки западного, да и восточного капитала. Между ними развернулась настоящая война за приоритеты, правдами и неправдами между собой боролись кланы, никто не ведал, кто кому служит, какая национальность и где преобладает.

Мировые войны всегда происходили за раздел или захват чужих территорий, то есть земли. А войны никогда не проходят без крови, обмана, жестокости. Сейчас подставные лица скупают крестьянские паи за гроши, зная, что в недалеком будущем сдерут за них миллионы долларов. Да хотя бы покупали свои, а то ведь – все из-за границы, из западного мира. И становится своя земля чужой, как это случилось в Польше, где половину плодородной земли скупили немцы. А ведь это – прямой удар по экономике. Добром, принадлежащим другим, распоряжаться не станешь...

Испокон веков экономика определяет политику любого государства. Только на основе правильного развития экономики государство может сделаться сильным. Раньше и Украина была одной из передовых стран Европы. И в первую очередь потому, что государство работало на народ, на село.

Помню, в нашем колхозе гостила американская делегация. Я честно рассказал ее членам, что вся мелиорация, осушение, орошение, строительство мостов и дорог – все делает государство, электроэнергия, использованная на производство сельскохозяйственной продукции, стоила копейку за киловатт, а для населения – четыре копейки. Делегация диву давалось, мол, разве такое возможно?

Оказалось – возможно!

Трудодни, казалось бы, – мизерная плата. Но именно она определяла баланс между производством продукции и трудом. Сначала колхозы производили продукции мало, урожаи были низкими, все работы выполнялись вручную, технология производства была очень трудоемкой, поэтому и на трудодень приходилось ничтожно мало продукции. Но с годами на поле пришла новая техника, внедрялась лучшая технология выращивания сельскохозяйственных культур, производства животноводческой продукции, и многие коллективные хозяйства, в экономическом понятии, встали на ноги, стали надежными, крепкими хозяйствами. Тогда мы за год уже производили по тонне зерна и сто килограммов сахара на душу населения. В четыре раза больше стали производить мяса и в пять раз – молока.

Всякое предприятие должно давать прибыль, государственное в том числе. Так что же, наше правительство не нуждается в ней? Получается какой-то парадокс. Уважающее себя государство, как правило, дает своим предпринимателям беспроцентный кредит на приобретение того или иного товара, а у нас все как-то не по-человечески, как го-

ворится, жену свою отдай дяде, а сам иди... Ну, куда кому идти, это дело другое, а вот отказываться от дополнительной прибыли преступлению подобно.

Разъясню доходчивее. Когда крестьянин режет бычка или поросенка, то большую часть мяса закладывает в бочку, на потом. И на протяжении какого-то времени берет себе по кусочку, пока бочка не станет пустой – ведь мясо обратно не возвращается. Другое дело – дойная корова, дополнительную прибыль дает каждый день. А наше государство поступило со своими предприятиями подобно тому мясу – продало завод, а вырученные деньги «проело».

А если бы завод остался государственным, то приносил бы прибыль своей страны каждый день. Почему же этого не понимают наши политики и доморощенные экономисты? Кто из них может заявить: да, я занимаюсь экономикой, структурой производства. Большинство специалистов не имеют понятия, что сейчас делать, куда звать народ. Когда ты не управляешь экономикой, зачем же подымать зарплату? Пока зарплата не будет увязана с валовым продуктом, не будет роста, и критическое состояние страны никогда не кончится.

С болью, с легким прищуром глаз на прошедшее вспоминаю высокие достижения советской страны в конце восьмидесятых годов. Мы тогда трудились в поте лица своего и кое-что имели не только на черный день, а нынешнее правительство пришло на поминки старого, с чужим калачом в руках. До сих пор власть имущих не заботилась о народе, да и сейчас не знает, что ей делать, чтобы победить инфляцию. В большинстве своем нынешние руководители совершенно не ведают, с чего начинать борьбу за экономическое развитие села.

Реальный доход государства состоит из реального дохода каждого гражданина и такая денежная прибыль не что иное как валовая продукция, которая и влияет на благо-

получие народа. Ведь что такое инфляция? Это состояние, при котором государство имеет на своем счету значительно больше денег, чем произведенной продукции. Поэтому, руководя вверенным мне хозяйством, я мог выписать своим подчиненным зерна, мяса, овощей и т. п., но не более того, сколько покрывала денежная масса.

Раздел земли частникам – вчерашним колхозникам – сначала воодушевил, но через год-два, когда оказалось, что обрабатывать земли нечем, люди встревожились. Одно дело выращивать урожай на приусадебных участках, совершенно другое – в поле. Заболев приватизацией, сельские труженики, не видя никаких перспектив развития своего бизнеса, спешат за гроши избавиться от своих сертификатов, ваучеров. Это смутное время было порождено ошибкой наших правителей. Только здравомыслящие люди могут сегодня исправить те промахи, допущенные на заре нашей перестройки.

Раньше коммунистическая партия и советское правительство не допускали задержки руководящих лиц на одном месте, взамен им приходили другие кадры и таким образом оживляли работу аппарата обкома, давали импульс в экономическом развитии страны.

Но пришла перестройка, и все изменилось к худшему. Это были самые черные дни нашей страны. Горбачев снимал с должностей самых лучших секретарей обкомов, райкомов партии, директоров, председателей колхозов, провоцировал развал Союза, его экономики. Все дешевые товары отправлялись за границу, в том числе хлопчатобумажные ткани, простыни, чулки, носки, только бы дать возможность производить такие товары малым предприятиям, но уже по другим ценам. В 1985 году состоялся Пленум ЦК КПСС по борьбе с алкоголизмом. За два года исчезли виноградники в Молдавии, Грузии, Армении. В 1987 году на совещании советского партийного актива первый секретарь

ЦК КП Молдавии Семен Кузьмич Гроссу выступил с жесткой критикой политики Михаила Горбачева, пожаловался на действия генсека и наш Иван Алексеевич Мозговой. «Вы своими руками уничтожили богатство всего народа, – укорил он Михаила Сергеевича. – А теперь ищите поддержки именно у него». Вокруг виноградного вопроса разгорелся целый скандал. Но черное дело было сделано. Может быть, с этой причины и начался распад Союза.

Чернобыльская авария, уничтоженные виноградники нанесли колоссальный урон государственной экономике. Десятилетиями советские республики интегрировались в вопросах промышленности, сельского хозяйства, науки, и вдруг связующая цепь разорвалась, в мире появились новые суверенные государства. Чтобы восстановить с ними экономические связи, нужно было создавать новую формацию – СНГ. Но, как теперь оказалось, эта формация себя не оправдала. А вот страны Евросоюза надежно испытывают тот же экономический рычаг управления государством, от которого отказались страны бывшего Союза.

В Украине недостает промышленных объектов, на которых бы трудились люди, поэтому наша рабочая сила хлынула на Запад, предлагая свои услуги за крохи с барского стола. Заработанные таким образом деньги они присылают нам, а мы на них покупаем товары и продукты тех же стран, где трудятся наши оstarбайтеры, тем самым обогащая других.

Почему же мы не можем сделать так, чтобы приезжали на заработки они к нам, а не наоборот? Да в первую очередь потому, что в стране властвует коррупция. Как только где-то появляется новое предприятие, на него, как черные вороны, налетают посланцы всех инстанций – от энергетиков до пожарных. И все, за мнимые услуги, требуют денег. Вот в Строинцах, на месте птицефермы, открылась Буковинская птицефабрика по производству индюшатины. Еще

и продукции не произвела, а разные чиновники не покидают сельский совет, все ищут, каким образом собрать за землю больше налогов. Таким образом они поступают и на других предприятиях страны. Тогда где же работать нашим людям?

Вот и едут они за границу. Все – от инженера, ученого до чернорабочего. Кушать-то всем хочется. А ведь рабочая сила – это самое большое богатство страны. Это она создает все материальные блага и является источником всех богатств. Почему же наше государство не сумело удержать ее на родине? Да потому, что надеялось, что наши эмигранты, обогатившись за границей, возвратятся назад. А они, легализовав свое жительство в Испании, Италии, Греции, Германии, Польше, и не помышляют об этом. Они – самое серьезное наказание нашей страны. Уехав на семь-восемь лет за границу, они осваиваются там, и оставив старые, создают в этих странах новые семьи.

По этой причине многие семьи распались. Матери, оставив детей на мужей, повыходили замуж, а дети без материнского ухода, воспитанные бабушками и дедушками (отцы, как правило, от безделья поспивались), выросли как яблоны – дикие, колючие, обиженные на целый мир, с безразличием к жизни. Кругом творится зло – это ведь колоссальный удар по будущему страны: родители высылают детям деньги на приобретение легковых машин, предметов роскоши, квартир, дети транжирят заработанные потом и кровью деньги на гулянки, развлечения, а мы, во всяком случае те, кто стоит у кормила страны, все рассуждаем в Верховной Раде, в правительстве, кто и на какое властное место в верхах претендует, забывая о своем будущем, о том, что эти дети-полусироты при живых родителях, привыкнув к потребительскому отношению к жизни, сами работать не желают, ждут, что деньги на «мелкие расходы» им пришлют родители. Такие настроения подобны болезни, кото-

рую надо лечить годами, а то и десятилетиями. Многие из молодых людей не уважают старости, не слушают советов учителей, вырастают грубыми, эгоистичными, бескультурными. Их уже сейчас необходимо учить настоящей жизни.

При советском строе наши люди, в прямом смысле, боролись за семью, за ее сохранение, учили детей повиновению родителям старшим людям, уважению к другим. Люди работали на себя, на свое отечество. Тот, кто сейчас обвиняет советскую власть в плохом воспитании детей, не кто иной как тот же фашист. Вспомните, в каждом населенном пункте открывались детские ясли и сады. Их воспитанники позже в школе становились октябрятами, пионерами, комсомольцами, отдыхали в лагерях, ходили на сборы. Им прививались чувства патриотизма, любви к Родине, делалось все возможное, чтобы они были всесторонне подготовлены к управлению обществом. Для них имя Владимира Ильича Ленина было символом честности и порядочности, они учились, чтобы знать, своими знаниями приносить пользу своему отечеству. Советские дети готовились стать патриотами, строителями коммунистического общества.

Они были свободны от борьбы за свое существование. К их услугам были профтехучилища, техникумы, институты, академии. Советские кинофильмы учили социалистическому реализму, а не черному нигилизму, но не как сейчас стремятся делать нынешние телевидение и пресса без объективной и здоровой цензуры. Нынешняя демократия направлена на развал экономики, раскол общества, разрушение крепких хозяйств.

Огромную роль в развале Советского Союза сыграли так называемые западные демократы. В 1991 году Украину было провозглашено независимой, суверенной страной. Но она продолжала оставаться и политически, и экономически зависимой от своего северного соседа. Мне вспоминаются 1992 – 1993 годы. Тогда к нам зачастили лекто-

ры из Германии, Англии, США, других капиталистических стран, чтобы «научить» нас, как развивать рыночную экономику. Как-то в здании бывшего райкома партии выступал перед нами – руководителями предприятий и хозяйств района – лектор из Германии, поучал нас азам «становления на ноги», что-то говорил о воссоединении Востока и Запада. Слушал я его внимательно, а потом, не выдержав нравоучений, задал ему на первый взгляд безобидный вопрос: – А скажите, пожалуйста, как вы восприняли воссоединение Восточной и Западной Германии после падения Берлинской стены и как восприняли развал Советского Союза?

– О-о, прекрасно, – ответил лектор. – Очень хорошо, что Германия воссоединилась, и еще лучше, что СССР распался. Империя зла существовать в мире не должна.

Уже тогда меня пронзила мысль: почему нашей судьбой должны опекаться чужие люди? Мы от них зависели, что ли? Когда-то мне казалось, что Советский Союз такой себе монолит, который ничем не разрушить. Социалистические республики не могли обойтись одна без другой, ведь для того, чтобы изготовить какую-то машину, трактор, нужно было ехать за тысячи километров за комплектующими материалами, ибо без одного-двух винтиков не обойтись. Почему же так легко этот монолит распался? Не потому ли, что Михаил Горбачев преклонялся перед Западом, в частности, и перед Маргарет Тэтчер?

Уже почти тридцать лет прошло с того времени, а мы до сих пор не можем зализать свои раны. Наше государство почему-то разделило народ на государственных служащих и простых людей. Для первых – особый статус, особые льготы, а остальному народу – что Бог положит. Судьбу страны решают чиновники. Они же сами и пекутся о своих пенсиях – девяносто процентов от основного заработка, тогда как остальные пенсионеры довольству-

ются только половиной заработанного. Жаль. Мы боролись за независимость своей страны, совершенно забыв о ее благополучии. Не спросили со своих депутатов о социальном обеспечении ни разу, не наказали их за миллионные аферы.

Да это и неудивительно, ведь при советской власти не было разговора о минимальной зарплате, о пенсии. Все подразумевалось само собой – о нас побеспокоится государство.

Как я уже говорил раньше, в 1972 году, после ограбления колхозной кассы, я перенес такой стресс, после которого четыре месяца не мог спать. Это произошло в мае, а первый раз уснул я только осенью. Руки и ноги были холодные, как стекло. Но жизнь продолжалась. Четыре года борьбы с болезнью не дали никакого результата, пока я не обратился к экстрасенсу и не прибег к иглоукаливанию.

Отдаю должное Леониду Макаровичу Кравчуку, заведующему отделом пропаганды в ЦК КПУ, который в свое время работал в Черновицком обкоме партии, что помог мне получить путевку в санаторий дружественной нам Болгарии.

Только при помощи сауны, холодной воды, ласкового моря там смогли снять мое напряжение. Приехав домой, я решил что-то подобное соорудить и в своем хозяйстве. Через некоторое время здесь на животноводческом комплексе, в тракторных бригадах появились сауны, – я хотел, чтобы все люди были всегда здоровыми и закаленными.

Крутился, как белка в колесе. О своем здоровье заботиться было некогда, пока в 2001 году у меня не «выпали» диски. Поехал в Ворничаны к учителю биологии Татьяне Александровне, грубо говоря, костоправу, которая вставляла диски по 2-3 раза в месяц. Но со временем на пятом позвонке возникла грыжа. Я уже не мог сидеть, боль была адская. Вызвал свою спасительницу в колхоз, она удали-

ла жидкость из позвонка. Казалось, все наладилось. В то время ко мне в гости приехал Иван Тадеевич Пенишкевич, главный врач областного диагностического центра, и говорит: «Приезжай ко мне на профилактику, посмотришь, какой медицинский инвентарь у нас есть для твоего лечения». Через несколько дней я позабыл о своей болезни и в память об этом исцелении купил подобный профилактор для своих работников.

Надо сказать, что время от времени мне удавалось бывать в санаториях, чтобы поддерживать свое здоровье на должном уровне. В 1986 году я отдыхал в Железноводске. В соседней с моей комнате отдыхала и женщина, которая обслуживала кабинет Горбачева. История сама по себе интересная, но еще интереснее было узнать об обыденной, так сказать, домашней жизни генсека, особой любви к которому я не питал. Оказалось, Михаил Сергеевич не очень-то заботился о своем народе, а делал все возможное для личного обогащения. Его жена Раиса Максимовна чувствовала себя вольготно, каждую субботу летала самолетом (конечно же, не за свой счет) в Париж покупать новые наряды, а государство тем временем крошилось на отдельные страны. Все это видели граждане советской страны и молча отплевывались от такой «леди».

Так, по-моему, мыслил и профессиональный массажист санатория «Моршин», куда я приехал на лечение.

Массажист взял в руки мою санаторно-курортную книжку и нараспев прочитал:

– Степан Сав-вич Гли-и-гор...

– А вас как величать? – спрашиваю.

– Евгений, – бросает коротко.

– Евгений Онегин, – шучу, желая преподнести его надругими.

Он сердито взглянул на меня.

– Не хочу буты москалем. Шо вы мене ображаете?

– Да почему же? Защищаюсь. Это просто герой стихотворного романа выдающегося русского поэта Александра Пушкина.

– Не хочу про це знаты. Вси воны однакови.

Я попробовал ему возразить, но он упрямо стоял на своем. После этого мои сеансы вместо 15 минут длились по полчаса, массажист переубеждал меня в обратном. Так продолжалось недели три. В конце своего пребывания в санатории я обращаюсь к нему (он жил на границе Ивано-Франковской и Львовской областей):

– Евгений Евгеньевич, хочу как-то отблагодарить вас за профессиональное мастерство. Сколько не ездил по стране, где только ни побывал в жизни, но такого талантливого массажиста, как вы, еще не встречал.

– Дякую. Старався.

– Что вам надо? В чем нуждается? – выпрашиваю.

– Мени ничего не потрибно.

Не знаю, с кем и о чем он советовался, но на второй день, вроде бы между прочим, спрашивает:

– Може б вы змогли мени дати мишок комбикорму?

– О чем речь! – радуюсь. – Все сделаю.

Тут же позвонил своему водителю, чтобы выписал по себестоимости два мешка комбикорма и привез сюда, в Моршин. А еще чтобы захватил с собой ящик помидоров и ящик болгарского перца – угостить массажиста.

На следующий день Евгений вместе со своей женой приходят ко мне в гости. Выпили по рюмочке водки, закусили чем Бог послал – копченой колбасой, салом, помидорами, а потом я и говорю ему:

– Евгений Евгеньевич, ты три недели меня перевоспитывал, разреши мне потратить три минуты, чтобы тебе ответить, как надлежит. Ты обвинил меня, что мы, москали (я, между прочим, молдаванин) оккупировали Галицию, угнетали народ.

Он вскочил с места и вновь начал пересказывать давно не новую историю, а жена останавливает его.

– Да подожди ты. Послушай человека! Ты же сам на это согласился. Слушай.

– Да, Евгений Евгеньевич, возвращаюсь еще раз назад. Ты мне твердил, что москали нас оккупировали, грабили, не считались с нами. Так я тебе хочу сказать, что политику любого государства формируют правительство и политики, входящие в него.

Наше государство Советский Союз управлялось не москалями, а совсем другими людьми. Сейчас объясню.

Только вначале после Октябрьской революции на какое-то время нами правил В. И. Ленин, но потом нами правил грузин И. В. Сталин – но не москаль. После смерти Сталина у руля государства стал наш украинец Н. С. Хрущев до 1964 года. В 1964-м он был освобожден с должности как слабый руководитель, который довел страну до ручки. Вместо Хрущева стал снова наш украинец Л. И. Брежнев. Умирает Брежнев и на некоторое время стает москаль Ю. В. Андропов. После смерти Андропова стает снова наш украинец К. У. Черненко. И только после смерти Черненко у руля Советского Союза стал москаль М. С. Горбачев, который и способствовал Украине и другим постсоветским республикам в завоевании независимости. И самое главное, я тебе хочу сказать, что эти москали во главе с этим грузином Сталиным в 1939-1940 гг. освободили западные области из-под Польши, Венгрии и Румынии, такие как: Львовская, Ивано-Франковская, Волынская, Ровенская, Черновицкая и Закарпатская области и передал их Украине, которая входила в состав Советского Союза. И благодаря этой операции мы с тобой живем сегодня в нашей любимой Украине.

Авторитет руководителей Украины в Советском Союзе был неимоверно высок. Будучи депутатом Верховного Совета СССР, я часто бывал на форумах, которые проходили в

Москве. Я своими глазами видел, как все вставали, когда заходил в зал первый секретарь Украинского комитета Компартии и как все смотрели на него. Далеко не ко всем руководителям советских республик было такое отношение и уважение, как к украинским. В. В. Щербицкий имел намного больше уважения и авторитет, чем любое другое руководящее лицо, входящее в состав правительства СССР. Большое влияние на ход событий и развитие Советского Союза имел наш секретарь ЦК КПУ И. А. Мозговой, который мог в любое время и по любому поводу возразить генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву.

Поэтому считаю, что суверенному государству сначала нужна независимость экономическая и только потом – политическая. Без укрепления страны экономически ни о каких союзах и планах говорить не приходится. Кому нужны бедные страны? Кто согласится удерживать их на своем бюджете?

Кадры должны решать все

Вряд ли кто не согласится, что такого уровня подготовки кадров, каким он был в Советском Союзе, уже не будет. Мой друг – директор подмосковного совхоза «Виноградово» говорил: «Никогда не будет таких кадров, какие готовила коммунистическая партия». Я согласен, что и тогда были компетентные и некомпетентные, порядочные и непорядочные руководители, но никаких взяток они не брали и другим не давали. Ну, может быть, немного в Грузии, Узбекистане, Таджикистане. Первые секретари обкомов партии могли иметь кусок дареного мяса, мешок картофеля, пару ящиков яблок, лука, но никогда – денежной взятки.

Тогда кадры начинали готовить с самых низов, с самых рядовых тружеников. Партийные организации тщательно отбирали их на ту или иную должность – сначала секретаря

партийной организации, заместителя председателя колхоза, потом – инструктора райкома партии, председателя колхоза, а потом самые способные попадали в облисполком, обком партии.

Расскажу о колхозе имени Жданова, о том, как я старался каждого труженика приучать к творческой работе. Ведь забота о человеке была главным рычагом в достижении успеха. А если так, все их домашние заботы должен был предвидеть и решать сам руководитель хозяйства. Работа с кадрами – это прежде всего целенаправленная честная беседа с человеком, простота во взаимоотношениях, дипломатичность и настойчивость. Всеми этими качествами должен обладать каждый руководитель.

Во время моей работы (от секретаря партийной организации до второго секретаря райкома партии) я старался подбирать себе такие кадры, которые не только выполняли мои указания, а и сами становились высококвалифицированными руководителями.

Секретарь комсомольской организации колхоза «Большевик» Николай Степанович Дутка поступил в Кишиневский государственный университет на юридический факультет. А сегодня он возглавляет Новоселицкий районный суд. В колхозе «Завет Ильича» моим заместителем работал Константин Флорович Лупу, который позже возглавил межколхозный откормочный комплекс. После воссоединения колхозов «Завет Ильича» и имени Жданова моим боевым заместителем был Алчип Алексеевич Рошка – человек оперативный, талантливый – схватывал на лету все новое, прогрессивное. А вскоре и сам возглавил в Рокитном колхоз имени Первого мая, позже руководил объединенным колхозом «Авангард», был директором бройлерной фабрики. Казалось, ему было все по плечу. В 1985 году стал председателем самого отстающего в районе колхоза «Дружба» в Магале. В этом году по решению обкома партии и об-

лисполкома хозяйство стало специализироваться по производству овощей.

Трудно себе представить площадь из 42 видов овощей, размещенных почти на 450 гектарах. Но за несколько лет это хозяйство стало одним из сильнейших в области, дважды награждалось переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСП и ЦК ВЛКСМ, дважды было участником выставки ВДНХ СССР, много раз награждалось золотыми медалями и ценными подарками.

В 1990 году Алчип Рошка избирается секретарем обкома партии по сельскому хозяйству, а в 1997 году его назначают заместителем главы облгосадминистрации.

С большой гордостью и искренним уважением говорю о своем бывшем заместителе Владимире Алексеевиче Кириле. Работал он со мной восемь лет и оставил о себе самые лучшие воспоминания. Человек исключительно честный, трудолюбивый, грамотный, настойчивый и целенаправленный. В 1985 году он возглавил колхоз «Ленинский путь» на моей малой родине, в Ванчиковцах, где я рос и воспитывался.

После председательства Петра Пендуса когда-то мощное передовое хозяйство в районе стало разваливаться на глазах, и новому председателю довелось приложить немало сил, чтобы за два года опять сделать из него одно из лучших в области. Может быть, именно поэтому в 1998 году его избрали депутатом Верховной Рады Украины.

Моим заместителем побывал и Илья Флорович Кукуряк – добрый, высокопорядочный, трудолюбивый человек. Позже стал инструктором райкома партии, а через некоторое время возглавил колхоз «Авангард». Но вскоре заболел и, к сожалению, ушел из жизни. В моей памяти он останется навсегда как прекрасный человек и руководитель.

Добрым словом хочу вспомнить еще одного своего заместителя Алексея Васильевича Никитина. В наше хозяй-

ство он прибыл из Молдавии, где работал инженером, на должность механика по трудоемким работам на животноводческой ферме. В работе был непререборчивым. Так был воспитан своей семьей. Вскоре он перешел работать заместителем председателя райисполкома, а позже – начальником Новоселицкого РЭС.

Большим уважением пользовался у меня заместитель председателя колхоза Михаил Флорович Савчук. Он не был специалистом сельского хозяйства, но благодаря своим стараниям со своими обязанностями справлялся хорошо, вскоре стал директором хлебоприемного предприятия.

Многих специалистов, которые выросли и возмужали в нашем хозяйстве, я не могу назвать, – их были десятки. В свое время в районе даже шутили: каждый специалист обязательно должен пройти школу у Глигора. Хорошо помню, как сам зампредседателя облисполкома Леонид Юлианович Яблонский просил меня взять на стажировку сына председателя Облсельхозтехники и сына директора Черновицкой межрайбазы Облпотребсоюза. Детям было очень престижно получать трудовые книжки именно в колхозе имени Жданова.

Кадры подбирались очень тщательно. Более того, постоянно проводилась их переподготовка на уровне председателей колхозов или руководителей районов. Люди всегда знали, сколько страна производит зерна, мяса, молока, сахара, яиц, какое их потребление. Тогда наша область по производству животноводческой продукции занимала ведущее место среди европейских стран. И это радовало.

Так было полтора десятилетия назад. А что же теперь? Везде сидят случайные люди, в зависимости от того, кто с кем дружит, кто кому кум, кто – сват. И нет никакого значения, на что они способны, никто их не проверяет, никто не наказывает.

Со времен перестройки стало модно называть руководителей заводов, фабрик, колхозов, совхозов красными директорами, местными царьками. И только потому, что мы управляли экономикой, и в первые дни перестройки были самыми яркими врагами так называемых новых экономических реформ. Нет, мы не были такими себе царьками, мы были государственными людьми, работали на народ, были подотчетными народу и всем органам государственного управления – райкомам, исполкомам. Нам доводили планы, определяли структуры производства, ревизионные комиссии работали непосредственно на местах, в райкомах, облисполкомах, а КРУ, управления сельского хозяйства постоянно проверяли склады, животноводческие фермы, мельницы, сенохранилище. Так какие же мы царьки?

И все же это не помешало Горбачеву смести с поста первого секретаря Белгородского обкома партии, бывшего председателя комиссии по агропромышленному комплексу Алексея Филипповича Пономарева. Почему? Не потому ли, что эта область крепко держалась на плаву, в хозяйствах надежно работали молочные блоки, откормочные пункты, вырабатывалась высококачественная продукция?

И вот получаю от него письмо, так, мол, и так – сижу без работы, без денег, без надлежащих условий для своего существования. Приезжай. Помоги, чем можешь.

Еду туда и вижу: жена больная, дети разъехались в Москву и Харьков, а дома – хоть шаром покати. Вызвал сюда строительную бригаду, которая подняла домик, чтобы Пономаревым было где жить. Позже, конечно, он трудоустроился – стал ректором Белгородского сельскохозяйственного института. Но сперва с ним поступили очень жестоко, как и со многими другими сильными руководителями страны.

В 1993 году началось гонение на «красных директоров» и в нашей области. В немилость попал и мой учи-

тель – председатель колхоза «Жовтень» Кицманского района Дмитрий Васильевич Рошко. Его место занял угодный облгосадминистрации Василий Борсук и за четыре года полностью уничтожил все хозяйство. В 1997 году люди сами поднялись против такого «руководителя» и с треском выгнали его вон из хозяйства. Без ведома районного и областного начальства они избрали руководителем агрофирмы своего односельчанина Василия Корнелиевича Ивасюка, который за несколько лет возвратил хозяйству былую славу.

Вместе с Дмитрием Васильевичем, разбитым инсультом, он приехал в наше хозяйство за помощью. «Дорогой мой друг, – обратился он ко мне. – У меня нет здоровья, физических сил, чтобы восстановить нашу экономику. Вот мы и выдвинули этого парня на руководителя хозяйства. Мой долг помочь ему во всем. А как мы можем обойтись без вашей помощи, когда в Валяве нет даже соломы для кормления животных?»

– Будет, будет, – успокаиваю Дмитрия Васильевича. – Поделюсь кормами, но хозяйство вытащим!

Время – доктор, время – лечит и показывает, кто есть кто. Василий Корнелиевич за несколько лет не только восстановил экономику хозяйства, но даже превзошел Дмитрия Васильевича.

В народе говорят: хорош тот учитель, чей ученик превосходит его. Сегодня Валявское хозяйство одно из лучших в области. Его экономика позволяет вести расширенное воспроизводство сельхозпредприятий. Валява технически перевооружается самой современной техникой, развивает животноводство, ведет строительство производственных, социально-культурных объектов.

Никогда не прощу виновным в смерти Федора Алексеевича Капроша, председателя колхоза «Дружба народов» Новоселицкого района. Скоропостижные реформы развалили

это крупное хозяйство, поделив его на несколько мелких, как говорится, довели их до ручки, пустили по миру.

Вот что значит правильный подбор руководящих кадров. Сегодня мы абсолютно самостоятельные руководители, нас никто не проверяет, главное – вовремя платить налоги, и никаких к тебе претензий. Не жизнь, а малина! А как было раньше?

Будучи председателем колхоза, я строил свой дом двадцать один год. А сегодня любой руководитель сооружает максимум за два года не то что дом, а целые хоромы, целые дворцы. Куда там «красным директорам»!

Как-то, будучи у одного моего знакомого, мне довелось листать «Черную книгу Украины». Справедливо. Раньше очень много творилось «черных дел», но со временем они минули. Историю вспять не повернуть. Но разве в социалистической Украине не было хороших дел? Надо бы и об этом написать книгу. Все как-то позабывалось, вроде бы и неудобно вспоминать об этом. Но ведь было! И были надежные кадры! А теперь... Кто нами руководит? Кто правит?

А правят нами в большинстве своем не практики, а случайные люди, которые и дня не работали на производстве. Часто они и понятия не имеют, как и что делалось. Приватизировали целые заводы за копейки, обогатились за счет народа и теперь вырвались в депутаты Верховной Рады Украины, в члены правительства.

Если раньше депутатом высшего органа страны мог стать только тот, кто своим делом, своими поступками доказывал свою пригодность, то теперь – кто-либо, но имеющий на своем счету не одну тысячу долларов, может стать и депутатом, и руководителем того или иного предприятия. Вот такие, только-только попадая в кресла, уже ликуют: «Я – победил!». Кого? Народ, трудящихся. Такой подбор кадров – очень опасное явление для общества. Не с вины ли

таких кадров государство перекачивает с людей кровно заработанные ими деньги?

Вот такой случай: раньше почти все нотариальные операции проводились в сельских советах. Был один нотариус на весь район, и тот не всегда загружен работой полностью. Стоимость любой операции составляла копейки, в основном все операции были упрощены, а сейчас стоят очень больших денег. Скажем, чтобы оформить передачу дома по наследству, надо платить во всех инстанциях – от получения документа на право собственности до нотариального оформления почти столько, сколько стоит весь дом. Собственно, человек заново выкупает у государства свой дом. Так обстоит дело и с землей. Раньше достаточно было написать заявление о выделении или об отказе от земли и этого было достаточно. Сейчас же стоимость документации на землю стоит половину стоимости всей земли. Я уже не говорю о мучительных хождениях этих людей.

Короче говоря, сегодня государство совершенно не заинтересовано в упрощении таких земельных операций, мол, приватизировали, сами и разбирайтесь, что к чему.

Да, что и к чему... Сегодня уже, как известно, не говорят о приватизации на селе. Эту тему официально не вспоминают, обходят стороной. А к ней следовало бы вернуться. Ибо... если мы имеем механизм возрождения села, то нельзя обойти такого явления, как приватизация на селе. Почему? Да потому, что зло творилось на государственном уровне, то есть – организовано сверху (как и голодомор), только в более «демократических» рамках и в уменьшенных масштабах. С первых дней реформы сельскохозяйственные предприятия были поставлены в критическое положение. Масса хозяйств не выдерживали того экономического давления, которое создавалось, и буквально на глазах погибало одно за другим.

Хозяйства были вынуждены пустить под нож почти все поголовье скота, для того чтобы удержаться на плаву. С

уменьшением поголовья скота исчезли оборотные средства, т. е. хозяйства еще глубже утопали в болоте. Поначалу стали пустовать животноводческие фермы, а потом и земли. В селах начались массовые грабежи. Они велись открыто, публично, среди белого дня, на глазах у онемелых крестьян. Вокруг этих разоренных хозяйств начали быстро скупаться за копейки «списанные» старые и новенькие трактора, грузовики, комбайны, сеялки. А что оставалось делать простым селянам? Они бросились разбирать по кирпичу опустевшие коровники (которые могли стоять и стоять еще не одну сотню лет). Таким образом, сегодня уничтожено не только поголовье скота в общественном секторе, который уменьшился в 7 раз по сравнению с началом 90-х годов и составляет только 14 процентов от общего поголовья в стране, а уничтожена вся материальная база, животноводческие помещения, тракторные бригады, автопарки, склады – в общем, ничего живого не осталось.

И все же самым трагическим для Украины, ее будущего есть то, что в силу «прихватизации» при молчаливом согласии Леонида Кучмы в каждом наворованном, разрушенном хозяйстве были уничтожены рабочие места. Вспомним: нам перешло в наследство от советской власти более 11 тысяч в основном экономически стабильных сельских хозяйств. Если взять за реальный показатель, что разрушающая «прихватизация» охватила 10 тысяч хозяйств (экономически крепкие, к тому же и возглавлены мудрым и стойким хозяином, процветают и ныне), то такая преступная акция сделала безработными более двух миллионов крестьян, в большинстве своем – молодых. Нация теряет свое будущее, то есть – сельскую молодежь. Она, эта молодежь, дисквалифицируется, ведь, по существу, отлучена от настоящего высшего образования. А дипломированные теряют приобретенные знания, свою профессию. Отсюда лень. И неустроенность, неопределенность. Социальное положение сельской

молодежи разрушает молодой интеллект. Ибо все сводится к зарплате, к деньгам, то есть – к обнаженному прагматизму.

Что же делать, чтобы мы не потеряли будущее страны – сельскую молодежь? Мне кажется, нужна новая государственная политика, новые стратегические направления в построении страны. С приходом независимости Украины в 1991 году и в одночасье с приходом экономического кризиса произошло стихийное «рассредоточение» украинской нации: почти семь миллионов трудоспособных украинцев (и украинских молдаван, румын) эмигрировали в поисках заработка за границу, спасая тем самым разленившуюся Европу от деградации. Теперь мы хотим возвратить хотя бы часть эмигрированных на родину. А это возможно тогда, когда сможем платить нашим землякам за работу больше, чем платит Европа. Когда это произойдет – неизвестно, а пока необходимо во что бы то ни стало вернуть в село молодежь.

Каким образом? Уверен – с помощью индустриализации села. А за какие такие средства ее проводить? Ведь для того, чтобы поднять село и выйти на уровень 1990 года, надо, при подсчетах ученых-аграриев, почти 800 миллиардов гривен. Страшная цифра, если осознать, что именно на такую сумму властные структуры времен Кучмы разорили, разворовали украинское село.

Где же взять такие деньги? На бюджет надежды мало. Даже если парламент раскошелится и выделит 20 процентов из бюджета на аграрный сектор, этого будет недостаточно. Такое положение спасает только земля – наша мать-кормилица. А на ее продажу установлен мораторий, среди владельцев земельных паев 60 процентов пенсионеров, которые сдают свои пай в аренду. А когда умирает владелец пая, участок остается государству, если не переоформит наследник. А, как правило, масса пожилых пенсионеров не в состоянии это сделать. Таким образом, люди могут вновь остаться ни с чем. И об этом не стоит забывать.

И еще думаю, если бы советские люди в свое время знали, как их обведут вокруг пальца с печально известными ваучерами, сертификатами, они просто восстали бы против такой несправедливости.

К сожалению, осознали это очень поздно, уже тогда, когда что-то стоящее для своей защиты делать поздно. Разве что опять объединиться вместе и вместе строить свою жизнь.

С упрямством или... по необходимости?

Я человек упрямый, что скрывать. Казалось, местные власти сделали все возможное, чтобы развалить возглавляемое мною хозяйство. Но оно продолжает жить, обеспечивает людей работой, своевременно вознаграждает их деньгами за труд.

Глигоры вообще люди упрямые. Даже в малом. Я уже говорил, что отец мой Савва Степанович был предобрейшим молдаванином. Так случилось в жизни, что последние дни свои он доживал в гордом одиночестве. Несмотря на то, что рядом с ним жил его родной сын, он не захотел переселиться к нему. Я же тогда работал председателем агрофирмы «Маяк». Отец часто сидел на скамью перед воротами и терпеливо ждал гостей.

Так было и в тот день. Возле дома росло несколько орехов, часть из них уже почти дозрели и отец время от времени сбивал их палкой. Вдруг споткнулся и, падая, сломал выше локтя правую руку. Нужна была медицинская помощь. Тогда я был депутатом Верховного Совета. Вечером возвратился из поездки по своему округу, а утром приезжает мотоциклом старший брат Владимир с отцом в коляске. Положили мы его в больницу, чтобы доктора постарались спасти руку. С такими травмами больные считались полулежащими. Но отец отказался от всякого лечения, просился домой. Позвал меня к себе и, печально взглянув в глаза, сказал: «В больнице больше не буду. Кажется, пришло мое время. Кушать больше не буду, пока не умру». Сказал, как отрезал. Не ел 42 дня! И скончался.

Он был упрямым. По-моему, и дети у него такие же.

Горжусь им, преклоняюсь перед ним. Спасибо, отец, что ты был таким, спасибо за твою любовь ко всем живущим, за доброту твою и твой высокий интеллект. Ты учил меня упрямству, ты учил меня правды, ты научил меня жить. Спасибо тебе за это!

Віктор БАРАНОВ

ПАМ'ЯТІ БАТЬКА

В'яне листя дерев'яне,
а залізне аж дзвенить
на фарбованих вінках,
на хрестах...
Що є вічність? Що є мить?
З обеліска тато гляне –
затуманиться в очах.
В'яне листя дерев'яне...
Біля серця защемить – ах:
«Тату ти наш, тату,
витопи нам хату...»

Хто Вам, тату, топить ТАМ?
Цвіт акацій. Парко, парко...
І стоїть, мов сирота,
недопита Вами чарка.
Я наповнюю свою –
вип'ю, тату, з Вами.
Сам п'ю...
Цвіт з акацій облита,
наче срібло самозване.
Цвіт акацій тане, тане, та...

Ви не мовите ні слова,
я розтерзано мовчу.

Вітер хукнув із розгону
на запалену свічу.
Отака у нас розмова:
Ви ні слова, я ні слова.
Проковтну сльозу солону,
знову свічку засвічу –
хай ще мить
пощемить.

Чи живі, чи мертві;
в січні
чи у червні серед літа
нас на світі цім не стане –
всі ми вічні, вічні, вічні!
В бронзі гілочка відлита –
це ж те саме дерев'яне
листя, до якого вчора
ще й не сваталася змора.
...Вітер свічку пасе –
вічні всі ми, вічні все!

Це я Вас втішаю, тату,
це я сам втішаюсь, тату,
тату Ви наш, тату,
витопіть нам хату...

После всех больших и малых, нужных и ненужных реформ мы сейчас живем в состоянии реабилитации, а может быть, и реанимации. В таком состоянии находится не только наше агропроизводственное частно-арендное предприятие «Золотой колос», а и другие хозяйства всей Украины.

Почему же так получилось?!

В сельскохозяйственной отрасли вообще выживают самые сильные, я бы сказал, самые упрямые хозяйства, а после таких «реформ» – единицы. Агроформирования остались без производства, без людей. Все разрушилось, развалилось, все кричит от боли: люди, что же вы делаете, куда вы стремитесь? Помните: нет производства – нет продукции, нет продукции – нет денег. Нет денег – нет зарплаты, а нет зарплаты – нет и человека!

За последние 10-12 лет все отрасли сельского хозяйства оказались в тягчайшем экономическом положении. Мало кто выживает в таких условиях. Но мы выжили, я бы сказал, выжили по закону Дарвина – изо всех сил боролись за свое существование, за свое место под солнцем.

Прежде всего мы подобрали структуру производства, особенное внимание обратили на полеводство. Если раньше основой основ в нем была сахарная свекла, то теперь мы перешли на производство сои и рапса, других сельскохозяйственных культур, которые требовали минеральных затрат на свое выращивание и давали максимальные урожаи. Словом, вовремя сориентировались, чем лучше заниматься в производстве.

Перво-наперво мы перешли к минимализации обработки почвы, ушли от традиционной технологии, которую применяли раньше, совершенно не учитывая стоимости солярки, бензина, потраченных на обработку почвы. Минеральные удобрения заменили органическими, расширили посевы многолетних трав, которые обогащают землю азотом, и заодно увеличили производство кормов с высоким содер-

жанием белка, стали более конкретно заниматься поиском новых высокоурожайных сортов и гибридов отечественной и зарубежной селекции.

Большую роль в развитии нашего «Золотого колоса» сыграло и то, что мы подписали договор в рамках программы Еврорегион «Верхний Прут» с научно-исследовательским институтом полевых культур «Селекция – Молдова». На базе хозяйства был создан опорный пункт института, в котором мы испытываем много сортов и гибридов разных сельскохозяйственных культур. На этом пункте выведен сорт сои «Аура», который мы зарегистрировали на всей территории Украины, где он зарекомендовал себя как самый лучший сорт. Сами посудите, урожай ее становится более 40 центнеров с гектара.

В этом, 2008 году, внедряем в производство новый австралийский сорт белой горчицы «Танго», который прошел испытания в Австралии, США, Египте, Сирии, Мексике, Аргентине, во многих областях нашей страны и достиг урожайности 45-55 центнеров зерна с гектара.

Значительных успехов мы добились и в животноводстве. Мы не только не сократили, а наоборот, в сравнении с 80-ми годами, значительно увеличили поголовье скота.

Но содержать его очень сложно. Главное – сбыть продукцию. В последнее время цены на молоко и мясо значительно возросли. И не потому, что этого желает производитель, а потому, что страна не имеет достаточного количества животных – ни в общественном, ни в частном секторе. По сути дела в частных хозяйствах редко когда увидишь живую корову, в общественных – разорены животноводческие помещения, мастерские, базы, тракторные бригады, поля запущены, зарастают сорняками. Чтобы они заработали по-прежнему, нужны миллионные затраты. Не скоро этому быть. Не скоро... Сейчас просто некому работать на производстве. Некому восстанавливать производство.

Когда в конце 40-х годов на Буковине создавались коллективные хозяйства, мы поднимали село от старого до самого малого. А с кем это делать сегодня? Все молодые подались за границу, в селах почти не осталось молодых людей. Кому сейчас пахать, кому сеять? Нет даже такого руководителя, который смог бы возобновить все разрушенное. В селе царит хаос. Разруха значительно сильнее, чем в послевоенный период.

Без вмешательства кого-то извне сами хозяйства никогда не поднимутся, не возобновятся. Земля обесценилась. Практически ее можно приобрести за копейки, поля стали пустырями. А ведь когда-то они работали эффективно и будут плодородить и дальше, если на них найдется хозяин. Крестьянин таким не станет, ибо не имеет денег на приобретение земли. Значит, в село придут толстосумы, и даже не наши «родные», а заморские, чужие. Для них земля – та же дойная корова: дои, пока не околеет. Ни севооборотов, ни борьбы с эрозией почвы – главное, взять от земли максимум, ничего не давая взамен.

Я категорически против такой продажи. Ведь на земле и от земли должны жить все без исключения. Проданная земля никогда не возвращается к бывшему хозяину. А за счет чего же он будет жить? Полученные копейки растратит быстрее быстрого и станет... батраком. Если бы отдал свой надел в аренду, мог бы ежегодно получать какую-то плату за землю. Это касается особенно старшего поколения. Пай должен работать, приносить прибыль и внукам – каждый год, каждый день.

А государство тем временем экономически давивает те хозяйства, которые еще «на плаву». Оно под всякими предложениями сворачивает экономическую помощь до минимальной.

В последнее время цены на минеральные удобрения выросли в три раза, в два раза выросли цены на горюче-

смазочные материалы. Еще ощутимей стал разрыв между ценами на сельскохозяйственную продукцию и на материально-техническую базу. Это напрямую связано с судьбой миллионов людей. Никто не задается вопросом, как можно поднять заработок сельским труженикам до минимально принятого, когда невозможно угнаться за ценами и обеспечить материально тех, кто работает в сельском хозяйстве?

Командными методами здесь не помочь. Именно они и привели к разрушительным последствиям. Правительство любит делать ударение на то, что оно будто бы не такое, как прежнее. Но, во всяком случае, имеет удивительное единодушие: как и прежний, так и нынешний Кабинет Министров квотировал и квотирует экспорт зерна. Запрет, мол, необходим для удешевления продуктов на внутреннем рынке. Да и распространяется этот запрет не на всех. Своим выделяли так называемые квоты – часть общего зернового баланса, которые можно было продать за границей. Другим же – нет.

Уже сейчас, по оценкам экспертов, потери тех других, «не своих» сельхозпроизводителей, приближаются к шести с половиной миллиардов гривен, и цифра эта с каждым днем возрастает. А ведь это – не те деньги, что идут на удовлетворение прихотей богатых, а те, за счет которых селяне могли бы купить самые необходимые ресурсы – топливо, удобрения, средства защиты растений.

А где их взять? Правительство в долг не дает, ибо само не побеспокоилось об их закупках, а банковские кредиты дорогие. Своевременно не отдашь их банку, придется возвращать их землей. И так называемый «мораторий» не помешает. Сколько земли уже не фермерам, а коммерческим банкам принадлежит.

И как быть теперь фермерам? Ведь заработная плата напрямую связана с увеличением производства продукции и цен, которые не всегда зависят от производителя, а от того,

кто и за сколько эту продукцию станет покупать, от того, насколько государство может регулировать цены на горюче-смазочные материалы и полевые работы. К сожалению, сегодня государство даже не вспоминает о том, что есть значительная разница между использованием цен на вспашку, посев, уборку урожая и простой ездой легковым автотранспортом. Приобретаем и горючее по ценам самого высшего октанового числа бензина. А ведь в цивилизованных странах на полевые работы отпускается горючее по заниженным ценам!

Когда мы говорим о минимальной заработной плате, просто смешно и грешно забывать о том, что селяне – отдельная категория трудящихся, их работу никоим образом нельзя сравнивать с работой клерка или городского служащего, который только брюки протирает, ничего полезного не производя.

Как говорится: рада душа в рай, да грехи не пускают.

Для меня как человека, рожденного в селе и любящего его искренней сыновней любовью, приятно было узнать, что правительство твердо обещает дополнительную бюджетную поддержку в весенний период. Если на самом деле душа нашего правительства лежит к сельскому хозяйству и если оно действительно сделает что-то для поддержки аграриев, то, конечно же, украинские черноземы не будут зарастать сорняками, не будут пустовать села и не будут стоять болванами дома из разбитыми или забитыми досками окнами. Не от большой ведь радости мы сейчас вынуждены привозить на работу людей со всего района, из четырнадцати населенных пунктов, ведь своих нет. Каждое утро микроавтобус доставляет их в наше агропромышленное предприятие, чтобы таким образом удержат свое хозяйство на плаву. Предприятие полностью обеспечено высококвалифицированными специалистами, кадрами массовых профессий. Хочу назвать хотя бы несколько фамилий.

Вот заместитель директора по животноводству Николай Владимирович Бернадский, который окончил ветеринарный институт. Он честный, преданный делу, работающий с полной отдачей специалист. Такими же зарекомендовали себя главный бухгалтер Василий Михайлович Чокоей, главный инженер Олег Ильич Калараш, бригадир тракторной бригады Николай Гаврилович Цугуй. Они никогда не унывают, находятся в боевом настроении. Большой благодарности заслуживают: Илья Емельянович Савчук, который ведет учет в полеводческой и тракторной бригадах, автопарке, заведующий фермой Алексей Петрович Лепетюк – настоящий хозяйственник.

С большим удовольствием называю имена механизатора Виктора Алексеевича Томика, который, уже в пенсионном возрасте, продолжает трудиться в хозяйстве, Василия Николаевича Савчука, Георгия Ильича Нагирного, Михаила Алексеевича Кочервея, сварщика Петра Георгиевича Кочервея. На этих людях, в основном, и держится наше агропромышленное предприятие.

Было бы несправедливо умолчать и о работниках автопарка Илье Сергеевиче Ковальчуке, его сыне Олеге, Георгии Ильиче Кочервее. Гордостью хозяйства считаются доярки Людмила Ильинична Равренюк и Мария Михайловна Берта, которые проработали здесь не одно десятилетие, стали флагманами производства.

Мы, руководство предприятия, стараемся воспитывать всех наших работников в духе преданности хозяйству. Очень жаль, что государство сейчас не уделяет должное внимание подготовке кадров механизаторов, водителей, кузнецов, токарей, слесарей, ведь старые наши кадры уже или пенсионеры, или люди предпенсионного возраста. Такое положение дел бесперспективно, а молодых кадров нет. Да и профтехучилищ нет, потому что не на что их содержать. Нет денег!

Почему же государство все расходы на содержание этих учебных заведений, на оплату труда преподавателей не возлагает на себя? Почему не беспокоится о жилье, о быте сельских тружеников?

Известно, что за год, при любых деньгах и средствах, никаких кадров не подготовить. Нужны годы. Чтобы стать классным механизатором, необходимо учиться пять-семь лет минимум. А сколько лет понадобится студентам, чтобы стать высококвалифицированным зоотехником, агрономом, инженером, ветеринаром, механиком?! Не опоздать бы с их подготовкой!

Обращаюсь к нашему правительству: повернитесь лицом к производству, не занимайтесь куплей-продажей, базаром, занимайтесь экономикой, старайтесь развивать любую отрасль, получать живые деньги от собственного производства, от собственной экономики, не ждите с протянутой рукой инвестиций, не надейтесь, что кто-то что-то даст. Лучше сократить затраты на содержание депутатского корпуса и государственных администраций, в пределах разумного, и эти деньги отдать на подготовку кадров для села и города. Со временем такие действия окупятся в десятки раз. Не видеть кадровой катастрофы – смерти подобно. Без квалифицированных кадров не будет будущего.

Дорогие мои, хорошие! Не бросайте село на произвол судьбы, ведь это равносильно тому, что вы бросаете на произвол всю страну! Любой руководитель должен быть патриотом своего хозяйства, района, области, быть государственным человеком и постоянно смотреть в будущее, пробуждать чувство ответственности за судьбы людей, знать, что народ хочет, чего желает, а не действовать исходя из своих собственных интересов. Если руководитель не чувствует пульс народа – он не руководитель.

Наконец, надо приостановить разные скандалы, которые приобретают большие масштабы не только в Верхов-

ной Раде, но и в телешоу «Я так думаю», «Свобода Савика Шустера», «Пять копеек», «Дуэль» и других. История не помнит такого случая, чтобы экономика страны постоянно разваливалась.

Мы должны со всего мира собрать своих сыновей и дочерей и сделать все необходимое, чтобы они нашли место работы в своей стране, а не оставались батраками в чужих государствах. Ради человека мы должны направить весь свой потенциал: знания, умения, работоспособность, патриотизм – на создание и поддержку его благ. Надо всегда помнить о том, что если есть человек – есть государство, нет человека – и государства нет.

Все богатства мира творит человек, так дадим же возможность нашим гражданам жить в родном селе, городе, в своей семье, в конце концов, в своем государстве. В стране нет более ответственной задачи, чем эта. Но пока мы будем заниматься спекуляцией (которая при Советском Союзе строго наказывалась), заниматься только куплей-продажей, у нас не прибавится ни килограмма мяса, ни куска хлеба, ни метра ткани или пары обуви, – перекачка денег из одних рук в другие никакого прироста в нашу экономику не дает.

Что же делать, как быть дальше?

Чтобы навести порядок, в стране нужна твердость государственных органов. Выборы должны быть прямыми, без партий, ибо они всегда заигрывают с народом – обещают золотые горы, а потом раздирают страну ради мнимой победы. Ведь ни одна партия не отвечает за экономическую мощь страны, за судьбы людей и судьбу всего государства.

Когда-то коммунистическая партия стояла во главе государственного аппарата, имела в своих руках все бразды правления, управляла стратегией и тактикой развития общества. Да, это был тоталитарный режим, но он имел колоссальное и решающее влияние на общество. Сегодняшние партии только обещают что-то делать для народа, но не

делают ничего, ибо ничего и не имеют. Самое страшное, что они дезориентируют людей, и те не знают, кого им слушать, кому верить.

Демократия – дело хорошее. Но только для того, чтобы человек чувствовал себя в обществе свободным, а не для того, чтобы хором решать экономические вопросы.

Государством должен руководить конкретный человек, как и в другом любом хозяйстве. Он должен иметь свой большой или маленький аппарат, который бы осуществлял стратегию и тактику экономического развития общества. Этот аппарат должен четко выполнять свои решения. Без конкретного управления экономикой общество не может развиваться нормально. А что мы имеем сегодня? У нас существует три ветви власти, никто никому не подчиняется, не говорю уже о сотни партий, которые выступают в нашем государстве, как адвокаты в суде. Все службы работают сами по себе, нет координации действий между службами; невозможно объединить их усилия, а самое страшное то, что никто никому не подчиняется.

Меня никогда не покидала мысль: а найдется ли в нашем государстве человек, который навел бы надлежащий порядок, остановил этот хаос, пока наша мнимая демократия совершенно не разъела нашу экономику, наше общество? Я очень надеюсь на это.

Эти слова были написаны мною еще в 2008 году, но, к сожалению, за период до 2021 года ситуация в стране стала намного хуже... Поэтому хочется закончить мою книгу теми же словами, с которых я и начинал. Что случилось с нами? Куда мы идем? Мы вместе с вами ведем эту страну в пропасть. Остановитесь, люди добрые, опомнитесь, что вы делаете! Идете на поводу у обманщиков, которые ради собственных интересов готовы на все. Будьте добрее, мудрее, бросьте амбиции, которые переходят в большие пожары. Я бы очень хотел и надеюсь на то, что мои тяже-

лые воспоминания и прекрасные достижения нашей страны помогут нам стабилизировать обстановку в нашей родине – Украине.

В конце 2007 года решением международной общественной организации «Ассамблея деловых кругов» мне присвоено почетное звание «Лицар Вітчизни» и я награжден одноименным орденом за высокое национальное достоинство и активное участие в строительстве Украинского государства как человек, который своим кропотливым трудом умножает социально-экономическое могущество Украины, и я горжусь этим.

Я украинский молдаванин. Для меня не так важно, как называется моя родина, но далеко не все равно, как мы в ней живем. Я хочу, чтобы наш народ жил в достатке, как и полагается жить народу в цивилизованной стране.

Народ Украины этого заслуживает!

Январь – апрель 2008 г.

Январь 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

С прищуром на прошедшее	3
<i>Часть первая.</i> Становление	9
<i>Часть вторая.</i> Хозяйственная деятельность	40
<i>Часть третья.</i> Возвращение «на круги своя»	68
Кадры – не только должности	107
Великая Британия, да – чужая	124
Как мы жили до перестройки	131
Кто есть кто	141
Чтобы брать, сначала надо давать.....	161
Кадры должны решать все	193
С упрямством или... по необходимости?	203

Літературно-художнє видання

ГЛІГОР Степан Савович

ПОГЛЯД КРІЗЬ ДНІ ТА РОКИ

(Рос. мовою)

Видання третє, доповнене

Літературний запис Георгія Шевченка

Редактор Людмила Звенигородська

Технічний редактор Володимир Ткачук

Підготовка до друку Дарини Ілюк

Підписано до друку 21.01.2021. Формат 60х84/16. Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 12,55+5,10 вкл. Тираж 200 пр. Зам. № 210047.

Видавець і виготівник ТОВ «Друк Арт». 58018 Чернівці, вул. Головна, 198А, к. 5.
Ліцензія про державну реєстрацію ДК № 2741 від 15.01.2007 р.

Друзья и единомышленники. С Борисом Иосифовичем Кириченко, завсектором ЦК КПСС по международным отношениям, послом СССР в Чехословакии, главным вдохновителем на написание этой книги. 2008 г.

Я горжусь своим внуком Артемом, который выбрал самую гуманную профессию – профессию хлебороба. Учится на агронома в том же учебном заведении, где учился я и мой сын, а его отец Геннадий. На снимке справа от меня внук Артем Глигор и ректор Подольского государственного аграрно-технического университета Н. И. Бахмат. 2008 г.

Отец Глигор Савва Степанович.
Фото 1921 г.,
после возвращения
из Франции
как политический беженец

В центре – отец, слева – Владимир, муж сестры Нины,
справа – его брат Петр. Фото начала 1950-х гг.

С мамой Глигор Софронией Сергеевной.
Во время службы в армии в день моего 20-летия. 8 апреля 1961 г.

Семья Глигоров на моих проводах в армию из отпуска. 1961 г.

Братья Мирча и Калин провожают меня из отпуска в армию. 1961 г.

С моими сестрами Ниной, Марией и Любой. 1960 г.

На праздновании 50-летия моей невестки Марины. 2016 г.

Вместе с семьей на праздновании дня Степана. 2016 г.

На праздновании 70-летия сестры Любы.
Слева направо: брат Владимир, Ольга,
Любовь и я. 2005 г.

Вместе со своими сестрами
Любой и Марией и
племянницей Ниной. 2004 г.

У памятника прадеду Пантелею с моим правнуком Степаном.

Моя семья: жена Ольга и сыновья Леонид и Геннадий. 1982 г.

На праздновании 50-летия супруги Ольги.
Вместе с сыновьями и внуком Артемом. 1996 г.

Вместе с семьей. Слева направо: стоят невестка София,
внук Артем, невестка Марина; сидят сын Леонид,
внук Евгений, внучка Эллинка, сын Геннадий. 2008 г.

Я с внуками. Сидят слева Степан и Женя, справа – Глеб и Эллинка,
стоят Вика и Артем.

Избрание меня председателем объединенного колхоза
им. Жданова сел Строинцы и Маршинцы, январь 1976 г.

Ветераны инженерной службы хозяйства передают свой
опыт младшему поколению. Слева направо: И. И. Калараш,
О. И. Калараш, М. М. Арсений, И. Е. Олентирь.

Слева направо: Н. Н. Скрипник,
В. М. Чокоей – главный бухгалтер, Ф. В. Калараш.

Ветераны хозяйства. Слева направо: Г. Ф. Москалюк, Н. И. Савчук,
И. Е. Савчук, М. С. Буздуган, Н. Е. Кицак.

Ядро ветеранов, работников животноводческой фермы. Слева направо: стоят Н. В. Бернадский, А. В. Никитин, А. М. Ляшкевич, П. Н. Савчук, А. П. Лепетюк; сидят Л. И. Равренюк, М. М. Берта.

Гордость тракторной бригады. Слева направо: 1 ряд – В. Н. Савчук, В. И. Никитин, И. Г. Кочервей, М. А. Кочервей; 2 ряд – М. Н. Галушка, П. И. Кочервей, Г. И. Нагирный; 3 ряд – Н. Г. Цугуй, А. Ф. Кочервей, И. В. Никитин, В. А. Томик.

Бухгалтерия – центр учета и контроля всего производства.
Слева направо: Л. М. Арсений, А. В. Унгуран.

Водители. Слева направо: Г. А. Кукуряк, В. Н. Кошман, М. М. Арсений,
И. С. Ковальчук, Д. И. Ефтемий; спереди О. И. Ковальчук, Г. И. Кочервей.

Вот такая кукуруза и культура полей были в колхозе им. Жданова.

Погрузка сахарной свеклы в колхозе им. Жданова.

Сад перед уборкой урожая.

Фруктохранилище. На автокаре – главный агроном Г. С. Глигор.

На животноводческих фермах колхоза им. Жданова.

Сдача в эксплуатацию мини-завода по переработке молока.
 Слева направо: А. В. Никитин – глава Новоселицкой
 райгосадминистрации, Д. И. Вакарюк – председатель райсовета,
 Г. И. Чубрей – зам. главы райгосадминистрации.

Посещение хозяйства космонавтом Георгием Береговым.

Артем Глигор – будущий руководитель хозяйства с его молодой командой.

Перспектива хозяйства – в перспективных молодых работниках.
Средний возраст этих ребят – 28 лет.

Вручение мне временного удостоверения депутата
Верховного Совета СССР. 18 марта 1984 г.

Москва, Кремль, ноябрь 1986 г. Со своим коллегой Ю. Ф. Бугаковым, председателем к-за «Большевик» Новосибирской области.

Москва, Кремль, ноябрь 1987 г. С первым заместителем министра обороны СССР К. А. Кочетовым и первым секретарем Черновицкого обкома партии Н. Н. Ниваловым.

Семен Сергеевич Баранчан, первый учитель и наставник
в моей производственной деятельности.

Слева направо: Алчип Алексеевич Рошка – секретарь парткома,
зампредседателя к-за им. Жданова, Дмитрий Васильевич Рошко –
председатель к-за «Жовтень» Кицманского р-на.

КОМУНІСТИ ВІСІМДЕСЯТИХ

ДЕСЯТЬ років тому на районній нараді партійно-господарського активу в Кішмані виступив головиний агроном колгоспу «Заповіт Ілліча» Новосидицького району С. А. Стургару. Розповів, як на їхніх полях вдалося виростити рекордний у області 93-центнерний урожай кукурудзи, а потім викликав на змагання одне з передових кішманських господарств.

— То хто приймає виклик?— звернувся до присутніх тодішній перший секретар Кішманського райкому партії П. І. Кошир. — Может, «Жовтень»?

— Ми згодні! — подав голос голова колгоспу Дмитро Вєсєлюхов Родіо.

Після цього члени доярської радиського господарства той виклик записав за душе і чекав, як завітнуватимуть. Хто чув ра-

Однодумці

віше про стрибочний колгосп «Заповіт Ілліча»? І ратом той виступав сувереном їхнього великого еланного господарства!

що йому, молодшому, слід першим вирушати з візном до колгоспу.

У «Жовтні» його зустріли

звичайно суворою ревізором Іде. Не хотілося йому, молодшому господарнику, так би мовити, лисцем у гриву вдарити перед

Звертаються за досвідом, за необхідною допомогою, за порадою або просто гостюють як добрі старі друзі.

Після укрупнення в колгосп ім. Жданова з'явилися ширші можливості для прискореного розвитку виробничих галузей зміцнення економіки. Колгосп швидко вніс утрату, був з твердженням базисом господарством для обласної школи в економічному плані.

Единодумцями.

Встреча со школьным другом. Петр Григорьевич Раца – первый на Буковине мастер спорта СССР по волейболу, неоднократный чемпион СССР среди сельских спортсменов, чемпион мира по волейболу среди ветеранов (2013 г., Италия, г. Турин).

Международный симпозиум на базе к-за «Завет Ильича». Первый слева – зав. гостсортучастка Николай Васильевич Николаенко, третий – председатель к-за «Ленинский путь» Василий Романович Банарь. 1974 г.

На отдыхе с первым секретарем обкома партии Владимиром Григорьевичем Дикусаровым.

Посещение Сучавы (Румыния) с первым секретарем обкома партии
Николаем Николаевичем Ниваловым. 1988 г.

Во время посещения Великобритании с первым секретарем обкома
партии Евгением Ивановичем Дмитриевым. 1990 г.

С Виктором Павловичем Мотовилиным, секретарем обкома партии
по сельскому хозяйству.

Встреча Александра Александровича Мороза в нашем хозяйстве.

Новоизбранный молодой председатель сельского совета С. С. Глигор
вместе с советом ветеранов с. Ванчиковцы. 1968 г.

На встрече с ветеранами Великой Отечественной войны
сел Строинцы и Маршинцы в День Победы. 9 мая 1986 г.

Первомайская демонстрация в с. Строинцы.

Посещение с. Стальновцы с бывшим секретарем комитета комсомола к-за «Большевик» Николаем Степановичем Дуткой.

Вместе с моим заместителем и секретарем парткома
Владимиром Алексеевичем Кирилом (справа).

Встреча с моим бывшим заместителем, секретарем парткома
Алексеем Васильевичем Никитиным.

Секретарь парткома, заместитель председателя колхоза им. Жданова Константин Флорович Лупу (справа) проводит встречу с московской делегацией из совхоза «Виноградово».

Михаил Флорович Савчук, секретарь парткома, заместитель председателя агрофирмы «Маяк» на встрече с учащимися Строинской школы.

Подведение итогов соцсоревнования в к-зе им. Жданова вместе
с секретарем парторганизации, зам. председателя колхоза
Ильей Флоровичем Кукуряком.

С моим заместителем в АПОП «Золотой колос»
и внуком Артемом Геннадиевичем Глигором. 2016 г.

Посещение ООО «Валявский» Кицманского р-на.
Слева – директор Василий Корнелиевич Ивасюк,
справа – сын Д. В. Рошко Иван Дмитриевич.

Со своим заместителем Александром Николаевичем Карпом
в ДП «Ванчиковский Золотой колос».

Встреча с моими коллегами после завершения осенних полевых работ.

Админперсонал ДП «Ванчиковский Золотой колос».
Слева направо О. К. Кожемякина, З. З. Чебан, В. Д. Глигор,
А. Н. Карп, Е. С. Рыбак, В. В. Кладницкая.

На праздновании Дня работников сельского хозяйства на площади перед Дворцом культуры г. Новоселица, возведенным агрофирмой «Маяк».

Во время проведения районного семинара по выращиванию сои в АЧАП «Золотой колос» с моими коллегами.

Подведение результатов года в районе.

Коллектив ДП «Ванчиковский Золотой колос».

Слева направо, первый ряд – Г. К. Светенко, Е. Е. Светенко, А. Н. Карп,
В. М. Барбуца, И. В. Флоря; второй ряд – И. В. Глигор, И. Д. Светенко,
В. В. Огронович, В. И. Глигор, Н. В. Нантой, М. А. Барбуца.

Слева направо:
начальник
мехотряда №2
В. И. Никитин,
ветеран труда
И. И. Скрипник,
начальник
мехотряда №1
А. И. Бойко.

Главный
агроном
С. А. Стругару.

Механизатор,
кавалер трех
орденов Славы
В. Ф. Москалюк.

Первомайская демонстрация в г. Новоселица. 1982 г.

Демонстрация 1 Мая в с. Маршинцы. 1982 г.

Встреча делегации совхоза «Виноградово» Московской области
и подписание договора об экономическом сотрудничестве. 1983 г.

Встреча делегации агрофирмы «Маяк»
в кооперативе «Петефи» (Венгрия). 1986 г.

Вручение договора об экономическом сотрудничестве
с кооперативом «Петефи».

Стажировка в Великобритании. Встреча с молодыми фермерами.
 Первый ряд справа налево: секретарь ассоциации фермеров
 Херефордской провинции Магрер, председатель к-за «Днепр»
 Черкасской обл. В. П. Смертюк, председатель к-за «Коммунар»
 Хмельницкой обл. И. Л. Рудик. 1986 г.

Встреча в Кабмине СССР с английскими и московскими коллегами. 1987 г.

Изучение экономики Великобритании у господина Бенета.
С первым секретарем обкома партии Е. И. Дмитриевым. 2000 г.

На встрече украинской делегации в Румынии. С первым секретарем
обкома партии Н. Н. Ниваловым. 1988 г.

**Одни из многих объектов, построенных по инициативе
и с участием С. С. Глигора во время пребывания
на различных должностях руководителя хозяйств**

Админздание агрофирмы «Маяк», с. Маршинцы.

Админздание АЧАП «Золотой колос», с. Строинцы.

Сдача в эксплуатацию школы в с. Стальновцы, 7 декабря 1971 г.,
будучи на должности секретаря парткома.

Школа в с. Строинцы, директор – Л. И. Савчук.

Средняя школа в с. Маршинцы, 1985 г.

Дом культуры в с. Строицы, 1979 г.

Детское дошкольное учреждение в с. Строинцы.
С председателем сельского совета Г. И. Никитиным.

Перед открытием церкви Св. Ильи в с. Строинцы.
С бывшим председателем сельского совета П. Е. Савчуком.

Перед Дворцом культуры в г. Новоселица. Руководители города с лицами, которые принимали непосредственное участие в финансировании и строительстве этого объекта.

Встреча с руководством и работниками Укртелекома перед зданием, построенным в 1984-1985 гг.

Спортивный комплекс в г. Новоселица. Футбольная команда «Золотой колос». В центре слева – тренер команды В. И. Романюк, справа – заслуженный тренер Украины, председатель ФО «Колос» Г. В. Кирил.

Успехи хозяйства в развитии спорта. Почетный знак благодарности областной федерации футбола вручают председатель ФО «Колос» Г. В. Кирил (справа) и председатель села М. И. Кукурjak.

Памятник погибшим
воинам-односельчанам
в Великой Отечественной
войне, с. Строинцы, 1975 г.

Памятник жертвам сталинских репрессий в с. Ванчиковцы.
С сыновьями бывшего ванчиковецкого председателя В. М. Каланчи
Дину (слева) и Марином (справа).

Так был снесен дом инвалида Великой Отечественной войны
Георгия Савки в с. Маршинцы в 1979 г.

А так дом возведен при нашем содействии с заместителем председателя
облисполкома Л. Ю. Яблонским в 1985-1986 гг.

Что случилось с нами после аграрной «реформы»

До реформы...

...после реформы.

...после реформы.

Такие фермы были до реформы...

А так выглядят сейчас многие-многие фермы.

Это все, что осталось от ферм...

Такое поголовье было в хозяйствах раньше....

А сейчас...

Такие поля с кукурузой были раньше...

А сейчас такие...

Так выращивалась соя раньше...

...и сейчас.

Так было...

...а так стало.

Вручение ключа от админздания,
подаренного ДП «Ванчиновецкий Золотой колос»

Поздравление Лупой В. С. в связи с избранием его председателем ОТГ

В гостях с моим внуком Артемом у директора племзавода «Ирмень» Новосибирской обл. Бугакова Юрия Федоровича. Это крупнейшее хозяйство России с мировым уровнем сельскохозяйственного производства. На площади около 24 тыс. га земли валовой продукции достиг более 2 млрд рублей, из них на развитие социальной сферы ежегодно выделяется более 200 млн рублей. Благодаря высокому уровню продуктивности полей и ферм, особенно животноводческой продукции, хозяйство Ю. Ф. Бугакова почти на 30% обеспечивает г. Новосибирск всеми необходимыми продуктами питания. Удой молока от около 4 тыс. коров достиг более 12 тыс. литров на фуражную корову. Хозяйство с таким высоким уровнем объема производства и продуктивности вряд ли еще можно встретить в мире.

Во время подготовки материалов дополнений к изданию этой книги с большим прискорбием узнал о страшной трагедии – уходе из жизни моего лучшего друга, коллеги по Верховному Совету СССР и работе Юрия Федоровича Бугакова. Он навсегда останется в моем сердце как настоящий друг, прекрасный человек, сильнейшая личность, преданный своему народу и государству

На праздновании дня рождения супруги Юрия Федоровича Бугакова –
Антонины в Ирмени Новосибирской области

В гостях у Козловского Василия Якимовича,
председателя колхоза «Маяк» – ведущего хозяйства Молдавии и Союза

**Визит в Японию с моими коллегами-буковинцами
по изучению автоматизированной системы управления производства**

**Посещение
одного из фермерских
хозяйств в Канаде,
провинция Онтарио**

Празднование 70-летия создания колхоза в с. Строинцы

Празднование в честь 40-летия моей работы
в должности председателя колхоза

Поздравление тружеников хозяйства с завершением полевых работ
артистами Черновицкой филармонии

Сады – это гордость нашего хозяйства!

Большая надежда
на развитие
экономики хозяйства
полагается
на свиноводство

Главная экономическая отрасль хозяйства – растениеводство

Таким образом
с большой любовью
правнук Стёпа
учится быть
настоящим хозяином

Отсюда начинается реальная здоровая жизнь всего села

Спортивный комплекс села Строинцы

Детская игровая спортивная площадка в с. Строинцы

Детская игровая спортивная площадка с. Ванчиковцы

Спортивный комплекс с. Ванчиковцы

Новое кладбище с. Ванчиковцы

Реконструкция старого кладбища с. Ванчиковцы